К. Валишевскій.



ВОКРУГЪ ТРОНА.

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНІЕ.

Переводъ съ французскаго.

Съ пятью портретами меццо-тинто и рисунками въ текстѣ.

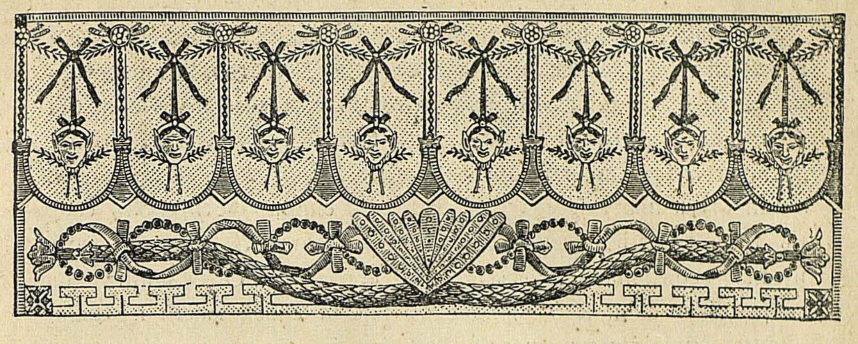
Четвертое изданіе.

Московское Книгоиздательское Товарищество „ОБРАЗОВАНІЕ“.

[1913]

Москва.
Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
Телефонъ 18-35.





ГЛАВА I.

Ближайшіе сотрудники.—Орловы.—Потемкинъ.—Зубовы.

Орловы.

I.

Можно прослѣдить дѣятельность цѣлаго ряда спеціалистовъ, государственныхъ людей и военныхъ чиновъ, услугами которыхъ пользовалась Екатерина, выполняя свою историческую миссію, и намъ, тѣмъ не менѣе, не только нельзя будетъ проникнуть въ интимную жизнь великой императрицы, но даже затронуть хотя бы нѣкоторые наиболѣе замѣчательные эпизоды изъ исторіи ея личныхъ отношеній и ея царствованія. Личная исторія и исторія политическая этого необыкновеннаго царствованія тѣсно связаны съ цѣлымъ рядомъ интимныхъ отношеній, на которыхъ мы остановимся нѣсколько подробнѣй, хотя должны теперь же оговориться, что не претендуемъ на совершенную полноту и ясность приводимыхъ нами фактовъ. Съ 1762 по 1796 годъ фаворитизмъ въ Россіи не былъ только уголкомъ частной жизни самодержавной повелительницы и ея личныхъ причудъ: онъ игралъ роль государственнаго учрежденія. Вотъ почему эта глава, которую мы назвали по имени трехъ лицъ, взятыхъ нами изъ длиннаго списка, составляетъ по своему научно-историческому значенію самую существенную часть настоящей книги, несмотря на предубѣжденія, вызываемыя ея романическимъ содержаніемъ. Не только вся жизнь этой необыкновенной женщины, но и судьбы великаго народа были тѣсно связаны съ этими именами на протяженіи тридцати четырехъ лѣтъ: Орловъ знаменуетъ собой лучезарное начало великаго царствованія, Потемкинъ—его блестящій расцвѣтъ, а Зубовъ—его омраченный конецъ.

Орловы, если вѣрить геральдическимъ книгамъ, недавно были возведены въ дворянское и графское достоинство. Правда, упоминается объ одномъ Орловѣ, который сражался подъ стѣнами Новгорода въ 1611 году во время войны со шведами. Но эта древняя линія, повидимому, вымерла. Родоначальникомъ новой линіи былъ простой солдатъ, который скомпрометировалъ себя въ 1689 году во время Стерлицкаго похода. За его храбрость и силу товарищи прозвали его «орломъ». Осужденный на смерть, онъ спокойно ожидаетъ очереди своей казни и равнодушно отталкиваетъ ногой голову своего предшественника, чтобы подойти къ плахѣ. Царь, замѣтивъ это движеніе, былъ пораженъ и даровалъ ему жизнь. Дослужившись до чина офицера и дворянскаго званія, Иванъ Орелъ, впослѣдствіи Орловъ, былъ отцомъ новгородскаго губернатора генералъ-маіора Григорія Ивановича Орлова, который женился на 53 году своей жизни на знатной дѣвицѣ Зиновьевой. У нихъ было отъ этого брака девять сыновей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось пятеро; эти пять братьевъ Орловыхъ и были сотрудниками Екатерины.

Всѣ члены семьи отличались богатырской силой. Князь Щербатовъ, авторъ любопытной книги объ упадкѣ нравовъ въ Россіи, утверждаетъ, что изъ современниковъ превосходилъ этихъ пяти братьевъ ростомъ и мускульной силой одинъ только кронштадтскій губернаторъ Свановичъ, котораго считали активиымъ участникомъ убійства Петра III. Старшему брату Ивану было около тридцати лѣтъ въ моментъ переворота, который возвелъ Екатерину на престолъ. Онъ участвуетъ въ этомъ переворотѣ въ качествѣ унтеръ-офицера гвардейскаго полка, становится графомъ и сенаторомъ съ ежегоднымъ окладомъ въ сто тысячъ рублей, приблизительно, и, удовлетворившись этимъ, отказывается отъ дальнѣйшаго движенія по службѣ. «Это крупная личность», пишетъ о немъ Сабатье въ 1772 году, «онъ отказался отъ чиновъ и орденовъ и, несмотря на это, пользуется большимъ уваженіемъ... онъ служитъ центромъ шпіонажа въ гвардіи... пользуется огромнымъ вліяніемъ въ Сенатѣ... Говорятъ, что подъ грубой внѣшностью у него скрывается тонкая душа и что при всемъ своемъ невѣжествѣ онъ проявляетъ большія способности къ политической дѣятельности... Въ отсутствіи фаворита онъ жилъ во дворцѣ въ аппартаментахъ послѣдняго».

Изъ младшихъ Ѳеодоръ и Владиміръ занимаютъ подчиненныя должности, первый—въ качествѣ адъютанта своего брата Але-

ксѣя въ первую турецкую войну, второй—мѣсто вице-директора Академіи Наукъ. Первыя роли раздѣляютъ между собой Григорій и Алексѣй.

9 октября 1762 года баронъ де-Бретейль писалъ въ своемъ донесеніи герцогу Шуазелю:

«Я не знаю, къ чему приведетъ переписка царицы съ Понятовскимъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она выбрала ему замѣстителя въ лицѣ Орлова, котораго она возвела въ графское достоинство въ день своего коронованія... Это очень красивый человѣкъ. Онъ былъ возлюбленнымъ царицы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и я вспоминаю, какъ она однажды указала мнѣ на него, какъ на смѣшного и экстравагантнаго человѣка. Но затѣмъ онъ заслужилъ болѣе серьезнаго отношенія къ себѣ съ ея стороны. Впрочемъ, говорятъ, что онъ, дѣйствительно, очень глупъ. Такъ какъ онъ говоритъ только по-русски, то мнѣ трудно судить о немъ. Но глупость довольно распространенная черта среди тѣхъ, которые окружаютъ теперь императрицу, и, хотя она, повидимому, легко приспособляется къ своему обществу, я, тѣмъ не менѣе, убѣжденъ, что она не преминетъ устранить отъ себя большую часть этихъ приближенныхъ. До сихъ поръ она жила только въ обществѣ заговорщиковъ, которые, за исключеніемъ Панина и гетмана (Разумовскаго), всѣ бѣдные поручики и капитаны, въ общемъ подозрительные субъекты и завсегдатаи столичныхъ трущобъ»...

Тотъ же корреспондентъ сообщилъ извѣстный анекдотъ, характеризующій грубость и дерзость, которыя приходилось въ этотъ періодъ выносить будущей семирамидѣ въ этой средѣ. Новый фаворитъ Григорій Орловъ, хвастаясь однажды своимъ личнымъ вліяніемъ среди гвардейскихъ солдатъ, осмѣлился заявить подъ самымъ носомъ у императрицы, что ему достаточно было бы одного мѣсяца, чтобы свергнуть ее съ престола.

— Это возможно, возразилъ Разумовскій, но мы повѣсили бы тебя, мой другъ, за недѣлю до этого.

Не нужно забывать, что дѣйствіе происходитъ непосредственно послѣ государственнаго переворота, и что разговоръ ведутъ заговорщики и участники дѣла, сохранившіе еще дурныя привычки, которыя они пріобрѣли во время общихъ опасностей и испытаній. Со временемъ Екатерина упорядочитъ свои отношенія къ нимъ. Впрочемъ, у Орлова имѣются еще и другія основанія не стѣсняться въ выраженіяхъ. Но въ тотъ моментъ, когда де-Бретейль

заинтересовался его быстрымъ возвышеніемъ, этотъ двадцати-двухлѣтній офицеръ, рѣдкій красавецъ, и не думалъ совсѣмъ сдѣлаться наслѣдникомъ Понятовскаго. Въ это время онъ имѣетъ въ виду другой бракъ. Честолюбія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, у этого юнаго баловня судьбы нѣтъ и никогда не будетъ. Сама Екатерина также склонна думать, что онъ недостаточно честолюбивъ. Онъ принялъ участіе въ переворотѣ изъ любви къ приключеніямъ и изъ вполнѣ естественнаго чувства, побуждающаго человѣка, даже менѣе экстравагантнаго, защищать интересы любимой женщины. Это была услуга, оказанная любовницѣ. По натурѣ своей онъ былъ простой человѣкъ, и даже къ развязкѣ романа, героемъ котораго ему пришлось быть, онъ отнесся очень просто. Что сдѣлала бы женщина изъ народа, если бы мужчина такого же простого званія, какъ и она, поставилъ ее въ положеніе великосвѣтской дамы? Она, безъ сомнѣнія, вышла бы замужъ за виновника своего счастья. Почему бы и Екатеринѣ не такъ было поступить? Красавецъ Григорій не видѣлъ въ этомъ никакихъ неудобствъ. Екатерина, напротивъ, была другого мнѣнія на этотъ счетъ. Однако, и она теряетъ свою обычную смѣлость и рѣшительность въ данномъ вопросѣ, съ которымъ связана ея дальнѣйшая судьба, проявляетъ много колебаній и неувѣренности; не осмѣливается воздѣйствовать на своего великолѣпнаго возлюбленнаго доводами разсудка и сама отказывается слушаться этихъ доводовъ и на одинъ моментъ даетъ себя убѣдить итти подъ вѣнецъ, не будучи въ силахъ противиться настойчивымъ увѣщаніямъ и охватившимъ ее нѣжнымъ чувствамъ.

Это самый интересный моментъ для характеристики натуры этой замѣчательной женщины и ея дальнѣйшей судьбы.

Прежде всего она боится связать навсегда свое новое высокое положеніе съ судьбой этого человѣка и его четырехъ братьевъ, вопреки всѣмъ доводамъ Разумовскаго по этому поводу. Они всѣ здѣсь, на ступеняхъ ея трона, крѣпко держатся другъ за друга, съ одной головой и съ однимъ сердцемъ, какъ ихъ описываетъ Сабатье, и готовы на все, какъ она сама знаетъ по личному опыту. И при всемъ томъ ей трудно разсуждать, потому что она страстно увлечена. Въ февралѣ мѣсяцѣ она празднуетъ свою коронацію въ Москвѣ. Вопросъ о бракѣ, который такъ много обсуждался въ послѣдніе мѣсяцы, наканунѣ своего рѣшенія, и вотъ что мы читаемъ въ это время въ донесеніи барона де-Бретейля:

«Нѣсколько дней тому назадъ при дворѣ ставили русскую трагедію, въ которой заглавную роль игралъ очень неудачно фаворитъ (Григорій Орловъ). Но императрица была въ такомъ восторгѣ отъ актера, что она нѣсколько разъ призывала меня, чтобы поговорить о немъ и спросить моего мнѣнія. Она неустанно обращалась по этому же поводу къ графу Мерси (австрійскому посланнику), который сидѣлъ рядомъ съ ней. По десяти разъ въ каждой сценѣ она громко заявляла ему о своихъ восторгахъ по поводу благородства и красоты Орлова»...

Скоро этотъ серьезный вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе въ Государственный Совѣтъ. Это, очевидно, была только пустая формальность. Члены Совѣта молчали. Единственное исключеніе составилъ Панинъ. Когда очередь дошла до него, онъ просто заявилъ: «Императрица можетъ дѣлать, что ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будетъ русской императрицей». Произнося эти слова, онъ выпрямляется во весь свой ростъ, прислонясь къ стѣнѣ, у которой стояло его кресло, съ вызывающимъ выраженіемъ на лицѣ. Его напудренный парикъ, какъ разсказываютъ, оставилъ на обояхъ бѣлое пятно, которое было замѣчено его коллегами и внушило имъ бодрость и увѣренность въ себя при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса. Но этого талисмана было недостаточно. Если вѣрить княгинѣ Дашковой, то ея дядя, графъ Воронцовъ, узнавъ отъ Бестужева о предметѣ обсужденія на засѣданіи Государственнаго Совѣта, отказался открывать собраніе, протестуя противъ незаслуженной обиды. Но, по другимъ указаніямъ, участіе стараго канцлера въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, если оно только вообще имѣло мѣсто, носило, повидимому, какъ мы сейчасъ убѣдимся, совершенно противоположный характеръ. Что касается Бестужева, то его горячее сочувствіе проекту объясняется его личными интересами: въ его осуществленіи онъ видѣлъ послѣдніе шансы возстановить свое былое всемогущество.

Екатерина теперь уже оспариваетъ не самый проектъ, а способы его осуществленія. Опытъ и находчивость Бестужева служатъ въ данномъ случаѣ интересамъ фаворита. Императрицу пугаетъ новизна создаваемаго положенія, и старый премьеръ-министръ Елизаветы берется отыскать соотвѣтствующій прецедентъ: развѣ усопшая императрица не состояла въ законномъ бракѣ съ Разумовскимъ? Въ рукахъ послѣдняго имѣются документы, неопровержимо доказывающіе дѣйствительность этого

тайнаго брака. Стоитъ только объявить во всеуслышаніе то, что онъ до сихъ поръ скрывалъ, и опубликовать эти документы. Но для этого требуется согласіе самого Разумовскаго. Эту задачу и беретъ на себя Воронцовъ. Разсказъ объ этомъ свиданіи опубликованъ племянникомъ бывшаго пѣвчаго дворцовой церкви, преждевременно состарившагося — ему было въ это время около пятидесяти лѣтъ – и отдыхавшаго отъ превратностей своей судьбы, ведя уединенный и благочестивый образъ жизни. Воронцовъ находитъ его сидящимъ у камина и читающимъ недавно появившееся кіевское изданіе библіи. Въ очень осторожныхъ, заранѣе обдуманныхъ выраженіяхъ онъ излагаетъ ему цѣль своего посѣщенія. За услугу, которой отъ него ждутъ, его блестяще наградятъ. Признавъ въ немъ официально супруга своей тетки и благодѣтельницы, Екатерина предполагаетъ возвести его въ санъ императорскаго высочества со всѣми почестями и прерогативами, присвоенными этому титулу. Проектъ соотвѣтствующаго указа уже выработанъ. Разумовскій слушалъ, не проронивъ ни одного слова и смущая своего посѣтителя своимъ молчаніемъ и задумчивымъ взглядомъ, отуманеннымъ какой-то безысходной грустью. Онъ проситъ показать ему проектъ указа, внимательно его прочитываетъ, затѣмъ, все еще ни слова не говоря, поднимается, наконецъ, медленными шагами направляется въ другой конецъ комнаты и останавливается передъ старымъ дубовымъ сундукомъ. Онъ вынимаетъ оттуда шкатулку изъ слоновой кости съ перламутровыми и серебряными инкрустаціями, не спѣша отыскиваетъ ключъ и открываетъ ее. Тамъ лежала дворянская грамата, перевязанная розовой шелковой лентой, полинявшей отъ времени. Онъ заботливо кладетъ полинявшую ленту обратно въ шкатулку, запираетъ сундукъ и возвращается къ камину, гдѣ начинаетъ прочитывать грамату. Въ глубокомъ молчаніи, котораго Воронцовъ не осмѣливается нарушить, онъ перелистываетъ одну за другой большія страницы съ тяжелыми красными печатями. Окончивъ чтеніе, онъ снова сворачиваетъ грамату, подноситъ ее къ губамъ, и повернувшись лицомъ въ уголъ, гдѣ передъ позолоченной иконой теплилась лампадка, онъ какъ бы обращается туда съ горячимъ призывомъ. Въ его глазахъ показываются слезы, онъ взволнованъ и дрожитъ подъ вліяніемъ происходящей въ немъ внутренней борьбы; затѣмъ онъ съ видомъ человѣка, принявшаго серьезное рѣшеніе, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и бы-

стрымъ движенiемъ бросаетъ таинственный свертокъ въ огонь. У него вырывается вздохъ—облегченiя или сожалѣнiя—и онъ обезсиленный опускается въ свое кресло, слѣдя глазами, какъ огонь пожираетъ хрупкiй памятникъ его былого величiя, отъ котораго ничего уже больше не останется. Когда все исчезло въ пламени, онъ открылъ, наконецъ, свой ротъ:

«Во всю свою жизнь я былъ только смиреннымъ рабомъ Ея Величества императрицы Елизаветы, и теперь я хочу только быть всеподданѣйшимъ слугой царствующей императрицы. Просите ее сохранить ея милостивое отношенiе ко мнѣ».

Прецедента больше не существуетъ. Но Бестужевъ еще не отказывается отъ начатаго дѣла. По его инцiативѣ распространяется петицiя, которая увѣщеваетъ императрицу выйти замужъ и обезпечить тронъ наслѣдникомъ въ виду хрупкаго здоровья Павла и возможной въ силу этого опасности для государства. Нѣсколько епископовъ и сенаторовъ подписались подъ этой петицiей. Но въ это время открывается заговоръ Хитрово и его друзей противъ Орловыхъ и ихъ честолюбивыхъ замысловъ. Въ Москвѣ начинаются волненiя; портретъ императрицы, висѣвшiй на трiумфальной аркѣ, срывается среди бѣлаго дня; опасное броженiе появляется даже въ гвардейскихъ полкахъ, которые уходятъ изъ-подъ влiянiя фаворита и его братьевъ. Они испуганы и первыми готовы отказаться отъ слишкомъ смѣлаго проекта.

Екатерина съ своей стороны не побуждаетъ ихъ къ упорству. Въ глубинѣ души она благодарна Разумовскому за его скромность, и старый куртизанъ, повидимому, отгадалъ ея тайныя мысли. Эта развязка была благопрiятна для нея, но фавориту она разбила не только эту иллюзiю; другая надежда, на осуществленiе которой у него были вполнѣ законныя основанiя, также не исполнилась въ силу той же неудачи. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого Бестужевъ, весь поглощенный матримонiальной комбинацiей, которая теперь была отвергнута, получилъ очень щекотливое порученiе вести переговоры съ графомъ де-Мерси: красавецъ Орловъ долженъ былъ получить княжескiй титулъ священной имперiи, прежде чѣмъ жениться на императрицѣ. Вѣнскiй посланникъ сначала запротестовалъ: моментъ былъ плохо выбранъ для того, чтобы претендовать на такую любезность со стороны его двора, такъ какъ Россiя незадолго передъ этимъ отказалась отъ всякой помощи Австрiи

въ ея борьбѣ съ Пруссіей. Но Екатерина вмѣшалась сама въ эти переговоры; сначала неясными намеками, но, наконецъ, совершенно открыто она заявила о своемъ желаніи видѣть графа Орлова княземъ и о своей готовности отблагодарить за эту услугу. Когда Мерси сталъ настойчиво домогаться указаній насчетъ размѣровъ этой благодарности, она разсердилась: неужели въ Вѣнѣ будутъ сомнѣваться въ ея обѣщаніяхъ? Тамъ не посмѣли усомниться, и дипломъ былъ высланъ. Титулъ, присвоенный этимъ документомъ протеже царицы, предоставлялся ему на основаніи древности и знатности его рода и его личныхъ заслугъ въ будущемъ.

Послѣднія слова должны были звучать, какъ иронія, но новому князю суждено было подвергнуться еще болѣе тяжкимъ испытаніямъ. Въ тотъ моментъ, когда Мерси получилъ этотъ дипломъ, кризисъ, который мы раньше описывали, еще продолжался, и посланникъ спѣшитъ снять съ себя отвѣтственность за возможныя неожиданности. Онъ передаетъ документъ Бестужеву и предлагаетъ ему воспользоваться имъ по собственному желанію. Его дворъ пошелъ на эту услугу противъ своего желанія, и было бы полезно, по его мнѣнію, чтобы на это обратили вниманіе. Бестужевъ въ восторгѣ: на этотъ разъ Екатерина и ея фаворитъ увидятъ, чѣмъ они ему обязаны. Онъ бѣжитъ къ императрицѣ, но его ждетъ тамъ разочарованіе: Екатерина и слушать не хочетъ о немедленномъ объявленіи ея фаворита княземъ: это грозило бы вызвать мятежъ! Нужно обождать годъ, можетъ быть, *десять лѣтъ.* Инцидентъ былъ исчерпанъ: Мерси получилъ самую признательную благодарность и неопредѣленныя обѣщанія, а красавецъ Орловъ такъ и остался неофиціальнымъ княземъ. Впрочемъ, и внѣшній видъ его нисколько не говоритъ о его новомъ достоинствѣ.

Онъ другимъ путемъ вознаграждаетъ себя за эти неудачи. 25 ноября 1764 г. французскій посланникъ Беранже пишетъ въ своемъ донесеніи изъ Петербурга:

«Чѣмъ больше я слѣжу за Орловымъ, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что у него недостаетъ только званія императора... Его непринужденность въ обращеніи съ императрицей поражаетъ всѣхъ, и, по словамъ русскихъ, такого явленія не было ни въ одной странѣ со времени основанія монархіи. Онъ стоитъ выше всякаго этикета и позволяетъ себѣ по отношенію къ своей государынѣ такія вольности, которыхъ не могла бы допустить въ

высшемъ обществѣ ни одна уважающая себя женщина со стороны своего возлюбленнаго».

И, дѣйствительно, своимъ поведеніемъ въ отношеніяхъ съ этимъ возлюбленнымъ Екатерина напоминаетъ любовницу, послушную всѣмъ его капризамъ, покорную и боящуюся эксцессовъ съ его стороны.

«Когда я получила ваше послѣднее письмо,—пишетъ она мадамъ Жофренъ,—графъ Орловъ былъ въ моей комнатѣ. Услышавъ, какъ вы удивляетесь моей энергіи, моимъ занятіямъ по изученію законовъ и по вышиванію, и будучи самъ большимъ лѣнтяемъ, несмотря на свой глубокій умъ и природныя дарованія, онъ воскликнулъ: это правда! Это первая похвала, которую я услышала отъ него, и ею, мадамъ, я обязана вамъ».

Она терпѣливо переноситъ все, даже многочисленныя его измѣны, которыхъ она не позволитъ никому изъ его замѣстителей, и отпускаетъ его на цѣлыя недѣли. Если она и осмѣливается сдѣлать ему какой-нибудь упрекъ, то только за его лѣнь и безпечность. Она честолюбива за него и быстро возводитъ его по іерархической лѣстницѣ въ высшіе чины; она старается вывести его изъ состоянія апатіи и побуждаетъ занять какое-нибудь положеніе въ государствѣ. Онъ состоитъ директоромъ корпуса инженеровъ, начальникомъ конной гвардіи и артиллеріи, президентомъ иностраннаго колонизаціоннаго бюро, главнымъ директоромъ фортификацій. Но у него нѣтъ никакой охоты ни управлять, ни распоряжаться чѣмъ-нибудь. Получая около двухъ милліоновъ рублей въ годъ на миліораціи въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, онъ изъ нихъ половину проматываетъ, а остатки возвращаетъ Екатеринѣ, которая употребляетъ эти деньги на любимыя имъ постройки. Она приказываетъ построить для своего любимца знаменитый мраморный дворецъ, на фронтонѣ котораго у нея хватило смѣлости сдѣлать надпись: «Построенъ въ знакъ дружбы и благодарности».

Благодаритъ она очень щедро своего фаворита. Онъ получаетъ роскошные апартаменты, полное содержаніе, десять тысячъ рублей въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ, десятки тысячъ крестьянъ, огромныя помѣстья, дворцы, знаки, между прочимъ, и печальной памяти замокъ въ Ропшѣ. Онъ получаетъ въ подарокъ портретъ государыни въ сердцевидномъ медальонѣ, усыпаннсмъ брилліантами, съ правомъ, которое никому другому не было предоставлено,—съ правомъ носить его въ петлицѣ своего

платья. Онъ, очевидно, полагалъ, что достаточно потрудился для достиженія того положенія, которое онъ и его благодѣтельница занимали. Когда законодательная комиссія единогласно выбрала его своимъ президентомъ, онъ отказался отъ предложенной ему чести. Одинъ только разъ его сонливая натура и отяжелѣвшее богатырское тѣло встрепенулось, какъ-будто вспомнили шумъ былыхъ сраженій. Присутствуя на засѣданіи Государственнаго Совѣта, онъ попросилъ слова, чтобы рѣзко выступить противъ предложеннаго самой же Екатериной проекта о поддержкѣ кандидатуры Понятовскаго на польскій престолъ. Вмѣсто доказательствъ онъ ограничивается одними только грубыми оскорбленіями по адресу вытѣсненнаго имъ любовника. Но это продолжается одинъ только моментъ. Послѣ мягкаго упрека со стороны Екатерины онъ умолкаетъ, беретъ свои слова обратно и обвиняетъ Бестужева за плохой совѣтъ.

II.

Но мало-по-малу нѣжныя чувства Екатерины охладѣваютъ, ея страстный интересъ, съ которымъ она слѣдила за каждымъ словомъ, за каждымъ жестомъ молодого человѣка, невозвратно исчезаетъ. Ея мысль и ея сердце постепенно отворачиваются отъ этого безнадежнаго ничтожества, пустоту котораго она начинаетъ замѣчать, наконецъ. Онъ, въ свою очередь, замѣчаетъ ея новое отношеніе къ себѣ, видитъ, что она ускользаетъ отъ него, чувствуетъ, что почва уходитъ изъ-подъ его ногъ, и вдругъ снова оживаетъ: онъ приходитъ въ себя, беретъ себя въ руки и въ одинъ часъ становится такимъ, какимъ былъ въ день великихъ испытаній. Въ немъ произошло полное пробужденіе, 2 октября 1771 года онъ отправляется въ Москву съ миссіей, которая на этотъ разъ вполнѣ заслуженно, а не только по милостивому капризу Екатерины, дѣлаетъ его героемъ и спасителемъ родного края. Чума, которая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ свирѣпствовала во второй столицѣ имперіи, вызвала страшныя волненія. Мѣстныя власти оказались безсильными справиться съ мятежомъ. Губернаторъ бѣжалъ. Митрополитъ былъ убитъ чернью. Нужно было возстановить порядокъ и пріостановить дальнѣйшее распространеніе эпидеміи. Григорій Орловъ беретъ на себя эту задачу, и Екатерина отпускаетъ его. Нѣтъ ли у нея при этомъ тайной мысли послать его на смерть? Или ожидающая его слава, на которую она надѣется для него, подавляетъ въ

ней всякія другія соображенія? Трудно угадать. Глубины женскаго сердца неисповѣдимы, тѣмъ болѣе для историка, который разсматриваетъ чувства и страсти въ тускломъ зеркалѣ столѣтней давности. Какъ разъ въ этотъ моментъ, когда звѣзда прекраснаго Орлова, повидимому, начинаетъ сіять своимъ прежнимъ блескомъ, на его помраченномъ горизонтѣ появляется новый любовникъ, какой-то безвѣстный соперникъ Высоцкій. Какъ знать? Если бы Орловъ не имѣлъ успѣха...

Но онъ имѣлъ успѣхъ. Проявивъ чудеса храбрости и неутомимую энергію, онъ усмиряетъ народныя волненія и, какъ-будто, укрощаетъ самую природу. Распространенію эпидеміи положенъ конецъ. По возвращеніи своемъ онъ снова завоевываетъ сердце Екатерины. Онъ опять становится для нея несравненнымъ человѣкомъ, «который напоминаетъ древнихъ римлянъ лучшихъ временъ республики», какъ она писала о немъ недавно Вольтеру. Тріумфальная мраморная арка по дорогѣ изъ Гатчины въ Царское Село еще до сихъ поръ свидѣтельствуетъ о славѣ его торжественнаго возвращенія. По этому же случаю была отлита медаль съ портретомъ фаворита и фигурой курціуса съ надписью: «И у Россіи есть такіе сыны». Екатерина предлагала даже написать «такой сынъ» въ единственномъ числѣ, но Орловъ пожелалъ болѣе скромной версіи. Однако, именно въ этотъ періодъ онъ является передъ нами въ совершенно неожиданномъ свѣтѣ, чуждымъ какой бы то ни было скромности. Какъ-будто какой-то невѣдомый ему до сихъ поръ демонъ вселяется въ него, демонъ безмѣрнаго тщеславія и какой-то безумной самонадѣянности. Надѣется ли онъ этимъ приковать къ себѣ еще разъ и навсегда ту, любви которой онъ едва не лишился, или это уже начало того умственнаго разстройства, которымъ закончится черезъ десять лѣтъ его удивительная жизнь? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего тріумфальнаго возвращенія онъ отправляется въ Фокшаны для веденія переговоровъ о мирѣ послѣ побѣдъ Румянцева. Его сопровождаетъ настоящій царскій обозъ.

«Мои ангелы мира», пишетъ по этому поводу Екатерина мадамъ Бельке, «находятся уже теперь, я полагаю, передъ лицомъ грязныхъ бородатыхъ турокъ. Графъ Орловъ, который безъ преувеличенія можетъ быть названъ самымъ красивымъ человѣкомъ своего времени, долженъ въ самомъ дѣлѣ показаться ангеломъ въ обществѣ этихъ варваровъ; у него блестящая избранная свита... но я готова спорить, что онъ затмеваетъ со-

бой всѣхъ своихъ приближенныхъ. Этотъ посланникъ какая-то исключительная личность; природа необычайно щедро надѣлила его красотой, умомъ, сердцемъ и душой!..»

Дѣйствительно, необыкновенный посланникъ. Явившись на мѣсто свиданія съ турецкими уполномоченными, онъ даетъ полный просторъ своимъ необузданнымъ чувствамъ. Онъ совершенно забываетъ о возложенномъ на него порученіи заключить миръ, напротивъ, мечтаетъ возобновить войну и затмить подвиги Румянцева при помощи генерала Бауера, въ которомъ находитъ себѣ поддержку. На засѣданіи конгресса въ присутствіи всѣхъ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ онъ вступаетъ въ препирательство съ Румянцевымъ, грозитъ ему висѣлицей и объявляетъ себя главнокомандующимъ арміей. Онъ не обращаетъ никакого вниманія на инструкціи, присылаемыя Панинымъ, помышляетъ о захватѣ Константинополя, совершенно неожиданно прерываетъ переговоры о мирѣ и отправляется въ Яссы, гдѣ проводитъ время въ шумныхъ празднествахъ и блистаетъ усыпаннымъ бриллiантами милліоннымъ костюмомъ, который прислала ему Екатерина.

Предупредительный совѣтъ петербургскаго пріятеля застаетъ его среди этихъ развлеченій. Онъ понялъ, что въ этихъ безумныхъ забавахъ онъ поставилъ на карту свое положеніе и проигралъ все. Предоставивъ ему возможность еще разъ удалиться отъ себя, Екатерина имѣла на это свои основанія, которыхъ онъ не подозрѣвалъ и которыя, можетъ быть, для нея самой не были достаточно ясны. Но она сознавала, что на этотъ разъ дѣло шло не о славѣ ея фаворита и не объ интересахъ государства, и въ тотъ моментъ, когда она въ письмѣ къ мадамъ Бельке такъ восхваляла обаятельность и заслуги Орлова, она уже подыскивала ему замѣстителя. Фаворитъ уѣхалъ 18(29) августа 1772 года, а двѣ недѣли спустя Васильчиковъ уже поселился въ царскомъ дворцѣ въ спеціальныхъ апартаментахъ избранниковъ ея сердца.

Можно себѣ представить, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвела эта ужасная новость, какъ было поражено главное заинтересованное лицо, и въ какой ужасъ пришли его близкіе. Разгулъ былъ прерванъ, и Орловъ помчался въ кибиткѣ навстрѣчу неизвѣстному. Тысячу верстъ на лошадяхъ, которыхъ гонятъ во весь карьеръ. День и ночь летитъ кибитка, пожирая разстояніе и унося путешественника, который не знаетъ ни



Императрица Екатерина II.

Работы Боровиковскаго.

пищи, ни отдыха. Но напрасно! За нѣсколько десятковъ верстъ отъ столицы указъ императрицы обрываетъ эту бѣшеную скачку: на пріѣзжихъ съ юга наложенъ карантинъ, потому что тамъ еще свирѣпствуетъ эпидемія. Карантинъ для того, кто недавно самъ боролся съ чумой въ Москвѣ и одержалъ надъ ней побѣду! Но указъ примѣняется во всей строгости. Впрочемъ, для него имѣются специальныя инструкціи, ему дѣлаются самыя любезныя предложенія. Не угодно ли будетъ изгнаннику провести свой карантинный искусъ въ Гатчинѣ. Дворецъ тамъ построенъ архитекторомъ Ринальди—какъ и тріумфальная арка на дорогѣ—въ чудной мѣстности. Прелестная рѣка Ижора пересѣкаетъ паркъ, разбитый англійскими садовниками. Островъ, расположенный посрединѣ рѣки, усаженъ густыми аллеями, въ тѣни которыхъ прячется храмъ, посвященный амуру. Увы! Всѣ эти прелести Григорій Орловъ предназначалъ раньше для другого. По просьбѣ Екатерины, онъ незадолго передъ тѣмъ писалъ автору «Бѣдной Лизы» объ этомъ убѣжищѣ, предлагая гостепріимство въ «мирномъ и мечтательномъ уголкѣ». Теперь ему самому суждено было стать такимъ мечтателемъ, вызывающимъ въ своей памяти былыя радости и прежній блескъ.

Но онъ еще не отчаивается. Не въ его натурѣ итти противъ своей судьбы и бороться за потерянное положеніе: у него недостаетъ для этого ни ума, ни воли. Но онъ умѣетъ, по крайней мѣрѣ, довольствоваться своимъ новымъ положеніемъ и сохранять спокойствіе духа даже тогда, когда судьба окончательно поворачивается къ нему спиной. Екатерина сначала опасалась, что съ его стороны послѣдуютъ какія-нибудь рѣзкія выходки, необдуманные шаги. Она, говорятъ, приказала перемѣнить замки въ апартаментахъ новаго фаворита и охранять сторожевыми постами петербургскія заставы. Она успокаивается, наконецъ, узнавъ, что онъ покорно исполнилъ ея волю и поселился въ Гатчинѣ. Но она хочетъ добиться, чтобы онъ отказался отъ своихъ должностей и занимаемыхъ имъ постовъ. Осторожно и робко, маскируя свои шаги самыми любезными услугами, она отправляетъ въ Гатчино съ этимъ щекотливымъ порученіемъ Бецкаго, Алсуфьева и Чернышова и добивается, наконецъ, полюбовнаго соглашенія. Трудно сказать, какое чувство руководитъ ею въ настоящій моментъ. Ея поведеніе составляетъ загадку даже для ея приближенныхъ. Она не хочетъ снова увидѣться съ своимъ фаворитомъ, но пишетъ ему каждый день.

Она, повидимому, страстно увлечена новымъ любовникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живо интересуется всѣмъ, что пьетъ и ѣстъ его предшественникъ, и даже лично заботится о его бѣльѣ. Въ то же время она такъ волнуется и нервничаетъ, что запускаетъ самыя неотложныя государственныя дѣла и не въ состояніи принимать даже своихъ министровъ. Одинъ ли только страхъ тревожилъ ее въ этотъ моментъ? Французскій посланникъ Дюранъ, повидимому, склоненъ именно такъ думать. 1-го декабря 1772 года онъ пишетъ:

«Императрица недавно узнала, что больше тысячи солдатъ состоятъ на частной службѣ у графа Орлова и что онъ склонилъ на свою сторону архіепископовъ... Онъ увѣрялъ, что у него имѣется два милліона рублей наличными деньгами, и все это наводитъ страхъ на императрицу и побуждаетъ ее къ миролюбивымъ дѣйствіямъ».

«Распространился слухъ», пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней, «что графъ Орловъ явился переодѣтымъ на маскарадный балъ, такъ какъ узнали будто бы его карету и кучера. Боясь, что онъ проникъ во дворецъ, императрица убѣжала въ апартаменты Панина».

Однако, другія подробности, повидимому, указываютъ на то, что къ этимъ грубымъ опасеніямъ примѣшивались у государыни болѣе нѣжныя чувства, и прекрасный Орловъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы вызывать и поддерживать въ ней оба чувства одновременно. Когда она требуетъ отъ него возвращенія украшеннаго бриллiантами портрета, который она запрещаетъ ему носить отнынѣ на груди, онъ отсылаетъ ей бриллiанты и оставляетъ себѣ ея изображеніе; онъ отдастъ его собственноручно только той, которая ему подарила его. Она пытается грозить, но это на него не дѣйствуетъ. Она сулитъ ему заточеніе въ ропшинскомъ замкѣ, а онъ ей отвѣчаетъ, что онъ будетъ въ восторгѣ отъ оказанной ему чести. Она рѣзко обрываетъ затянувшіеся переговоры указомъ, въ которомъ ему объявляется отставка отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и дается позволеніе, равносильное приказу, отправиться путешествовать для поправленія здоровья. Онъ на это заявляетъ, что чувствуетъ себя великолѣпно и не тронется съ мѣста до тѣхъ поръ, пока ему не разрѣшатъ пріѣхать въ Петербургъ.

Онъ, наконецъ, появляется въ столицѣ, хотя въ точности неизвѣстно, дала ли она ему свое согласіе на пріѣздъ. Его

появленіе сопровождается новымъ шумомъ, потому что въ это время появляется другой указъ отъ 4 октября 1772 года, который предоставляетъ ему право носить княжескій титулъ. Онъ появляется при дворѣ и вечеромъ присутствуетъ на спектаклѣ у императрицы, какъ въ былое время. Онъ веселъ, оживленъ и чувствуетъ себя въ ударѣ. Екатерина къ нему обращается и онъ отвѣчаетъ ей безъ всякаго смущенія и говоритъ о самыхъ безразличныхъ вещахъ. На слѣдующій день его видятъ на улицахъ города въ сопровожденіи человѣка, которому онъ оказываетъ очень много вниманія, и этотъ спутникъ его не кто иной, какъ новый фаворитъ. Онъ разговариваетъ съ нимъ и съ другими, которыхъ онъ встрѣчаетъ, о превратности своей судьбы и приводитъ всѣхъ въ смущеніе шутками о своемъ паденіи. Онъ дѣлаетъ визитъ великому князю, и иностранные представители на всякій случай спѣшатъ предупредить его своимъ вниманіемъ и толпятся у его дверей, чтобы посѣтить его. Онъ появляется также въ злачныхъ мѣстахъ и открыто пьянствуетъ съ уличными женщинами. Онъ, повидимому, и не думаетъ бороться со своимъ соперникамъ или мстить виновникамъ своей опалы. Онъ громко восхваляетъ безпристрастіе и патріотизмъ своего злѣйшаго врага графа Панина. Придворному шталмейстеру вздумалось подарить ему старую карету и пару чахлыхъ лошадей; онъ съ веселымъ видомъ принялъ подарокъ и ограничился только тѣмъ, что разсказалъ о посѣщеніи его этимъ же самымъ шталмейстеромъ за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда онъ еще жилъ во дворцѣ: графъ еще лежалъ на постели, и посѣтителя заставили почтительнѣйше поцѣловать случайно обнажившуюся мясистую часть его тѣла.

Всѣ въ столицѣ были склонны думать, что красавецъ Орловъ займетъ съ этихъ поръ такое же положеніе, какое выпало на долю Алексѣя Разумовскаго въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы, когда Шуваловы поочередно занимали при дворѣ положеніе и выполняли функціи, которыми теперь судьба надѣлила Васильчикова. Каждый день бывшій фаворитъ получаетъ новыя подтвержденія благоволенія и щедрости императрицы: подарки деньгами и вещами сыплются на него дождемъ; въ то же время онъ и самъ является источникомъ монаршихъ милостей: онъ возводитъ въ фрейлины дочь своего друга генерала Бауера и жалуетъ голубую ленту своему протеже князю Вяземскому. Но, ко всеобщему удивленію, эти отношенія продолжаются недолго.

III.

Въ началѣ 1773 года красавецъ Орловъ исчезаетъ и проводитъ зиму въ Ревелѣ. Онъ все такой же весельчакъ и хорошій товарищъ, задаетъ блестящіе балы, ухаживаетъ за мѣстными дворянками и городскими буржуазными дамами, танцуетъ съ тѣми и съ другими и при случаѣ играетъ роль суверена, какъ будто ничего не измѣнилось въ томъ положеніи, которое онъ раньше занималъ: онъ награждаетъ лентой св. Анны барона Тизенгаузена, даритъ голштинскому князю помѣстье изъ кабинетскихъ земель, и всѣ эти щедрые подарки утверждаются Екатериной. Весной новый сюрпризъ: онъ опять въ Петербургѣ и снова занимаетъ всѣ свои прежніе посты по государственной службѣ. Онъ не блещетъ талантами въ своей политической дѣятельности, если вѣрить Дюрану:

«На этихъ дняхъ князь Орловъ проявилъ себя настоящимъ школьникомъ на военныхъ упражненіяхъ на полигонѣ, хотя и состоитъ начальникомъ артиллеріи, главнокомандующимъ, награжденнымъ всевозможными орденами. Всякое передвиженіе солдатъ вызывало его удивленіе, и онъ безпрестанно задавалъ вопросы: зачѣмъ это? почему такъ дѣлаютъ? А когда солдаты скрылись за валомъ, онъ съ изумленіемъ воскликнулъ: куда они спрятались?.. Всѣ переглянулись и опустили глаза».

Но, можетъ быть, Екатерина опять ослѣплена, обольщена и снова ея сердце завоевано? Этого не было, если вѣрить ея собственному заявленію, сдѣланному ею въ этотъ самый періодъ одному интимному другу:

«Я очень многимъ обязана семьѣ Орловыхъ; я награждала ихъ помѣстьями и орденами и всегда буду имъ покровительствовать, и они сумѣютъ быть мнѣ полезными, но мое рѣшеніе непреложно; одиннадцать лѣтъ я страдала, теперь я хочу жить такъ, какъ мнѣ хочется, совершенно независимо. Князь можетъ поступать, какъ ему вздумается: онъ можетъ уѣхать за границу или остаться въ Россіи, можетъ пить, охотиться, заводить любовницъ... Если онъ будетъ вести себя хорошо, то его ждетъ почетъ, если же плохо, то онъ себя покроетъ позоромъ».

«Онъ себя покрылъ позоромъ», сообщаетъ хорошо освѣдомленный придворный, со словъ котораго пишетъ Дюранъ. «По натурѣ своей онъ русскій мужикъ и останется имъ навсегда. Одиннадцать лѣтъ онъ велъ благородную и роскошную жизнь;

за время пребыванія во дворцѣ онъ долженъ былъ привыкнуть къ самой изысканной обстановкѣ. Но знаете ли вы, какъ онъ живетъ теперь, потерявъ свое положеніе фаворита? Съ ежегоднымъ доходомъ въ 250,000 рублей и съ имуществомъ въ двадцать милліоновъ на наши деньги онъ могъ бы жить широко, по-барски, вдали отъ бурнаго двора или даже при дворѣ. Но онъ пробылъ только одинъ день въ Гатчинѣ. На слѣдующій день онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Съ утра до вечера его можно видѣть въ обществѣ дворовыхъ дѣвокъ, которыя остались во дворцѣ (императрица живетъ въ Царскомъ Селѣ). Онъ тутъ обѣдаетъ и ужинаетъ. Столъ сервируется грязно, блюда безвкусныя, и князь находитъ удовольствіе въ такомъ образѣ жизни... Не лучше обстоитъ и съ его духовной жизнью. Свое время онъ заполняетъ дѣтскими забавами. Его душа такая же нетребовательная, какъ и его вкусъ, и ему все хорошо. Онъ любитъ такъ же, какъ и ѣстъ: онъ съ одинаковымъ увлеченіемъ ухаживаетъ за калмычкой, финкой и за самой красивой придворной дамой. Таковъ этотъ *бурлакъ*».

Этотъ хорошо освѣдомленный придворный считаетъ карьеру бывшаго фаворита законченной или, по крайней мѣрѣ, его вліяніе окончательно подорваннымъ. Онъ ошибается и вводитъ въ заблужденіе французскаго дипломата, который, нѣсколько недѣль спустя, въ маѣ 1773 года пишетъ слѣдующее:

«Преемникомъ Панина будетъ, навѣрное, какой-нибудь ставленникъ князя (Орлова); съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній опять попалъ въ милость, онъ пользуется вчетверо болшимъ довѣріемъ, чѣмъ даже въ то время, когда жилъ въ апартаментахъ императрицы».

И новости слѣдуютъ одна за другой, оповѣщая о растущемъ вліяніи бывшаго фаворита. Васильчиковъ пользуется всѣми привилегіями, присвоенными его положенію, но его политическая роль ничтожна. Онъ никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ не принимаетъ. Григорій Орловъ, напротивъ, получаетъ большія полномочія въ дѣлахъ управленія и даже во внѣшней политикѣ. Основываясь на донесеніяхъ своего дипломатическаго агента, Фридрихъ вздумалъ *открыто* выразить въ своихъ депешахъ свое удовольствіе по поводу паденія бывшаго фаворита, надѣясь, что эти депеши будутъ прочтены Панинымъ, и жестоко ошибся. Князь появляется въ Царскомъ Селѣ въ блескѣ своего прежняго величія. Императрица пріѣзжаетъ къ нему съ

визитомъ въ Гатчино и, забывъ всякій этикетъ, назначаетъ даже свиданіе тамъ съ принцессой гессенъ-дармштадтской и ея двумя дочерьми, на одной изъ которыхъ долженъ жениться великій князь Павелъ. Но этого мало. Императрица нѣкоторое время была въ нерѣшительности, кого изъ нихъ выбрать для своего сына. Между тѣмъ, красавецъ Орловъ велъ свою линію. 5 іюля 1773 года перепуганный Сольмсъ отправляетъ въ Берлинъ своему королю черезъ курьера депешу, въ которой пишетъ:

«Я считаю своей обязанностью открыть передъ Вашимъ Величествомъ тайну первостепенной важности, отъ которой зависитъ судьба Россіи и къ которой мы, въ качествѣ союзнической и дружественной ей державы, не можемъ остаться равнодушными. Графъ Панинъ, который всегда очень зорько слѣдитъ за политикой фамиліи Орловыхъ, имѣетъ основаніе подозрѣвать, что князь Орловъ питаетъ честолюбивые замыслы и хочетъ жениться на одной изъ дармштадтскихъ принцессъ. Исключительное вниманіе, которое онъ удѣляетъ ландграфинѣ, и его свободныя манеры въ обращеніи съ принцессами, особенно съ младшей, которой онъ формально заявилъ объ этомъ, увеличиваютъ эти подозрѣнія... При своемъ живомъ характерѣ принцесса, сама того не замѣчая, можетъ помочь успѣху этого честолюбиваго человѣка»...

И прусскій посолъ прибавляетъ при этомъ, что нельзя разсчитывать даже на помощь императрицы въ дѣлѣ предупрежденія этихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Это только ложная тревога. Даже активное вмѣшательство бывшаго фаворита въ политику не больше, какъ фантазія безъ всякаго будущаго. У него слишкомъ мало постоянства и слишкомъ лѣниво работаетъ мысль, чтобы можно было ожидать серьезныхъ послѣдствій отъ этой фантазіи. Онъ измѣняетъ принцессѣ дармштадтской въ пользу первой попавшейся придворной фрейлины и оставляетъ государственныя дѣла ради своихъ развлеченій. Природа была менѣе щедра къ нему, чѣмъ это воображала раньше Екатерина, но она надѣлила его въ достаточной степени тѣмъ хорошимъ чувствомъ, которое подсказало ему, что управленіе государствомъ не его дѣло. Вмѣшиваясь въ обсужденіе серьезныхъ государственныхъ вопросовъ, онъ всегда приводитъ въ крайнее смущеніе другихъ членовъ засѣданія и государыню, когда она присутствуетъ при этомъ, своимъ невѣжествомъ и легкомысліемъ. Но, какъ добрый малый,

онъ первый замѣчаетъ свои ошибки и тотчасъ же сознается въ нихъ. Въ 1774 году, во время борьбы съ Пугачевымъ, онъ, какъ школьникъ, даетъ себя провести одному промотавшемуся провинціальному купцу, который выдаетъ себя за казацкаго эмиссара съ Яика, обѣщаетъ отъ имени своихъ товарищей выдать страшнаго бунтовщика и выманиваетъ у него и у самой Екатерины значительныя суммы денегъ.

Впрочемъ, въ томъ же году выступаетъ на сцену новый актеръ, появленіе котораго на долгіе годы совершенно стушевываетъ или, по крайней мѣрѣ, отодвигаетъ на второй планъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ великой драмы: Потемкинъ занимаетъ мѣсто Васильчикова.

IV.

Какая-то пустота образуется къ этому времени вокругъ императрицы и ея новаго фаворита, огромная, подавляющая фигура котораго одна заполняетъ для нея, повидимому, всю сцену. Григорій Орловъ, какъ казалось, никакой новой немилости не навлекалъ на себя; тѣмъ не менѣе онъ удаляется, какъ обиженный ребенокъ, или какъ человѣкъ, окончательно обезкураженный. «Князь Орловъ», пишетъ Дюранъ, «разсказывалъ о своемъ разговорѣ съ императрицей: на всѣ ея старанія отклонить его отъ предполагаемаго путешествія, онъ отвѣчалъ, что не можетъ больше переносить интригъ, направленныхъ противъ его родныхъ и друзей, и что онъ не можетъ ее, однако, въ чемъ-либо упрекнуть, развѣ только въ недостаткѣ чувства, въ которомъ ей природа теперь отказываетъ въ отношеніи къ нему». Онъ покидаетъ Россію, объѣзжаетъ всю Европу, удивляетъ столицы своей роскошью и поражаетъ самыхъ смѣлыхъ игроковъ своими огромными ставками. Дидро, видѣвшій его въ Парижѣ, составляетъ о немъ самое скромное мнѣніе, сравнивая его съ «котломъ, который всегда кипитъ, но въ которомъ ничего не варится». Черезъ годъ онъ возвращается въ Петербургъ и безъ труда пріобрѣтаетъ положеніе, которое напоминаетъ роль Алексѣя Разумовскаго въ предыдущее царствованіе. При дворѣ его просто называютъ «княземъ». Его обращеніе съ государыней лишено, правда, прежней фамильярности, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ объ установившихся между ними товарищескихъ почти равныхъ отношеніяхъ, заставляющихъ забыть, что мы имѣемъ дѣло съ сувереномъ и подданнымъ. Екатерина даритъ ему дво-

рецъ, и онъ отвѣчаетъ ей покупкой знаменитаго брилліанта Надиръ-шаха, за который платитъ 460,000 рублей и который повергаетъ къ ногамъ царицы въ день ея тезоименитства.

Въ сущности, у нихъ обоихъ все еще сохраняется память о прошломъ, какая-то глубокая интимная связь, которой не могутъ разорвать никакія испытанія. Въ 1776 году она еще ипшетъ Гримму:

«Я всегда была склонна дать собой руководить людямъ, которые больше меня понимаютъ, лишь бы только они не давали мнѣ это почувствовать, въ противномъ случаѣ я со всѣхъ ногъ убѣгала отъ нихъ. И я не знаю никого, кто былъ бы въ такой степени способенъ на такую роль, какъ князь Орловъ. У него непосредственный умъ, который идетъ своимъ собственнымъ путемъ и увлекаетъ за собой и мой».

Только самый неожиданный и никѣмъ не предусмотрѣнный случай могъ порвать эту связь съ бывшимъ фаворитомъ, который такъ долго игралъ такую выдающуюся роль въ жизни Екатерины. Въ 1777 году этотъ сорокатрехлѣтній донъ-жуанъ, привыкшій къ кутежамъ и дебошамъ, влюбляется. На этотъ разъ это не легкій флиртъ, которымъ онъ такъ много разъ увлекался, а самая искренняя страсть. Эту любовь, которая походитъ на запоздалую измѣну, возлюбленная юныхъ лѣтъ не можетъ простить даже состарившемуся и покинутому ею любовнику. Тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ судьба снова улыбнулась своему баловню. Послѣ огромныхъ препятствій вначалѣ ихъ ждетъ идиллическая жизнь, которая заканчивается жестокой развязкой, превращающей этотъ романъ въ печальную трагедію.

Красивая, граціозная девятнадцатилѣтняя мадемуазель Зиновьева, занимающая очень видное мѣсто среди фрейлинъ императрицы, приходится князю двоюродной сестрой. Онъ ее любитъ и пользуется взаимностью. Они преодолѣваютъ всѣ препятствія и формальности гражданскихъ и церковныхъ законовъ, но бракъ расторгается сенатскимъ рѣшеніемъ. Молодая женщина пишетъ по этому поводу своему брату Василію, котораго она подъ впечатлѣніемъ нахлынувшихъ нѣжныхъ чувствъ называетъ *душенькой-фрерушкой*, письма, полныя слезъ, гдѣ она разсказываетъ о своихъ тщательныхъ попыткахъ вернуть мужа, такъ быстро оторваннаго отъ ея груди, и прибавляетъ при этомъ:

«Я люблю его теперь еще больше, чѣмъ раньше, и вопреки всему я, слава Богу, очень счастлива».

Наконецъ, Екатерина начинаетъ проявлять свое великодушіе. Она кассируетъ постановленіе сената, зачисляетъ княгиню Орлову въ число своихъ придворныхъ дамъ и даже преподноситъ ей въ подарокъ туалетный приборъ изъ массивнаго золота. Молодые супруги отправляются проводить свой медовой мѣсяцъ въ Швейцарію, и княгиня описываетъ свои восторги въ стихахъ, которые доходятъ до Петербурга и передаются изъ устъ въ уста:

«Всякій край съ тобою рай».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они возвращаются въ Петербургъ, поселяются въ штегельмановскомъ дворцѣ, который былъ подаренъ фавориту императрицей, и ведутъ тихую, скромную жизнь безъ шума и блеска, наслаждаясь счастьемъ взаимной любви. Князь рѣдко появляется при дворѣ и увѣряетъ Гарриса, что онъ не пользуется тамъ больше никакимъ вліяніемъ. Въ 1780 году влюбленная пара снова ѣдетъ за границу, но на этотъ разъ по грустному поводу: княгиня больна и для поправленія ея здоровья требуется мягкій климатъ. И на этотъ разъ Екатерина, повидимому, съ удовольствіемъ встрѣтила извѣстіе о путешествіи и, простившись—довольно холодно — съ человѣкомъ, котораго она любила и котораго она не могла удовлетворить своей любовью, обратилась съ вопросомъ къ своей горничной, преданной Перекусихиной:

— Что дѣлаютъ со старой иконой, на которой отъ времени выцвѣли краски?

— Сжигаютъ.

— Какъ же такъ! Слывешь за знатока народныхъ обычаевъ и не знаешь такой вещи: въ воду бросаютъ, Марья Савишна, въ воду бросаютъ, говорю тебѣ!

Ея отчужденіе на этотъ разъ такое полное, что она можетъ писать Гримму: «князь Орловъ въ Парижѣ... передайте ему мой привѣтъ и скажите ему, чтобы онъ привезъ съ собой маленькаго князя Орлова, видимаго или невидимаго».

Увы! вмѣсто материнства, котораго, безъ сомнѣнія, страстно желала и сама княгиня, пришла смерть. Молодая женщина заболѣваетъ чахоткой, и ея положеніе безнадежно. Напрасно эта столь счастливая недавно пара переѣзжаетъ изъ одного города въ другой въ поискахъ знаменитыхъ спеціалистовъ. Княгиня Дашкова встрѣчаетъ ихъ въ Лейденѣ у извѣстнаго врача того времени Гобье, затѣмъ въ Брюсселѣ. Ея разсказы о придворныхъ интригахъ, въ которыя будто бы былъ замѣшанъ тогда

князь, и о странныхъ предложеніяхъ, съ которыми онъ обратился къ ней, соглашаясь уступить своего сына Потемкину въ интересахъ государства, совершенно невѣроятны. Княгиня умираетъ въ Лозаннѣ 16 іюня 1782 года. Державинъ въ трогательныхъ стихахъ оплакиваетъ эту раннюю смерть. Самъ Григорій Орловъ вернулся въ Петербургъ съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ: его разумъ помутился въ катастрофѣ, въ которой на этотъ разъ было заинтересовано только его сердце. Разсказываютъ, что во время припадковъ безумія онъ видѣлъ передъ собой тѣнь Петра III и повторялъ про себя: «это мнѣ въ наказаніе!» Шесть мѣсяцевъ спустя, маркизъ де-Веракъ сообщаетъ изъ Петербурга барону Верженну:

«Только что получено извѣстіе изъ Москвы о смерти князя Орлова... Во время своей болѣзни онъ раскрылъ такія страшныя подробности, которыхъ я не осмѣливаюсь довѣрить даже шифру».

Вотъ какъ Екатерина сама сообщаетъ Гримму объ этой печальной вѣсти:

«Хотя я была хорошо подготовлена къ этому печальному событію, но, сознаюсь, оно меня сильно поразило... Мнѣ всѣ говорятъ и я сама себѣ говорю все, что только можно въ такихъ случаяхъ сказать, но я отвѣчаю громкими рыданіями и страшно страдаю»...

Дѣйствительно ли такъ глубока ея печаль? Дальнѣйшее чтеніе письма не обнаруживаетъ этого. Разсыпаясь въ похвалахъ по адресу покойнаго, она переходитъ въ какой-то развязный, тривіальный тонъ:

«Чѣмъ-то необычайнымъ отмѣчена смерть князя Орлова: графъ Панинъ умеръ за двѣ недѣли до него, и оба они не знали о смерти другъ друга. Эти два человѣка, которые всегда были противоположныхъ взглядовъ и совсѣмъ не любили другъ друга, будутъ крайне удивлены, встрѣтившись на томъ свѣтѣ.. Въ теченіе многихъ лѣтъ они оба состояли моими совѣтниками и тѣмъ не менѣе дѣла шли быстрымъ темпомъ; часто мнѣ приходилось, подобно Александру Македонскому, разрубать гордіевъ узелъ и направить по одному руслу противоположныя желанія. Смѣлость мысли одного и крайнюю осторожность другого вашей покорнѣйшей слугѣ приходилось объединять и примирять, и результаты получались великолѣпные».

Нѣтъ, она не удручена и не взволнована, хотя и хочетъ казаться такой. Она не простила—даже передъ лицомъ смерти—

высшей обиды любимаго человѣка, измѣнившаго памяти и такой любви, которую она къ нему питала. Ей пріятно писать Гримму о «геніальности и блестящемъ краснорѣчіи» ея прежняго любовника. Черезъ два года она въ письмѣ къ Циммерману еще будетъ называть его «единственнымъ и поистинѣ великимъ» человѣкомъ и будетъ обвинять своихъ современниковъ за то, что они его не поняли.

Справедливо ли это обвиненіе? Мнѣніе современниковъ, какъ намъ кажется, находилось подъ вліяніемъ, по крайней мѣрѣ отчасти, иллюзій, которыми жила Екатерина даже послѣ смерти фаворита. Когда они говорятъ о его жизни, то онъ имъ представляется античнымъ героемъ, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и какимъ его хотѣла видѣть влюбленная въ него императрица, вѣрнѣе героемъ самой отдаленной, первобытной древности. Впрочемъ, на такую высоту онъ поднимался очень рѣдко, въ порывѣ страсти, чтобы потомъ снова упасть въ глубокую пропасть. И въ ихъ отзывахъ о его талантахъ и чертахъ характера они часто, повидимому, только отражаютъ страстное увлеченіе царственной любовницы. Даже такой строгій всегда человѣкъ, какъ Сабатье, также поддается общему теченію. «Это простой, ровный въ своемъ обращеніи человѣкъ, безъ претензій, привѣтливый, мягкій, честный и популярный среди широкихъ слоевъ населенія. Онъ никому никогда не причинилъ зла... Онъ чутокъ, проницателенъ и не лишенъ способностей. Его успѣхи въ наукахъ, которыми онъ занимается съ исключительной цѣлью развлечься отъ снѣдающей его скуки, доказываютъ, что онъ могъ бы извлечь пользу изъ своихъ придворныхъ дарованій. Въ дѣлахъ онъ проявляетъ правильное пониманіе, къ которому Панинъ всегда относится съ большимъ уваженіемъ».

Открытый врагъ великой императрицы и ея славы князь Щербатовъ восхваляетъ храбрость, честность и либеральныя идеи фаворита. «Его нельзя было не любить», пишетъ другой современникъ, авторъ очень любопытныхъ мемуаровъ (Болотовъ). Эти отзывы относятся, правда, къ молодымъ годамъ Григорія Орлова, у котораго еще не было ни политическаго, ни романическаго прошлаго и который былъ трижды раненъ въ сраженіи при Цорндорфѣ, а черезъ нѣсколько дней дирижировалъ танцами въ кенигсбергскомъ дворцѣ.

Кромѣ того, Екатерина принялась обтесывать своего мало-

культурнаго любовника съ тѣмъ усердіемъ, которое она вкладывала во всякое дѣло. Своими частыми и продолжительными прогулками въ уединенныхъ окрестностяхъ Петербурга они пользовались для поучительнаго чтенія. На нѣкоторое время молодой человѣкъ, дѣйствительно, повидимому, пріохотился къ занятіямъ и съ чисто варварскимъ любопытствомъ заинтересовался науками. Въ 1765 году онъ вмѣстѣ съ П. Воронцовымъ и библіотекаремъ императрицы, нѣмцемъ Таубертомъ, основываетъ общество для изученія экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Онъ первый поднимаетъ тамъ щекотливый вопросъ о способахъ передачи крестьянамъ въ собственность обрабатываемыхъ ими земель. Въ слѣдующемъ году онъ съ энтузіазмомъ увлекается знаменитой «инструкціей», предисловіемъ къ законодательному труду, которымъ Екатерина думала осчастливить Россію и, по мнѣнію Панина, можно было «потрясти государственные устои». Въ это же время онъ принимаетъ участіе въ переводѣ «Велизарія» Мармонтеля, сопровождая императрицу въ путешествіи въ Казань по Волгѣ. Въ этотъ же періодъ онъ занятъ мыслью предоставить убѣжище Жанъ-Жаку. Онъ собственноручно пишетъ ему пригласительное письмо, вдохновительницей котораго была, безъ сомнѣнія, Екатерина, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ. При всей своей парадоксальности авторъ «Общественнаго договора» отнесся недовѣрчиво къ этому гостепріимному приглашенію, которое въ глазахъ его современниковъ должно было показаться явнымъ парадоксомъ. Онъ ошибался въ данномъ случаѣ. Люди и идеи революціи еще долго не будутъ оказывать никакого вліянія на Россію и не будутъ казаться опасными или стѣснительными для стараго порядка. Этотъ доморощенный апостолъ, идеи котораго такъ же спутаны, какъ и его борьба, а языкъ такой мистическій, что любопытные парижане могутъ безнаказанно забавляться имъ въ своихъ салонахъ, представляетъ другое затрудненіе: Жанъ-Жакъ уклоняется отъ приглашенія, и романъ императрицы и ея фаворита лишается красивой главы.

Національный поэтъ Ломоносовъ, единственный оставшійся въ живыхъ представитель великой литературной эпохи, находитъ съ перваго же момента въ лицѣ Григорія Орлова страстнаго поклонника и вѣрнаго друга во всѣхъ испытаніяхъ жизни. Уже на слѣдующій день послѣ переворота онъ обращается къ нему съ ходатайствомъ по поводу мечты, которую онъ лелѣялъ

въ теченіе двадцати лѣтъ: постройки университета въ Петербургѣ. Вмѣшательство фаворита, къ несчастію, ни къ чему не приводитъ: Екатерина очень скоро потеряла вкусъ къ западноевропейской культурѣ и къ университетамъ своей родины. Хлопоты Ломоносова кончаются печально для него: указъ императрицы лишаетъ его должности президента академіи. Новое заступничество его покровителя пріостанавливаетъ дѣйствіе указа. Черезъ два года Ломоносовъ умираетъ и завѣщаетъ свои бумаги Орлову.

Но, говоря словами Сабатье, который въ 1772 году набросалъ портретъ фаворита: «его постоянное влеченіе къ удовольствіямъ и забавамъ, необузданная страсть къ женщинамъ, отсутствіе возраженій съ чьей-либо стороны и немедленное исполненіе малѣйшихъ его желаній истощили въ немъ тѣ силы, которыя при другомъ воспитаніи, при наличности борьбы и честолюбія могли бы развиться въ немъ».

Екатерина на это не обращала вниманія. Пристрастіе, какъ мы знаемъ, было отличительной чертой ея характера, а гипербола— обычнымъ проявленіемъ ея ума. Въ человѣкѣ, который 12 іюля 1762 года проводилъ ее къ воротамъ преображенскихъ казармъ, она должна была видѣть не только виновника ея счастья и товарища лучшихъ лѣтъ ея жизни, но и отца двухъ или трехъ ея дѣтей, хотя материнское чувство было мало развито у нея. По донесенію англійскаго посланника Гэннинга, у нихъ было трое дѣтей, по другимъ источникамъ—только двое. Двѣ молодыя дѣвушки, которыхъ камеръ-фрейлина и наперстница государыни Протасова воспитывала, какъ своихъ племянницъ подъ именемъ Алексѣевыхъ, и на одной изъ которыхъ женился поэтъ Клингеръ, считались дочерьми Екатерины и Григорія Орлова. Въ 1764 голу Беранже сообщилъ изъ Петербурга подробности по поводу мальчика, котораго Екатерина будто бы родила вскорѣ послѣ смерти императрицы Елизаветы: «Этотъ ребенокъ находится у Шкурина, который раньше былъ довѣреннымъ лакеемъ, а теперь состоитъ камергеромъ императрицы. Онъ воспитывается въ качествѣ его племянника, а его родители (Екатерина и Орловъ) часто отправляются въ простой коляскѣ въ сопровожденіи только одного лакея на свиданіе съ этимъ ребенкомъ». «Онъ (Орловъ)», прибавляетъ онъ, «обращается иногда съ государыней, какъ со своей служанкой. Недавно въ ихъ отношеніяхъ наступилъ острый кризисъ, въ результатѣ котораго Орловъ

на три дня удалился подъ предлогомъ, чтобы отправиться на охоту. Два дня Екатерина была въ отчаянiи и болѣла. На третiй день она рѣшила написать нѣжную записку своему возлюбленному и положила ее въ очень богатую шкатулку: она выражала надежду, что онъ прiѣдетъ къ ней въ Царское Село, куда она теперь отправлялась. Тамъ, дѣйствительно, произошло примиренiе между ними. Меня даже увѣряли, что она родила тамъ еще одного ребенка, только мертваго. Замѣтное измѣненiе въ ея фигурѣ, блѣдный цвѣтъ лица, всѣ симптомы и вся обстановка говорятъ за вѣрность этого слуха».

Это были только однѣ придворныя сплетни и предположенiя, но у Шкурина, дѣйствительно, воспитывался ребенокъ подъ именемъ Бобринскаго.

Кромѣ того, у Григорiя Орлова была семья, съ которой Екатерина должна была считаться, и братъ, котораго она успѣла окружить ореоломъ военнаго генiя, не сумѣвъ укротить его натуры, изобличавшей въ немъ скорѣй трактирнаго героя; она даже поставила его на такую высоту, съ которой онъ могъ угрожать ей самой. По многимъ основанiямъ она въ теченiе одиннадцати лѣтъ поддерживала свои отношенiя къ любовнику, который такъ часто измѣнялъ ей и доставлялъ такъ много непрiятностей, и обезпечила ему завидное положенiе даже тогда, когда онъ потерялъ уже свою обаятельность въ ея глазахъ. Однимъ изъ этихъ основанiй былъ Алексѣй Орловъ.

V.

Это Алексѣй Орловъ, какъ извѣстно, 12 iюля 1762 года проникъ рано утромъ въ спальню Екатерины и разбудилъ молодую женщину, чтобы извѣстить ее, что наступилъ моментъ отправиться въ Петербургъ и провозгласить себя самодержицей всея Россiи. Двери этой комнаты, повидимому, и для него были открыты и днемъ и ночью. Историкъ Бильбасовъ утверждаетъ, что въ эту эпоху лѣтнiя резиденцiи двора не охранялись, даже ворота забывали запирать. Но непрiятный инцидентъ, который произошелъ съ Понятовскимъ незадолго передъ тѣмъ на ораніенбаумской заставѣ, доказываетъ противное. Къ тому же Екатерина не была предупреждена совсѣмъ объ этомъ раннемъ визитѣ. Проходя черезъ уборную государыни, Алексѣй могъ видѣть на креслѣ платье, которое она должна была одѣть въ этотъ день къ торжественному обѣду императора.

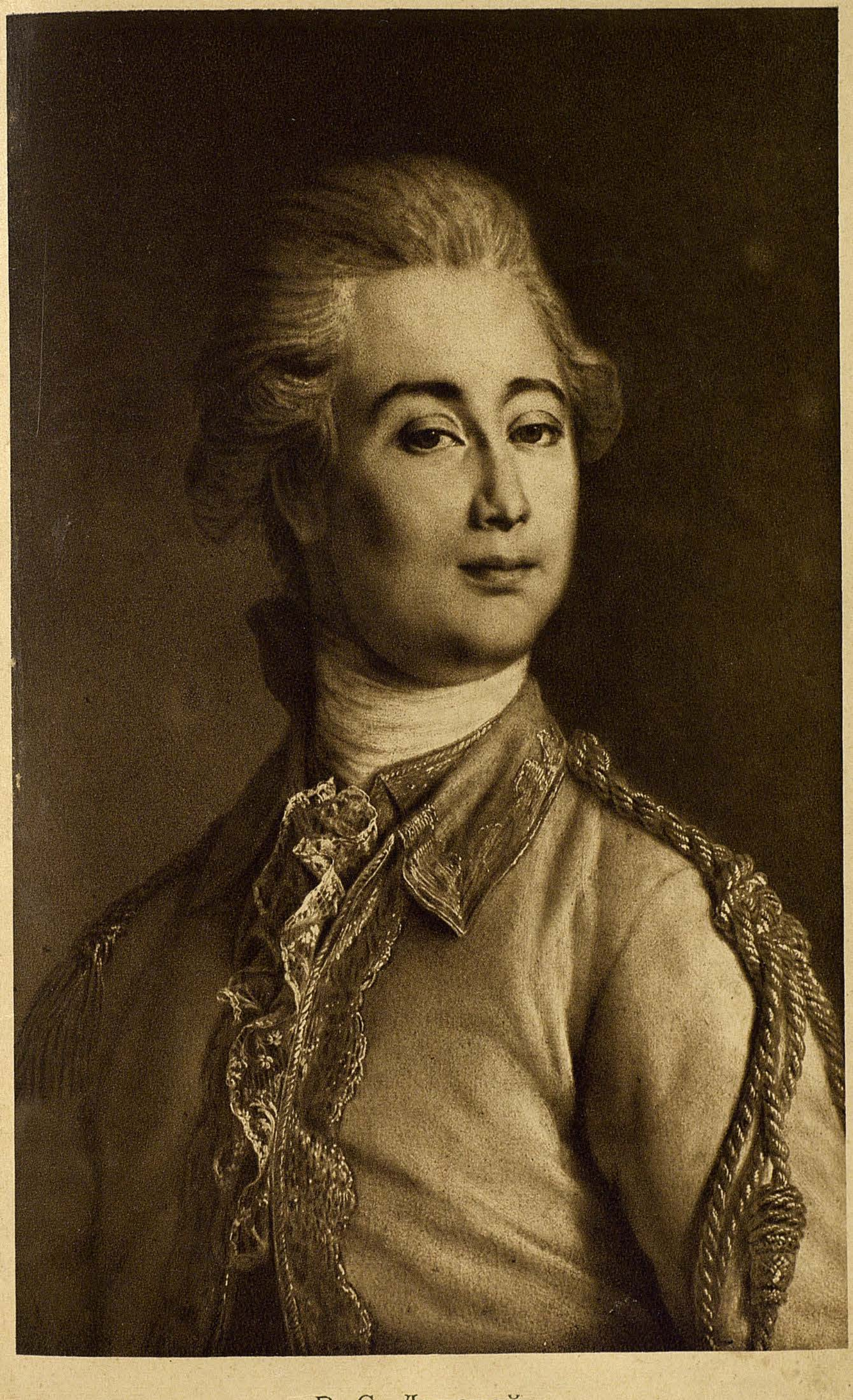
У Алексѣя не было такой красивой наружности, какъ у его брата. Сабельный ударъ, полученный имъ въ кабакѣ на двадцатомъ году, оставилъ глубокій шрамъ на лицѣ во всю щеку отъ угла рта до уха. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ красивъ, по словамъ современниковъ, и могъ уложить быка на мѣстѣ ударомъ своего кулака. Екатерина однажды избѣжала, благодаря его мускульной силѣ, опасности, которая грозила ей смертью: она каталась на русскихъ горкахъ, устроенныхъ ею въ Царскомъ Селѣ; очень тяжелая телѣжка, которая летѣла съ головокружительной высоты, сошла съ рельсовъ и увлекала ее внизъ; сидѣвшій позади нея Алексѣй уперся ногой въ помостъ, схватился рукой за перила—и вѣрная гибель была предотвращена. При такой силѣ онъ отличался также своимъ буйнымъ нравомъ. Потемкинъ, который былъ также огромнаго роста, жестоко поплатился за свою непочтительность въ моментъ раздраженія: будущій фаворитъ, говорятъ, потерялъ глазъ за свою выходку. Такой же любитель дебошей, какъ и его братъ, и еще большій авантюристъ, чѣмъ послѣдній, онъ скоро сталъ выдѣляться своимъ пылкимъ темпераментомъ, постоянной потребностью въ двженіи и неукротимымъ честолюбіемъ. Это была кипучая натура. Въ 1768 году ему пришлось страдать отъ вынужденнаго бездѣйствія, и онъ, въ концѣ концовъ, тяжко заболѣлъ. Самые извѣстные врачи Петербурга оказались безсильными ему помочь. Только простой военный фельдшеръ, который научился у какого-то китайца составленію лѣкарствъ, сумѣлъ отгадать тайну этой дикой натуры и вылѣчилъ больного. Вскорѣ послѣ этого турецкая война открыла для него широкое поле дѣятельности. Въ 1769 году онъ отправляется въ Ливорно въ качествѣ главнокомандующаго сухопутныхъ и морскихъ силъ для военныхъ дѣйствій противъ турокъ въ Архипелагѣ. Онъ никогда войска въ бой не водилъ и не управлялъ военнымъ кораблемъ, но ему удалось завязать сношенія съ перебѣжчикомъ Пакоцоли и набросать планъ общаго возстанія греческаго населенія, порабощеннаго мусульманами. Этихъ заслугъ было достаточно для Екатерины.

Занимая зимнія квартиры сначала въ Пизѣ, затѣмъ въ Ливорно и проводя тамъ веселую жизнь, Алексѣй въ то же время, дѣйствительно, старался поднять возстаніе въ Мореѣ, завязавъ сношенія съ майнотами и слѣдующей весной явился въ роли освободителя подъ Наварином. Къ несчастію, онъ скоро вынужденъ бы снять осаду Модона, подумать о своемъ собствен-

номъ спасеніи и покинуть тѣхъ, которыхъ онъ долженъ былъ освободить отъ страшнаго гнета рабства. Вскорѣ, правда, чесменскій походъ покрылъ эту неудачу блескомъ своей славы. Но участіе главнокомандующаго побѣдоноснаго флота въ этомъ блестящемъ дѣлѣ было предметомъ многочисленныхъ споровъ. Его полное невѣжество въ морскомъ дѣлѣ служитъ довольно серьезнымъ аргументомъ въ устахъ тѣхъ, которые ему отводятъ простую, чисто внѣшнюю роль. По свидѣтельству англійскихъ лейтенантовъ и нѣкоторыхъ русскихъ офицеровъ, ему не удалось въ этомъ случаѣ проявить даже свою неоспоримую храбрость и обычную находчивость. Глубокая таинственность моря, особенно смущающая людей непосвященныхъ, дѣйствительно, могла подорвать его природную энергію. Онъ, тѣмъ не менѣе, былъ объявленъ героемъ этого дня, и, когда онъ въ слѣдующемъ году пріѣхалъ въ Петербургъ, то всѣ тріумфальныя арки, торжественные парады и всевозможныя почести казались Екатеринѣ недостаточными, чтобы выразить ему ея восторги и благодарность. Онъ былъ прозванъ Чесменскимъ. Знаменитый художникъ моря Филиппъ Гакертъ увѣковѣчилъ его славу въ цѣлой серіи картинъ, а Екатерина собственноручно подписала квитанцію на всѣ денежныя суммы, которыя были израсходованы во время всей кампаніи *для какой бы то ни было цѣли*.

«Графъ Алексѣй Орловъ», пишетъ въ это время Сабатье, «самый важный человѣкъ въ Россіи... Его фигура совершенно заслонила собой всѣхъ другихъ. Чернышевы почти не смѣютъ головы поднять... Екатерина его почитаетъ, любитъ и боится... Его можно считать правителемъ Россіи».

Онъ не могъ удержаться на той высотѣ, на которую его подняла судьба. Вернувшись въ Италію, онъ снова поражаетъ Пизу и Ливорно своей азіатской роскошью и причудами сатрапа. У него еще достаточно простора, чтобы увлечь красавицу Кориллу Олимпику (псевдонимъ Мадлены Морелли), поэтессу, увѣнчанную въ 1771 году въ Капитоліи лаврами Петрарки и Тассо. Но его единственнымъ новымъ подвигомъ, при помощи котораго ему удалось поддержать свое реномэ, былъ захватъ въ плѣнъ несчастной княжны Таракановой, о печальной участи которой намъ придется еще говорить: это былъ неслыханный разбой съ его стороны на ряду съ необыкновенной удалью, которую онъ проявилъ при этомъ. Но на этотъ разъ Екатерина остается чуждой чувству благодарности: какъ разъ въ данный моментъ ее



В. С. Ланской.

Печатается первый разъ.

занимаетъ мысль, какъ избавиться отъ брата Алексѣя. Онъ запрещаетъ чесменскому герою покинуть флотъ и устанавливаетъ бдительную стражу въ портахъ, чтобы помѣшать его возвращенію. Онъ нарушаетъ запрещеніе и появляется въ 1773 году въ Петербургѣ. Онъ получаетъ приказъ отправиться въ Ревель. Но это только мимолетная буря. Скоро Григорій снова попадаетъ въ милость и Алексѣй пріобрѣтаетъ свое прежнее положеніе. Екатерина принимается идеализировать въ немъ національнаго героя, творца новой славы—славы русскаго флота. Театръ восхваляетъ его подвиги; на золотыхъ медаляхъ онъ фигурируетъ въ образѣ марса; въ Царскомъ Селѣ воздвигается мраморная колонна въ память его побѣдъ. Въ 1774 году всѣ иностранные посланники въ Петербургѣ употребляли всѣ усилія и прибѣгали даже къ подкупу, чтобы узнать содержаніе мирнаго трактата, заключеннаго съ Турціей. Панинъ отказывался сообщить его даже державамъ, состоявшимъ въ союзѣ съ Россіей, подъ предлогомъ еще неустраненныхъ затрудненій. Между тѣмъ, чесменскій побѣдитель раздобылъ текстъ трактата и собственною властью приказалъ напечатать его въ Ливорно.

Однако, въ обществѣ его престижъ, повидимому, начинаетъ падать. Это общественное мнѣніе нашло свой отголосокъ въ письмѣ Дюрана отъ этого времени.

«У графа Алексѣя Орлова», пишетъ онъ, «есть только сила, и ни капли чувства. Благопріятныя обстоятельства выдвинули его впередъ, но онъ совершенно не въ состояніи создать собственными силами какой-нибудь большой проектъ и еще менѣе провести его въ жизнь. Никогда во время своихъ военныхъ кампаній онъ не подъѣзжалъ къ врагу на разстояніе пушечнаго выстрѣла и никогда ни одинъ человѣкъ не былъ убитъ на его борту... Онъ менѣе преданъ и полезенъ императрицѣ, чѣмъ она до сихъ поръ думала о немъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ самъ сталъ объ этомъ говорить съ какой-то утрированной развязностью».

За три года до этого предшественникъ Дюрана видѣлъ въ этомъ самомъ героѣ «человѣка сильнаго и обдуманно смѣлаго»; онъ хвалилъ «его храбрость, лояльность и откровенность». Но и тогда уже о немъ былъ другого мнѣнія Іосифъ II, который видѣлъ его во время его проѣзда черезъ Вѣну и безошибочно опредѣлялъ людей съ перваго взгляда, хотя часто ошибался въ оцѣнкѣ событій. «Я его нашелъ такимъ, какимъ вы его мнѣ

рисовали», сообщалъ онъ брату своему Леопольду, «прямымъ, чистосердечнымъ, но ограниченнымъ». Въ то же время онъ смѣялся надъ поведеніемъ русскаго посланника Голицына, который проявилъ въ присутствіи этого великаго вояки «крайнюю растерянность... стѣсняясь, вынужденъ былъ играть роль пажа... стоялъ все время на ногахъ въ ложѣ, въ которой сидѣлъ Орловъ, и старательно изображалъ русскаго крѣпостного, послѣ того какъ прожилъ двадцать лѣтъ свободнымъ человѣкомъ вдали отъ родины». Болѣе рѣшительно и менѣе лестно отозвалась о немъ княгиня Дашкова въ разговорѣ съ Дидро. «Если вѣрить ея словамъ», писалъ послѣдній, «то одинъ изъ братьевъ Орловыхъ, котораго называютъ «рубцованнымъ» (Balafre), самый отъявленный злодѣй на свѣтѣ».

Послѣдующая жизнь вполнѣ оправдываетъ отзывъ, который далъ о немъ Іосифъ. Оскорбленный не меньше брата неожиданнымъ появленіемъ въ 1774 году Потемкина, онъ также не находитъ никакихъ другихъ способовъ борьбы со своимъ противникомъ, кромѣ кулачной расправы. Новый фаворитъ также некультурный и впечатлительный человѣкъ, но эта впечатлительность сдерживается у него тонкимъ чутьемъ, которымъ отличаются нѣкоторые дикари и которое не исключаетъ ни знаній, ни таланта, ни даже геніальности. Предъ лицомъ этого соперника Алексѣй проявляетъ или гнѣвъ грубаго человѣка, или капризы обиженнаго ребенка. Онъ оставляетъ всѣ свои должности и отправляется въ Москву, но такъ какъ никто не думаетъ звать его обратно, то онъ самъ возвращается и утомляетъ Екатерину грубыми сценами, которыя ее пугаютъ, но не могутъ заставить пойти на уступки. Она не смѣетъ и не хочетъ проявлять суровость по отношенію къ человѣку, котораго она сама поставила на такую высоту, но она еще менѣе расположена пожертвовать для него новымъ товарищемъ, вѣрнѣе новымъ руководителемъ, котораго она себѣ выбрала. Съ этихъ поръ она въ теченіе многихъ лѣтъ старается установить согласіе между этими двумя страшными соперниками.

Въ 1783 году, послѣ смерти Григорія, она передаетъ Алексѣю по наслѣдству отъ брата право носить наравнѣ съ Потемкинымъ пресловутый портретъ, дарованный ею, отнятый затѣмъ и снова возвращенный ея старому фавориту. Но эта большая честь не обезоруживаетъ Алексѣя. По вечерамъ за карточнымъ столомъ у государыни, въ присутствіи толпы внимательныхъ придвор-

ныхъ, противники обмѣниваются вынужденными любезностями, но на слѣдующій день въ апартаментахъ государыни, куда Алексѣй пользуется по прежнему правомъ входа, возобновляются бурныя ссоры, и отъ ихъ громовыхъ голосовъ дребезжатъ окна дворца и сама императрица блѣднѣетъ отъ страха. Вторая турецкая война застаетъ еще чесменскаго героя въ 1787 году въ Москвѣ, недовольнаго императрицей и дворомъ. Онъ спѣшитъ предложить свои услуги, которыя принимаются съ восторгомъ: ему предлагаютъ командованіе флотомъ. Но командовать флотомъ значитъ быть подъ началомъ у Потемкина, который долженъ объединить въ своихъ рукахъ высшее командованіе всѣми сухопутными и морскими силами, призванными къ борьбѣ съ исламомъ. Алексѣй на это не согласенъ; онъ претендуетъ на первенство въ виду своей прежней славы. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ оставилъ свои посты, гдѣ нужно было работать, что оспариваетъ и критикуетъ мѣропріятія, въ которыхъ онъ отказывается принимать участіе. «Онъ явился къ намъ, словно снѣгъ на голову», писала Екатерина своему генералиссимусу, «пусть вернется въ Москву».

На этотъ разъ его добровольное изгнаніе продолжается до самаго конца царствованія; онъ теряетъ всякую надежду и находитъ утѣшеніе въ эпикурейской жизни. Онъ снова появляется въ Петербургѣ по требованію Павла, чтобы охранять въ теченіе двухъ дней Петра III, извлеченнаго изъ могилы черезъ 43 года послѣ его смерти, и нести затѣмъ за гробомъ убитаго императора его корону, которую онъ самъ помогъ у него отнять. Вернувшись съ похоронъ, онъ находитъ приказъ отправиться на жительство въ свое помѣстье. Ему удается получить разрѣшеніе уѣхать за границу и живетъ до 1801 года въ Германіи, главнымъ образомъ, въ Вѣнѣ. Смерть Павла даетъ ему возможность вернуться въ Москву, гдѣ онъ умираетъ въ 1808 году, оставивъ огромное наслѣдство единственной дочери, которая осталась незамужней.

У Екатерины былъ отъ него сынъ, который носилъ имя Чесменскій и воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. Мать оказывала ему нѣкоторое вниманіе, но большого интереса къ его судьбѣ не проявила,—материнское чувство, какъ мы знаемъ, не было у нея очень развито. Дальнѣйшая судьба этого ребенка намъ неизвѣстна.

Родъ Ивана Орла и фамилія Орловыхъ прекращается въ 1832 году въ лицѣ самаго младшаго изъ пяти братьевъ, акаде-

мика Владиміра, научные диспуты котораго часто поражаютъ и обезоруживаютъ его коллегъ смѣлостью и спокойной увѣренностью его нападокъ и защиты самыхъ парадоксальныхъ положеній и въ теченіе долгаго времени привлекаютъ къ себѣ вниманіе столичнаго общества. Его единственный сынъ умираетъ раньше отца, въ 1728 году. Михаилъ Орловъ, подписавшій капитуляцію Парижа въ 1812 году и написавшій затѣмъ исторію этой капитуляціи, и Алексѣй, подписавшій парижскій трактатъ въ 1856 году, были незаконнорожденными сыновьями Θеодора, одного изъ пяти братьевъ, которые возвели Екатерину на престолъ. Глава исторіи, которую они написали съ ней въ этотъ день, создала и имъ при тронѣ высокое положеніе, унаслѣдовать которое не суждено было ни одному ихъ потомку.



Потемкинъ.

I.

Въ періодъ Екатерининскаго царствованія, отъ 1774 до 1791 года, Россіей деспотически управлялъ человѣкъ, о которомъ при всѣхъ нашихъ данныхъ о немъ трудно еше теперь даже сказать, былъ ли онъ геніемъ или сумасшедшимъ. Такія подозрительныя личности составляютъ обычное явленіе во время великихъ событій міровой исторіи и въ счастливѣйшія эпохи общественной жизни. Можно усмотрѣть въ данномъ случаѣ счастливый случай и злую иронію загадочной судьбы или объяснить все, какъ естественное слѣдствіе необычайно благопріятнаго сочетанія природныхъ и пріобрѣтенныхъ способностей этого недюжиннаго человѣка,—одно только несомнѣнно, что его близость къ Екатеринѣ совпала, какъ мы уже раньше говорили, съ кульминаціоннымъ моментомъ блеска и тріумфовъ этого славнаго царствованія. Онъ третировалъ свою судьбу, какъ рабыню, и она насмѣялась надъ нимъ. Ему приходилось также обращаться съ самой Екатериной, и она покорно мирилась съ такимъ отношеніемъ къ ней.

Гвардейскій офицеръ семеновскаго полка, одолжившій 13 іюля 1762 года Екатеринѣ военную форму, въ которой она должна была вести войска противъ своего мужа, этотъ молодой и неизвѣстный поручикъ забылъ, будто бы, по разсѣянности, вполнѣ допустимой въ такой моментъ, подать императрицѣ одну изъ принадлежностей экипировки. Еще менѣе извѣстный молодой унтеръ-офицеръ имѣлъ, будто бы, счастье замѣтить это и предложить свой собственный темлякъ, который былъ благосклонно принять царицей. Дѣйствительно ли это такъ было и вѣрно ли, наконецъ, то, что фаворъ Григорія Потемкина за-

родился во время этой случайной встрѣчи? Мы ничего по этому поводу сказать не можетъ. Мы откровенно сознаемся, что не придаемъ большого значенія этой мелочи, о которой такъ много говорили. Чтобы отрицать самый фактъ, выдвигали соображеніе, что темлякъ простого вахмистра, какимъ былъ въ 1762 году Потемкинъ, не могъ годиться для Екатерины. Но унтеръ-офицеры изъ дворянъ, юнкера, всегда носили въ Россіи серебряные темляки, а Потемкинъ былъ дворяниномъ: одинъ изъ его предковъ фигурировалъ при дворѣ царя Ѳеодора Алексѣевича въ 1676 году.

Въ качествѣ единственнаго сына Григорій былъ внесенъ въ списки одного изъ гвардейскихъ полковъ и въ то же время зачисленъ въ студенты московскаго университета. Въ бѣдныхъ дворянскихъ семьяхъ было въ обычаѣ такимъ образомъ готовить молодыхъ людей къ жизни: передъ нимъ раскрывались болѣе широкія перспективы, можно было сдѣлать карьеру тѣмъ или инымъ путемъ. Молодой Потемкинъ сдѣлался вначалѣ образцовымъ студентомъ. Онъ очень усидчиво занимался науками и подружился съ ученымъ дьякономъ Порофеемъ—этимъ объясняется его знаніе церковной службы, которое онъ проявилъ впослѣдствіи. Въ 1757 т. онъ былъ въ числѣ 20 учениковъ, которыхъ отправили въ Петербургъ на казенный счетъ, чтобы показать тамъ ихъ знанія. Ему было тогда лѣтъ 17 или 18, такъ какъ точно не установлено, когда онъ родился. Онъ былъ представленъ императрицѣ Елизаветѣ. Этотъ пріемъ при дворѣ и пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ новой столицѣ имперіи произвели внезапную перемѣну въ его впечатлительной натурѣ. Когда онъ вернулся въ Москву, его воображеніе стали осаждать такія фантастическія грезы, что его товарищи и учителя начали относиться къ нему какъ къ сумасшедшему. Ослѣпительные горизонты, которые открылись для него тамъ, въ Петербургѣ, вскружили ему голову. Годъ спустя, онъ былъ выгнанъ изъ школы «за лѣнь и упорное манкированіе»,—эту участь онъ раздѣлилъ, впрочемъ, со своимъ блестящимъ современникомъ Николаемъ Новиковымъ, будущимъ основателемъ народнаго образованія. Ему больше ничего не оставалось дѣлать, какъ поступить на военную службу. Другъ ихъ семьи, можайскій архіепископъ Каменскій, одолжилъ ему 500 руб., съ которыми онъ и направился въ Петербургъ. Онъ любилъ впослѣдствіи вспоминать объ этомъ одолженіи, которое привело

его къ огромнымъ богатствамъ, но онъ никогда не вернулъ этого долга. Родственникъ его матери, генералъ-лейтенантъ Загряжскій, помогъ ему вступить въ конно-гвардейскій полкъ. Такимъ образомъ, наканунѣ переворота, который подготовлялся братьями Орловыми, онъ оказался на ихъ пути. У него былъ невысокій чинъ, но и другіе заговорщики 1762 года не блистали своими чинами. Только одинъ Θеодоръ Хитрово былъ въ чинѣ прапорщика.

Въ спискѣ лицъ, представленныхъ къ наградамъ послѣ событія 12 іюля, Потемкину предстояло получить чинъ корнета. Екатерина измѣнила это представленіе и собственноручно начертала «подпоручикъ». Это было 1-го августа. Черезъ 4 мѣсяца подпоручикъ былъ произведенъ въ камергеры и получилъ свободный доступъ ко двору. Какъ это произошло, остается тайной. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Орловы, къ своему собственному несчастью, какъ-то случайно разсказали въ присутствіи императрицы о талантѣ своего друга, въ которомъ они менѣе всего тогда могли заподозрить соперника: рѣчь шла объ удивительной способности подражать какому угодно голосу. Екатерина была заинтригована; феноменъ былъ приведенъ, дебютировалъ, подражая ея собственному голосу, заставивъ ее при этомъ разсмѣяться до слезъ. Съ этого дня онъ былъ допущенъ въ интимный кружокъ императрицы, а чинъ камергера служилъ ему пропускомъ. Это была только роль шута, но онъ впослѣдствіи показалъ, что онъ способенъ на всевозможныя роли, не исключая и менѣе достойныхъ.

Екатерина, какъ это удостовѣрено, уже въ это время удѣляла ему много вниманія и въ довольно странной формѣ. Можно было бы сказать, что она уже съ этихъ поръ подготовляетъ его къ роли будущаго вице-императора. Позднѣе она будетъ любить называть его *своимъ ученикомъ*, и, дѣйствительно, она съ этого момента старательно заботится о пополненіи образованія этого бывшаго студента московскаго университета. Продолжая держать его на военной службѣ, она въ августѣ 1763 года вводить его въ комиссіи сената, подтвердивъ это назначеніе указомъ и рекомендуя въ припискѣ своимъ сенаторамъ познакомить молодого Григорія Потемкина со всѣми дѣлами. Въ сентябрѣ того же года она редактируетъ инструкцію, въ которой она совѣтуетъ ему воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ и усвоить побольше полезныхъ знаній. Она даетъ ему въ учителя

французскаго дворянина дю-Виварэ, растриженнаго монаха, служившаго въ Пондишери при Дюплеѣ и женатаго на Вомаль-де-Фажъ; затѣмъ этотъ учитель сдѣлался секретаремъ фаворита и послѣ 23-лѣтняго пребыванія при своемъ бывшемъ ученикѣ, ставшемъ княземъ и всемогущимъ министромъ, вернулся въ 1785 году во Францію на пятидесятомъ году своей жизни «въ цвѣтущемъ здоровьѣ». Впослѣдствіи у Потемкина всегда были въ его свитѣ, въ «его нижнемъ дворѣ», какъ говорила Екатерина, выходцы изъ Франціи, въ которой онъ не проявлялъ большихъ симпатій въ другихъ отношеніяхъ: хирургъ Массо, съ которымъ онъ никогда не разставался; адъютантъ Тейссоньеръ, состоявшій на жалованіи у французской дипломатіи, поэтъ Деста, который имѣлъ доступъ къ «Эрмитажу», какъ хорошій анекдотистъ; перешелъ затѣмъ на службу къ герцогу Нассаускому и во время революціи перебрался во Францію.

Не нужно забывать, что въ тотъ моментъ, когда Екатерина проявляетъ столько заботливости объ образованіи своего двадцатитрехлѣтняго протеже, фаворъ Григорія Орлова достигъ своего апогея.

Въ 1769 году Потемкинъ отправляется на войну противъ турокъ и быстро дѣлаетъ тамъ карьеру. Въ 1773 году мы уже видимъ его генералъ-лейтенантомъ. Но незамѣтно, чтобы и въ личныхъ отношеніяхъ къ нему Екатерины произошла бы соотвѣтствующая перемѣна. Она, повидимому, забыла о немъ. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ введенъ въ интимный кружокъ императрицы; въ это время Григорій Орловъ нераздѣльно владѣлъ сердцемъ царственной любовницы, и Потемкинъ имѣлъ даже несчастье или безтактность поссориться съ фаворитомъ и съ его братомъ, съ грубымъ великаномъ Алексѣемъ. Ссора произошла при дворѣ за бильярдной игрой и привела къ кровавой борьбѣ, изъ которой ученикъ Екатерины вышелъ изуродованнымъ. Впрочемъ, нѣкоторые свидѣтели считаютъ эту катастрофу простымъ недоразумѣніемъ. Но потеря глаза установлена исторіей. Кося своимъ единственнымъ глазомъ, молодой человѣкъ бѣжалъ отъ двора. Говорятъ, что онъ даже думалъ поступить въ монастырь. Друзья, въ томъ числѣ и сами Орловы, если вѣрить циркулировавшему тогда слуху, разубѣдили его въ этотъ и привели къ Екатеринѣ. Онъ поддался ихъ увѣщанію и, повидимому, воспользовался обстоятельствомъ, чтобы повторить съ большимъ успѣхомъ сентиментальную ко-

медію, которая когда-то такъ удалась Григорію Орлову. Екатерина легко дала себя убѣдить, что его мысли объ уединеніи и монашеской жизни вызваны глубокой и скромной страстью, объектомъ которой была она. До самаго конца своей жизни она должна была остаться такой чувствительной къ подобнаго рода обольщеніямъ и иллюзіямъ, лживость и несостоятельность которыхъ должны были съ каждымъ разомъ становиться для нея болѣе очевидными. Потемкину удалось такимъ образомъ забросить въ ея воображеніе и въ ея сердце сѣмя, которому суждено было впослѣдствіи дать ростокъ. Но его часъ еще не пришелъ. Онъ, можетъ быть, думалъ также, что для осуществленія его мечты въ томъ видѣ, какъ онъ хотѣлъ, ему недоставало еще личнаго престижа, и отправляется поэтому на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы увѣнчать себя славой. Онъ удалился, предоставивъ времени подготовить его счастье и опалу тогдашняго фаворита. Послѣдняя, дѣйствительно, скоро началась, но ею воспользовался сначала другой человѣкъ.

Въ іюнѣ 1773 года Васильчиковъ занялъ мѣсто, окончательно потерянное Григоріемъ Орловымъ, а Потемкинъ въ это время принимаетъ участіе въ сраженіяхъ русской арміи подъ стѣнами Силлистріи. Жизнь солдата его, повидимому, захватила цѣликомъ. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ вдругъ проситъ отпуска и неожиданно покидаетъ армію. Произошло событіе, которое было рѣшающимъ для его судьбы: онъ получилъ отъ Екарины слѣдующую записку:

«Господинъ генералъ-лейтенантъ! Вы такъ заняты Силлистріей, что вамъ, навѣрное, некогда читать письма. Я до сихъ поръ не знаю, какихъ успѣховъ вы достигли своей бомбардировкой, но я, тѣмъ не менѣе, убѣждена, что всѣ предпринимаемые вами шаги могутъ быть продиктованы только вашей горячей любовью ко мнѣ лично и къ дорогому отечеству. Но такъ какъ я, съ другой стороны, стараюсь сохранить людей преданныхъ, храбрыхъ, образованныхъ и способныхъ, то я прошу васъ не подвергать себя безполезно опасности. Читая это письмо, вы, можетъ быть, спросите, зачѣмъ оно написано. Я вамъ на это отвѣчу: чтобы дать вамъ понять, какъ я о васъ думаю, такъ какъ я всегда желаю вамъ всего лучшаго».

Потемкинъ ни у кого не спрашивалъ тайны этихъ двусмысленныхъ строкъ. Прекрасно зная всю борьбу страстей и интригъ среди которыхъ затронутое сердце императрицы боролось съ не-

рѣшительностью, онъ сразу прочелъ то, что ему рекомендовали отгадать: признаніе и призывъ. Въ январѣ 1774 года онъ уже былъ въ Петербургѣ, въ теченіе шести недѣль выжидалъ, зондируя почву и обезпечивая себѣ успѣхъ, и 27 апрѣля рискнулъ сдѣлать рѣшительный шагъ: онъ написалъ императрицѣ, прося чина генералъ-адъютанта, «если она считаетъ его заслуги достойными себя». На языкѣ того времени это значило претендовать на роль замѣстителя прекраснаго Орлова и Васильчикова. Черезъ три дня былъ полученъ благопріятный отвѣтъ. 20 марта богато одаренный Васильчиковъ отправился въ изгнаніе въ Москву, и началось царствованіе самаго могущественнаго фаворита.

II.

Даже повѣренный въ ея сердечныхъ дѣлахъ горемычный Гриммъ не могъ на этотъ разъ удержаться отъ робкаго упрека по ея адресу за такое непостоянство. «За что?» спрашивала она въ отвѣтъ, нисколько не смущаясь, «я готова поручиться, что это упрекъ съ вашей стороны за то, что я ушла отъ одного славнаго, но очень скучнаго человѣка, который тотчасъ былъ замѣщенъ, сама не знаю какъ, однимъ изъ величайшихъ плутовъ и забавнѣйшихъ чудаковъ нашего вѣка желѣза». Она была въ восторгѣ отъ своего новаго пріобрѣтенія: «Ахъ, что это за умница! онъ больше всѣхъ сдѣлалъ для этого мира (Кучукъ-Кайнарджійскаго, заключеннаго 14 іюля 1774 года съ турками), и эта умная голова забавнѣе самого чорта». Съ этихъ поръ она не измѣняетъ своей привычки, которой не могъ нарушить Григорій Орловъ даже въ лучшія времена своего фавора, и въ письмахъ къ новому фавориту она употребляетъ самыя нѣжныя и фамильярныя выраженія. «Батенька» и «голубчикъ» безпрерывно срываются съ ея пера даже въ дѣловыхъ бумагахъ, которыя она отправляетъ по его адресу.

Свидѣтели этой перемѣны и этого новаго увлеченія не могли ни одобрить, ни объяснить этого явленія. Дюранъ былъ удивленъ, увидѣвъ мундиръ генералъ-адъютанта на человѣкѣ, «внѣшній видъ котораго нѣсколько разъ оскорбилъ честь русской арміи и вызывалъ смѣхъ со стороны турокъ». По его словамъ, таинственность, съ которой новый фаворитъ проникалъ въ апартаменты императрицы и выходилъ оттуда, вызывала шутки со стороны гвардейцевъ, «смѣявшихся надъ тайной, свидѣтелями

которой каждый день становились десятки новыхъ людей». Григорій Орловъ выражалъ ему свое полное презрѣніе: «Хотя у насъ и имѣются общія дѣла», закричалъ онъ однажды въ кругу многочисленныхъ придворныхъ, обращаясь къ своему заместителю, «но не подумайте, что мы съ вами люди одинаковаго положенія; я не потерплю, чтобы вы продолжали носить мундиръ генерала отъ артиллеріи, когда я состою ея главнымъ начальникомъ, а вы въ ней никакого значенія не имѣете». Дочь Кирилла Разумовскаго была возмущена, когда ея отецъ, бывшій гетманъ, позволилъ себѣ выразить свое почтеніе новому пришлецу. «Я искренно страдаю отъ такого униженія», писала она своему брату. «Какъ можно проявлять вниманіе къ такому косоглазому мужику и за что?» Одинъ только Васильчиковъ, вчерашній фаворитъ, не задумался признать и рѣзко подчеркнуть превосходство своего соперника. «Положеніе, занятое Потемкинымъ», говорилъ онъ своему другу, который сообщилъ эти свѣдѣнія французскому посланнику, «сильно отличается отъ моего. Я былъ только содержанкой, и со мной такъ и обращались. Не хотѣли, чтобы я видѣлъ кого-нибудь, чтобы я выходилъ. Когда я просилъ за кого-нибудь, мнѣ не отвѣчали. Когда я говорилъ за себя, было то же самое. Когда я хотѣлъ получить ленту св. Анны и сказалъ объ этомъ императрицѣ, то я на слѣдующій день нашелъ въ своемъ карманѣ на 30000 руб. ассигнацій. Мнѣ всегда закрывали ротъ такимъ образомъ и отсылали въ мою комнату. Потемкинъ добивается всего, чего онъ хочетъ. Онъ диктуетъ свою волю, какъ господинъ».

По поводу послѣдняго пункта были согласны всѣ, удивляясь и негодуя противъ растущаго вліянія новичка, «циклопа», какъ называлъ его Орловъ, но не отрицая самаго факта. «Она безъ ума отъ него», разсказывалъ сенаторъ Елагинъ въ разговорѣ съ Дюраномъ. «Они, должно быть, очень любятъ другъ друга, потому что между ними много сходства». И онъ разсказалъ, какъ Потемкинъ рѣшилъ добиться участія въ совѣтѣ: «Придя сюда, онъ сталъ разговаривать со мной о дѣлахъ съ развязностью, которая удивила меня. Онъ порицалъ все. Я воспользовался этимъ... чтобы сказать ему о томъ, на чемъ мы постановили. Онъ меня съ интересомъ выслушалъ и отвѣтилъ: «Что же вы мнѣ прикажете дѣлать? Вѣдь я не состою членомъ совѣта. — А почему вы не состоите членомъ совѣта? — Не хотятъ; но я настою на этомъ». Онъ рѣшилъ возобновить свои прось-

бы, но, повидимому, послѣдовалъ новый отказъ, потому что въ воскресенье я сидѣлъ за столомъ рядомъ съ нимъ и императрицей и видѣлъ, что онъ не только не разговаривалъ съ ней, но даже не отвѣчалъ на ея вопросы. Она была внѣ себя, и мы были лишены поддержки. Молчаніе прерывалъ только своими односложными замѣчаніями оберъ-шталмейстеръ (Нарышкинъ), который никогда не могъ поддержать разговоръ. Поднявшись изъ-за стола, императрица ушла одна и вернулась съ красными глазами и смущеннымъ лицомъ. Въ понедѣльникъ она была веселѣе, и онъ въ тотъ же день вошелъ въ составъ совѣта».

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ и «Циклопъ» сдѣлался господиномъ положенія, всемогущимъ человѣкомъ, передъ которымъ стушевались всѣ соперники и сгибали свои спины всѣ сильныя натуры, начиная съ самой Екатерины. Его вступленіе въ совѣтъ сдѣлало его фактически первымъ министромъ. Онъ управляетъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политикой имперіи. Онъ смѣщаетъ президента военной коллегіи Чернышева, который покидаетъ Петербургъ, повѣсивъ на своемъ домѣ записку: «продать или сдать внаймы». Надменный и сварливый Алексѣй Орловъ посылаетъ изъ Пизы самыя дружескія письма фавориту, а Григорій забываетъ о своемъ презрѣніи. Повидимому, къ этому времени относится часто приводимая встрѣча этихъ двухъ антагонистовъ на лѣстницѣ дворца:

— Что говорятъ при дворѣ?

— Ни о чемъ, кромѣ того, что вы поднимаетесь, а я спускаюсь.

Что касается Дюрана, то онъ теперь прилагаетъ всѣ усилія, оставшіяся, къ сожалѣнію, безъ всякаго результата, чтобы снискать довѣріе генерала, мундиръ котораго недавно еще оскорблялъ его взоръ. «Я хотѣлъ добиться дружбы Потемкина», сообщаетъ онъ графу де-Верженъ, «чтобы потомъ воспользоваться ею, и чего я только для этого ни дѣлалъ! Браницкій, которому я поручилъ поработать въ этомъ направленіи, заявилъ мнѣ, наконецъ, что этотъ фаворитъ, поздно получившій свое воспитаніе и отличающійся чисто дѣтской наивностью, боится нашей близости; что онъ не желаетъ разговаривать ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ родного... и не хочетъ видѣть никакого вокругъ себя, кромѣ молодыхъ приближенныхъ, съ которыми играетъ большую игру».

Эта власть и положеніе настоящаго монарха только упрочивается въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ. Въ 1775 году

фаворитъ получаетъ титулъ графа по случаю празднованія въ Москвѣ мира, заключеннаго съ турками; его награждаютъ шпагой, и портретъ императрицы сверкаетъ бриллiантами у него на груди, какъ недавно у Орлова. Черезъ годъ Фридрихъ присылаетъ ему Чернаго Орла, а Іосифъ, чтобы не отстать отъ своего сосѣда въ любезности, преподноситъ ему титулъ князя священной имперiи, нисколько не заставляя себя просить на этотъ разъ. Но честолюбіе фаворита не останавливается на этомъ. На пути, по которому онъ съ такимъ шумнымъ успѣхомъ идетъ по слѣдамъ Григорія Орлова, онъ видитъ цѣль, которую преслѣдовалъ его предшественникъ, не сумѣвъ ея достигнуть. Во время богомолья въ Троице-Сергіевской лаврѣ, гдѣ уже однажды разыгралась одна изъ рѣшительныхъ сценъ въ жизни Екатерины, влюбленную пару окружаютъ услужливые монахи. Потемкинъ сохранилъ еще старыя связи съ этими иноками. Онъ умѣетъ говорить на ихъ языкѣ, знаетъ всѣ подробности сложнаго богослуженія и подтягиваетъ своимъ голосомъ ихъ псалмопѣніе. Они на его сторонѣ и берутъ на себя задачу мучить совѣсть императрицы. Неужели она рѣшилась продолжать это скандальное сожительство, которое можетъ быть освящено церковью? Они настаиваютъ и стараются произвести давленіе на нее своими угрозами и просьбами, и вдругъ фаворитъ самъ выступаетъ на сцену: онъ снялъ съ себя свой блестящій костюмъ и предсталъ передъ ней въ простой рясѣ чернеца. Его совѣсть также проснулась, и, если онъ не можетъ стать супругомъ своей возлюбленной, то онъ посвятитъ себя Богу.

Это былъ ложный шагъ. Екатерина, правда, казалась взволнованной. Она отвѣчаетъ ему въ его же тонѣ, но совсѣмъ не то, чего онъ ожидалъ. Она понимаетъ его душевную борьбу и раздѣляетъ ее. Она поэтому одобряетъ его рѣшеніе: пусть онъ повинуется божественному голосу, который призываетъ его. Она, очевидно, великолѣпно поняла всю эту игру, въ которой она притворно сама приняла участіе. Великая комедіантка отгадала комедіанта въ этомъ импровизированномъ монахѣ съ его неожиданнымъ превращеніемъ. Но почему она на этотъ разъ оказалась такой проницательной? Не утомлена ли она уже? Можетъ быть. Продолженіе авантюры, повидимому, подтверждаетъ это. Играя свою роль до конца, Потемкинъ клянется, что похоронитъ себя въ стѣнахъ монастыря; она предоставляетъ ему свободу и возможность выполнить свою клятву и уѣзжаетъ въ

Петербургъ. Онъ слѣдуетъ за ней, но скоро убѣждается, что очарованіе исчезло, что его голосъ со всѣми нѣжными и повелительными нотами не имѣетъ надъ ней уже больше силы. И догадливые царедворцы уже указываютъ пальцами на молодого и красиваго секретаря, котораго Румянцевъ только что предложилъ въ распоряженіе императрицы и звѣзда котораго уже поднимается надъ горизонтомъ.

III.

Въ апрѣлѣ 1776 года фаворитъ серьезно думаетъ объ уходѣ, но хочетъ, чтобы онъ произошелъ въ блестящей обстановкѣ. Если вѣрить свѣдѣніямъ, собраннымъ новымъ французскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ, маркизомъ де-Жюйнье, то онъ требовалъ у императрицы въ видѣ компенсаціи за положеніе, отъ котораго онъ соглашался отказаться—курляндскій тронъ, при чемъ прибавилъ, что смотритъ на него, какъ на переходную ступень къ польской коронѣ. На этотъ разъ воспоминанія о Биронѣ и Понятовскомъ смущаютъ воображеніе великаго честолюбца. Но Екатерина не въ состояніи уже больше раздавать троны. Впрочемъ, у нея вошло въ привычку хорошо разсчитываться съ людьми, образы которыхъ успѣли поблекнуть въ ея глазахъ. Въ ноябрѣ того же года разразился кризисъ. Какъ бы повинуясь року, который подчинялъ себѣ всѣхъ его предшественниковъ, Потемкинъ дѣлаетъ такой же неосторожный шагъ, который недавно погубилъ прекраснаго Орлова, и беретъ отпускъ, чтобы произвести ревизію въ сосѣдней Новгородской губерніи. Это послужило началомъ: черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда Завадовскій былъ водворенъ на томъ мѣстѣ, которое тотъ только что оставилъ.

Но тогда и сказалось дѣйствительное превосходство этого человѣка, котораго до сихъ поръ никто, не исключая и самой Екатерины, не могъ въ достаточной степени оцѣнить и который теперь только развернулъ передъ всѣми свой блестящій умъ и свою желѣзную волю. На этотъ разъ передъ Екатериной стояла не безвольная натура, разслабленная продолжительной жизнью среди роскоши и удовольствій, не герой въ родѣ красавца Орлова, способнаго съ улыбкой на устахъ встрѣчать повернувшуюся къ нему спиной фортуну, не будучи въ состояніи направить ее по собственному желанію. Попавшій въ немилость Орловъ смѣялся и забавлялъ публику; Потемкинъ краснѣлъ и

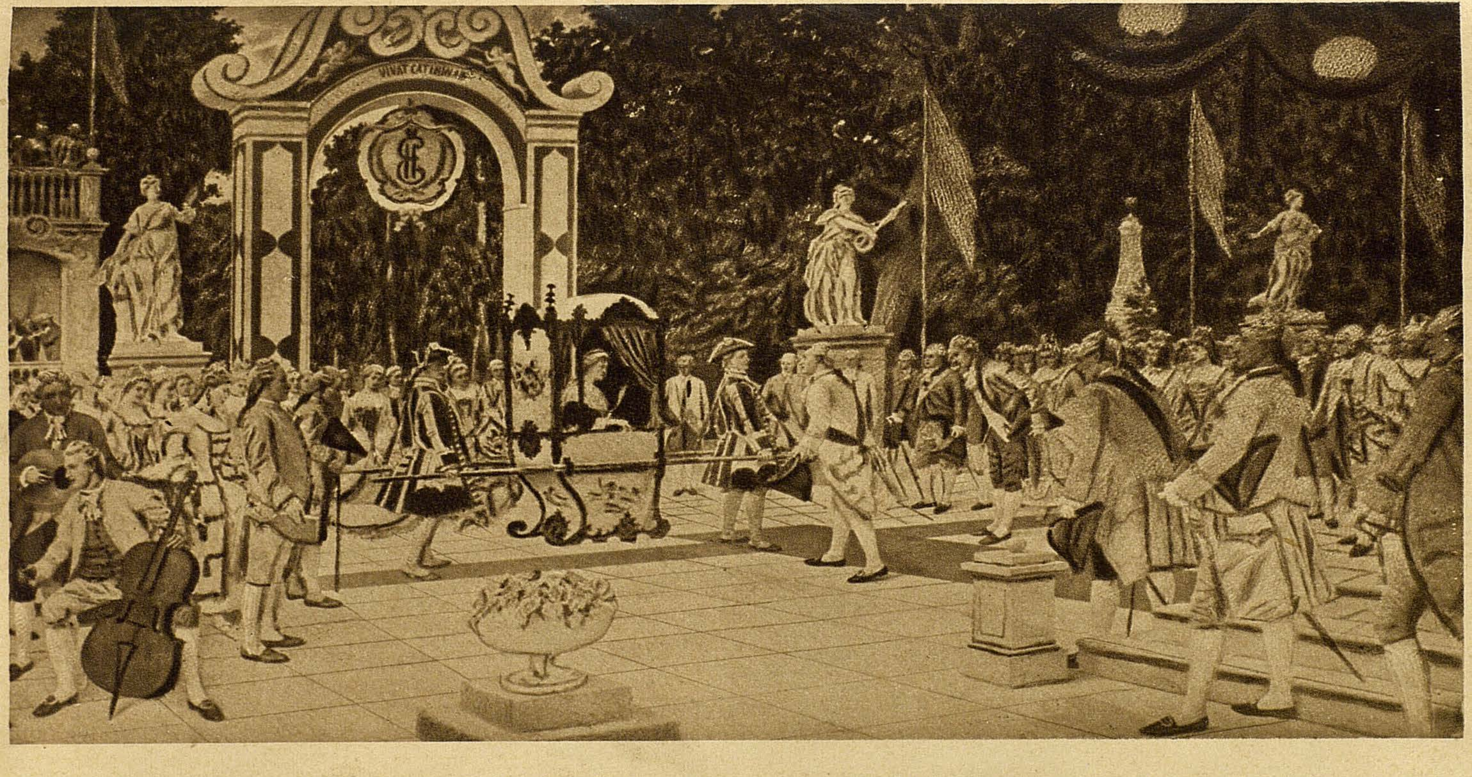
наводилъ ужасъ на всѣхъ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ на пріемахъ и въ рѣчахъ своихъ отстаиваетъ свое прежнее положеніе господина. Онъ покидаетъ уголъ дворца, куда, какъ воръ, въ его отсутствіе забрался самозванецъ; онъ не жалѣетъ объ этомъ и установитъ вѣчный трауръ по любви, которую унизили такой измѣной. Но, если вчерашній фаворитъ готовъ стушеваться передъ фаворитомъ настоящей минуты, то слуга императрицы, князь, министръ и генералъ не уступитъ своего положенія первому встрѣчному молодому человѣку безъ прошлаго и безъ заслугъ. Онъ скорѣе рѣшится вступить въ союзъ съ братьями Орловыми, чтобы общими силами бороться противъ нашествія новыхъ любовниковъ и даже защищать противъ капризовъ императрицы интересы болѣе высокопоставленныхъ лицъ. Развѣ не считаютъ пятерыхъ братьевъ Орловыхъ достаточно могущественными и страшными и готовыми вступиться за великаго князя Павла? Эта угроза не могла внушить серьезныхъ опасеній. Но какъ разъ въ это время началась романическая исторія съ женитьбой Григорія Орлова на его кузинѣ. Екатерина была крайне смущена предстоящимъ бракомъ: старый фаворитъ уходилъ отъ нея навсегда и она испытывала мучительное чувство одиночества. Новый фаворитъ слишкомъ безличенъ, чтобы дать ей ту опору, въ которой она нуждается, и Потемкинъ умѣетъ отгадать ея страданія и душевную тревогу. Онъ еще больше ее запугиваетъ, терроризируетъ своимъ гнѣвомъ и дерзостью, своимъ крикомъ разъяреннаго льва и своимъ видомъ человѣка, готоваго сокрушить все вокругъ себя, пока, наконецъ, она въ одинъ прекрасный день не подчинилась и не оперлась на его мощную руку. Рѣчь не шла уже больше о любви,—потому что онъ еще болѣе тактиченъ, чѣмъ смѣлъ; онъ понялъ, что роль, въ которой онъ могъ быть замѣненъ Завадовскимъ, не должна была больше исполняться имъ; не слѣдуетъ больше довѣрять сердцу и темпераменту женщины, непомѣрную требовательность и крайнее непостоянство которой онъ испыталъ на себѣ; онъ предпочитаетъ вернуть себѣ свою свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить за собой свою власть. Онъ не вернется на то мѣсто, гдѣ обитаетъ уже другой, но онъ не позволитъ, чтобы этотъ другой тамъ оставался. Онъ не будетъ больше любовникомъ, но онъ сдѣлается съ этихъ поръ единственнымъ распорядителемъ ея удовольствій, организаторомъ эфемерныхъ любовныхъ связей, покровителемъ ея любовниковъ, которые должны быть

подчинены его власти, его престижу. И его воля, дѣйствительно, осуществляется. Завадовскій исчезаетъ, появляется другой такой же ничтожный красавецъ, затѣмъ третій, Корсаковъ послѣ Зорича, Ланской послѣ Корсакова,—всѣ, выбранныя по его указанію, блестящія, мимолетныя креатуры, люди безъ завтрашняго дня, они попадаютъ одинъ за другимъ въ золотую клѣтку, рядомъ съ альковомъ императрицы. Они появляются по его знаку и уходятъ по мановенію его руки, и честолюбивая мечта, взлелѣянная этимъ необычайнымъ авантюристомъ подъ мрачными сводами Троице-Сергіевскаго монастыря, осуществляется такимъ образомъ наполовину. Въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ будетъ отнынѣ постояннымъ сотрудникомъ, совѣтникомъ, котораго всегда слушаются, и господиномъ, которому иногда повинуются; онъ будетъ раздѣлять жизнь той, съ которой онъ хотѣлъ раздѣлить тронъ, и фактически будетъ царствовать рядомъ съ ней.

Потребовалась бы цѣлая книга, чтобы подробно разсказать содержаніе этой главы, этотъ самый необыкновенный и самый запутанный романъ Екатерины. Мы попытаемся, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ нарисовать портретъ человѣка, который выступалъ рядомъ съ ней.

IV.

Онъ не былъ красивъ со своимъ огромнымъ ростомъ, черными волосами и смуглымъ цвѣтомъ лица. У него была «странная, отталкивающая наружность», по словамъ его родственника Березина, котораго интервьюировалъ въ Берлинѣ авторъ извѣстныхъ мемуаровъ Тьебо. Онъ—одноглазый и косой, какъ мы уже знаемъ, и къ тому же съ кривыми ногами. Поэтому онъ и не старался оставить потомству свой портретъ. «Князя Потемкина», пишетъ Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму, «никогда нельзя было убѣдить дать нарисовать свой портретъ, и если все-таки удалось получить таковой, то вопреки его волѣ». Въ 1783 году онъ уступилъ, однако, увѣщаніямъ императрицы, и къ этому году относится его портретъ во весь ростъ, который можно видѣть въ маршальской залѣ Зимняго дворца, въ Петербургѣ: оффиціальный портретъ, никакой исторической цѣнности не имѣющій. Онъ не отличался изысканными манерами. Третій параграфъ устава «Эрмитажа», гласившій—просятъ быть веселымъ, но ничего не разрушать, не разбивать и не кусать,—былъ посвященъ спеціально ему. Онъ отличался



Встрѣча Потемкинымъ Екатерины II.

Картина находится въ Дубровицахъ.



какой-то шумной веселостью и также привычкой кусать свои ногти или запускать ихъ въ свои длинные волосы, которые часто бывали въ безпорядкѣ. Его часто можно было видѣть расхаживающимъ цѣлыми днями по своимъ апартаментамъ въ неглиже, непричесаннымъ, грязнымъ и пожирающимъ свои пальцы. Онъ много ѣлъ и пилъ, равнодушно, безъ видимаго предпочтенія, поглощая какъ самые тонкіе, такъ и менѣе деликатные напитки и блюда, имѣлъ всегда подъ рукой и даже на ночномъ столикѣ запасъ пирожковъ, приготовленныхъ въ національномъ вкусѣ, и выпивалъ пѣлыя дюжины бутылокъ квасу. Въ дорогѣ онъ питается чеснокомъ и черныдмъ хлѣбомъ, но въ Петербургѣ, Кіевѣ или въ Яссахъ на его столѣ можно увидѣть самыя изысканныя деликатесы всѣхъ странъ: устрицы и стерляди, маслины изъ Прованса и арбузы изъ Астрахани. За исключеніемъ пріемовъ при дворѣ его обычный костюмъ составляетъ огромный халатъ, въ которомъ онъ принимаетъ даже дамъ и во время своихъ поѣздокъ по провинціи даетъ аудіенціи и присутствуетъ на офиціальныхъ обѣдахъ. Подъ этой одеждой онъ не носитъ ни брюкъ, ни кальсонъ. Когда графъ Сегюръ посѣтилъ его во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ принималъ его въ постели, растянувшись во весь свой ростъ, министра наихристіаннѣйшаго короля, и французскій дипломатъ раздѣлилъ ту же участь. Впрочемъ, и Іосифу II фаворитъ удѣлилъ почти не больше вниманія. Вотъ какъ разсказываетъ Ланжеронъ о своей встрѣчѣ съ этимъ всемогущимъ человѣкомъ, къ которому онъ привезъ рекомендательное письмо отъ императрицы. Свиданіе произошло въ Бендерахъ въ 1790 г.

«Князь Потемкинъ собрался въ Крымъ, гдѣ онъ хотѣлъ осматривать флотъ; лошади стояли въ упряжи, эскортъ былъ наготовѣ, но мнѣ сказали, что изъ этого еще нельзя было заключить, что онъ, дѣйствительно, поѣдетъ, что иногда лошади по шести мѣсяцевъ простаивали запряженными въ коляску, а онъ все не могъ рѣшиться покинуть дворецъ, въ который онъ случайно попалъ. Онъ жилъ въ древнемъ замкѣ паши. Въ очень большомъ дворѣ я увидѣлъ шестьсотъ офицеровъ, курьеровъ, вѣстовыхъ, а въ небольшой передней я нашелъ князей Репнина, Вюртембергскаго и Долгорукаго, генераловъ, полковниковъ и др., которые ожидали выхода князя, чтобы представиться ему, и не смѣли приблизиться къ двери его комнаты. Де-Дама провелъ меня къ нему. Я увидѣлъ передъ собой человѣка огром-

наго роста, съ всклокоченными волосами, завернутаго въ огромный халатъ, съ мрачнымъ и задумчивымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и подписывалъ какія-то бумаги. Онъ взялъ поданное мною письмо императрицы съ лучшими рекомендаціями обо мнѣ, едва просмотрѣлъ его и, не глядя на меня, сказалъ: «Хорошо, я вамъ совѣтую пока остаться у г. де-Дама́». Такое обращеніе меня поразило, но де-Дама́ еще болѣе поразилъ меня, сказавъ, что князь меня очень хорошо принялъ. Впослѣдствіи я склоненъ былъ думать, что онъ былъ правъ».

Онъ безъ счета соритъ деньгами и невѣроятно злоупотребляетъ властью для увеличенія своихъ доходовъ. Такъ, напр., онъ построилъ стеклянный заводъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій и рѣшилъ немедленно же воспретить указомъ ввозъ иностраннаго стекла въ Россію, что, по словамъ его приближеннаго Гарновскаго, «можетъ принести больше дохода, чѣмъ пятьдесятъ тысячъ крестьянъ». И, тѣмъ не менѣе, фаворитъ часто дѣлаетъ долги, которые онъ рѣдко платитъ. Однажды онъ встрѣтилъ за столомъ у императрицы одного изъ своихъ кредиторовъ, придворнаго часовщика Фази; этотъ итальянецъ былъ въ своемъ родѣ важной персоной и пріѣзжалъ во дворецъ починять часы ея величества въ каретѣ, запряженной четверкой лошадей. Фази воспользовался случаемъ, чтобы сунуть подъ тарелку фаворита записку, въ которой онъ настойчиво требовалъ своего долга. Князь подумалъ сначала, что это любовная записка, пришелъ въ ярость, прочитавъ ее, и показалъ ее императрицѣ. Та разсмѣялась по этому поводу, и вечеромъ весь долгъ—около четырнадцати тысячъ рублей—былъ отправленъ часовщику въ мѣдной монетѣ, которая заполнила двѣ комнаты въ его квартирѣ. Князь также крупно играетъ и по цѣлымъ ночамъ мечетъ банкъ, отдыхая только днемъ и въ неурочные часы. Начальникъ его канцеляріи, Поповъ, никогда не снимаетъ съ себя мундира, вынужденный дежурить съ утра до вечера и съ вечера до утра и всегда готовый къ услугамъ своего господина. Татаринъ по своему происхожденію, человѣкъ безъ всякихъ способностей и безъ всякаго образованія, этотъ чиновникъ обязанъ расположеніемъ фаворита исключительной выносливости своего организма. Впрочемъ, онъ и самъ любитъ играть, и часы досуга и ожиданія проводитъ за картами вмѣстѣ со своими друзьями, помогающими ему опоражнивать шапку, изъ которой онъ черпаетъ пригоршнями дукаты. У него есть, чѣмъ запол-

нить ее: кромѣ земель и денегъ, которыя ему щедро даритъ его господинъ, онъ завѣдуетъ специальными фондами, которыми располагаетъ князь, а это очень крупная статья въ бюджетѣ. Это *чрезвычайныя* суммы, которыя всегда находятся въ распоряженіи главнокомандующаго императорской арміи: восемь милліоновъ золотомъ и серебромъ; подати изъ губерній Екатеринославской и Таврической—около двухъ милліоновъ; наконецъ, двѣнадцать милліоновъ рублей, доставляемыхъ интендантствомъ для нуждъ арміи. Во время второй турецкой войны было ассигновано пятьдесятъ пять милліоновъ рублей для потемкинской арміи. Фаворитъ представилъ отчетъ, и притомъ самый поверхностный, только относительно сорока одного милліона. Остальными распорядился Поповъ по своему собственному усмотрѣнію.

Поповъ не умѣетъ писать ни на одномъ языкѣ. Впрочемъ, князь самъ гордится своимъ хлесткимъ перомъ, по крайней мѣрѣ, на русскомъ языкѣ. Для своей французской корреспонденціи онъ пользуется иногда услугами Массо, когда онъ имъ не пользуется для того, чтобы разсѣять свою скуку. Онъ очень любитъ шутовъ и шутки и много позволяетъ людямъ, которые заставляютъ его смѣяться. Массо, который не только исполняетъ обязанности хирурга, но играетъ также роль придворнаго юродиваго, иногда злоупотребляетъ этой чертой своего господина. Это французъ, который совершенно не любитъ Франціи. У него, повидимому, были какія-то недоразумѣнія съ правосудіемъ на родинѣ и онъ это помнитъ. Однажды, когда онъ далъ полную свободу своей злобѣ, графъ Сегюръ, игравшій въ шахматы съ Потемкинымъ, прервалъ его, замѣтивъ, что, послѣ того, какъ онъ такъ много говоритъ о своемъ старомъ отечествѣ, ему слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о своей новой родинѣ. Потемкинъ нахмурилъ брови, но Массо не смутился и, импровизируя грубую выходку на тему о честолюбіи и разорительныхъ предпріятіяхъ, въ которыя вовлекаютъ Россію, окончилъ словами: «А знаете, зачѣмъ хотятъ разориться, потерять столько крови и, можетъ быть, вооружить противъ себя всю Европу? Чтобы позабавить сидящаго здѣсь князя, который скучаетъ, и дать ему возможность нацѣпить на себя еще георгіевскую ленту въ придачу къ тѣмъ тридцати или сорока, которыми онъ уже изукрашенъ и которыхъ ему все мало!», Сегюръ разразился громкимъ смѣхомъ; свидѣтели этой сцены едва не задохлись, удерживаясь отъ хохота, а Потемкинъ опрокинулъ игральный

столикъ и бросилъ шахматной доской въ голову Массо, которому удалось во-время уйти отъ расправы. Но на слѣдующій день не было даже и рѣчи объ этомъ инцидентѣ.

Этотъ грубый и добродушный великанъ очень вспыльчивъ и легко прощаетъ нанесенныя ему обиды. Но добрый ли онъ въ дѣйствительности? Когда во время осады Очакова тотъ же Массо доложилъ ему о плачевномъ состояніи лазарета, у него хватило жестокости отвѣтить: «тѣмъ лучше, не будетъ больше раненыхъ». Съ другой стороны, сохранилось его собственноручное письмо, въ которомъ онъ приказываетъ одному изъ своихъ управляющихъ сломать всѣ висѣлицы, которыя будутъ найдены въ купленныхъ имъ у князя Любомірскаго помѣстьяхъ, и объявить жителямъ, что съ этихъ поръ они должны исполнять волю своего новаго господина «не за страхъ, а за совѣсть». Такъ же, какъ и Екатерину, его любитъ прислуга; такъ же, какъ и ей, ему рѣдко приходится бранить своихъ слугъ, еще менѣе бить ихъ, тогда какъ онъ часто поднималъ руку на людей съ положеніемъ, на видныхъ сановниковъ и генераловъ. Впрочемъ, послѣдніе были достаточно безобидны въ этомъ отношеніи. Въ кампанію 1790 года князь Григорій Волконскій имѣлъ несчастье вызвать гнѣвъ фаворита и получилъ отъ него нѣсколько пощечинъ. Одинъ русскій офицеръ, посланный въ Вѣну черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого инцидента, встрѣтилъ тамъ князя де-Линя и разсказалъ ему эту исторію. Де-Линь былъ возмущенъ. «Но», замѣтилъ офицеръ, «Волконскій жестоко отомстилъ за эту обиду».—«Какимъ образомъ?»—«Онъ цѣлую недѣлю не являлся къ князю».

Внѣ узкаго круга его слугъ и интимныхъ друзей и за предѣлами арміи, гдѣ офицера его проклинали и презирали, а солдаты обожали, онъ любовью не пользовался. Екатерина сама съ сожалѣніемъ констатировала этотъ фактъ. «Онъ смотритъ волкомъ», жаловалась она однажды Храповицкому. Въ февралѣ 1789 года она спросила своего лакея Зотова: «Любятъ ли въ городѣ князя?»—«Да, его любятъ двое: Господь Богъ и вы». Она закусила свои губы. Онъ проявляетъ много презрѣнія къ людямъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть униженными у своихъ ногъ, и совершенно равнодушенъ ко всему, что не касается его лично и не связано съ его удовольствіями, планами и честолюбивыми замыслами. Его честолюбіе не знаетъ предѣловъ, ничѣмъ не удовлетворяется и никогда не можетъ быть утолено. Кур-

ляндскій и польскій троны, стремленіе къ которымъ у него подозрѣвали и о которыхъ онъ, можетъ быть, иногда, дѣйствительно, думалъ, не могли его удовлетворить. Когда князь де-Линь предложилъ ему сдѣлаться господаремъ Молдавіи, онъ отвѣтилъ: «Мнѣ смѣшно объ этомъ слушать. Если бы я хотѣлъ, я могъ бы стать польскимъ королемъ; я отказался отъ курляндскаго герцогства; я выше всего этого!» Однажды, обѣдая со своимъ племянникомъ Энгельгардтомъ, онъ былъ веселъ, любезенъ, болталъ, шутилъ. Вдругъ онъ сталъ мрачнымъ и задумчивымъ. «Можно ли найти человѣка счастливѣе меня? «сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія. «Всѣ мои желанія, всѣ мои прихоти исполняются, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Я хотѣлъ получить высокіе служебные посты—и моя мечта осуществилась; я стремился къ чинамъ — они у меня всѣ теперь; я любилъ игру въ карты — и я могъ проигрывать несчетныя деньги; я любилъ празднества—и я могъ устраивать ихъ съ поразительнымъ блескомъ; я любилъ покупать земли—и у меня ихъ столько, сколько я хочу; я любилъ строить дома — я понастроилъ себѣ дворцовъ; я любилъ драгоцѣнности—и ни у одного честнаго человѣка не найдется столько красивыхъ и рѣдкихъ камней, какъ у меня. Однимъ словомъ, я осыпанъ»... Съ этими словами онъ схватилъ фаянсовую тарелку и разбилъ ее объ полъ, затѣмъ убѣжалъ въ свою спальню и заперъ ее на ключъ.

Какъ всѣ представители его темперамента, онъ вѣрилъ въ свою звѣзду. При первомъ извѣстіи о побѣдахъ, одержанныхъ надъ турками въ маѣ 1788 года, онъ обнялъ князя де-Линя и воскликнулъ. «Развѣ не ясно теперь, что я баловень судьбы!» Черезъ нѣсколько дней послѣ этого загорѣлось судно рядомъ съ тѣмъ, на борту котораго находился онъ. «Корабль, полковникъ, маіоръ и шестьдесятъ матросовъ взлетѣли на воздухъ на нашихъ глазахъ», разсказываетъ князь де-Линь, «и съ нами—со мной и княземъ — случилось бы то же самое, если бы Всевышній не проявилъ особенной милости къ нему и не хранилъ его денно и нощно отъ опасности, какъ онъ мнѣ тотчасъ же объявилъ, проникнутый религіознымъ чувствомъ и глубокой вѣрой въ свои слова».

Однако, онъ еще болѣе тщеславенъ на самомъ дѣлѣ, чѣмъ честолюбивъ. Онъ всегда окруженъ цѣлымъ роемъ придворныхъ, которые кадятъ ему фиміамъ и поютъ ему гимны въ русскихъ, греческихъ, латинскихъ и французскихъ стихахъ. Онъ распла-

чивается за это крохами изъ своего несмѣтнаго богатства, и этой покупной лести достаточно, чтобы создать ему иллюзію величія, въ которое одинъ только онъ искренно вѣритъ. Въ 1787 году Мегей де-ля-Тушъ удостоился его улыбки и получилъ отъ него нѣсколько дукатовъ за поэму, заканчивающуюся тонкимъ намекомъ на проектъ реставраціи греческой имперіи, этой мечты Екатерины, которую ея фаворитъ хотѣлъ провести въ жизнь:

...Conquérir par vos nobles travaux
L'ancien pays des hommes de génie,
Des législateurs, des héros,
C'est rentrer dans votre patrie [1]).

Когда онъ не бываетъ въ домашнемъ халатѣ съ голыми ногами, то онъ появляется въ платьѣ, шитомъ золотомъ, сверкая брилліантами и увѣшанный звѣздами. Онъ изобрѣтаетъ для себя причудливые костюмы, изумительную упряжь для своихъ лошадей и огромныя въ цѣлый этажъ величиной перья.

Онъ проявляетъ много энергіи, когда честолюбивые замыслы заставляютъ его сознательно преслѣдовать какую-нибудь цѣль, но эта активность слишкомъ часто прерывается приступами самой безпечной лѣни. Это олицетвореніе непостоянства: «Въ теченіе одного часа», заявляетъ одинъ свидѣтель, «его можно было видѣть веселымъ, печальнымъ, игривымъ, задумчивымъ, нѣжнымъ, съ громкими ругательствами на устахъ, любезнымъ и добродушнымъ, грубымъ и отталкивающимъ, отдающимъ приказанія и тутъ же ихъ отмѣняющимъ». Часто и легко предаваясь лѣни, онъ охотно заставляетъ работать своихъ подчиненныхъ. Во время второй турецкой войны, когда Суворовъ штурмовалъ Измаилъ, онъ каждое утро, по свидѣтельству Ланжерона, «занимался чисткой своихъ драгоцѣнностей и посылалъ букеты цвѣтовъ и подарки предмету своей страсти и другимъ своимъ придворнымъ дамамъ». Пять или шесть завтраковъ изъ кофе, холодной дичи, шоколада и ветчины заполняли время до обѣда, которымъ заканчивался его день.

Трудно сказать что-нибудь о его храбрости. Рядомъ со скандальной трусостью онъ проявляетъ полное презрѣніе къ опасности, послѣ крайней нерѣшительности и малодушія онъ готовъ на самыя безумныя рѣшенія. Однажды онъ запрятался въ по-

---

[1]) Въ возрожденный вашими благородными усиліями странѣ геніевъ, законодателей и героевъ, вы найдете свое отечество.

гребъ отъ грохота пушечныхъ выстрѣловъ, а на слѣдующій день отправился на траншеи и оставался тамъ въ теченіе цѣлаго часа, заставляя людей умирать на его глазахъ и разговаривая о посторонниxъ вещахъ, когда пули свистѣли мимо ушей. Когда князь де-Линь предложилъ ему ночную атаку на Очаковъ, чтобы захватить покинутую непріятелемъ траншею, онъ былъ готовъ расплакаться: ему страшно терять солдатъ. Нѣсколько недѣль спустя, онъ жертвуетъ двадцатью тысячами людей во время отчаяннаго штурма.

Основныя черты его характера и его темперамента съ наибольшей ясностью и постоянствомъ проявляются въ его сарданапаловскихъ вкусахъ и привычкахъ. Отправляясь въ походъ для осады Очакова въ 1788 году, онъ посылаетъ изъ Петербурга два обоза: одинъ черезъ Москву, другой на Могилевъ, съ двумя комплектами серебряной посуды и кухонныхъ принадлежностей, со всевозможной провизіей, чтобы быть увѣреннымъ, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ будетъ находиться въ его распоряженіи. Въ 1791 году у него на главной квартирѣ, въ Бендерахъ, было огромное хозяйство съ пятью или шестьюстами слугъ, двумястами музыкантовъ, кордебалетомъ, комической труппой, сотней золотошвеекъ и двадцатью ювелирами. Онъ былъ страстнымъ любителемъ музыки и едва не пригласилъ къ себѣ въ это время дирижировать его оркестромъ «выдающагося піаниста и одного изъ лучшихъ композиторовъ Германіи», котораго рекомендовалъ ему Андрей Разумовскій изъ Вѣны и который расположенъ былъ, повидимому, покинуть родину, гдѣ онъ былъ недоволенъ своей судьбой. Это былъ Моцартъ. Смерть музыканта, къ несчастію, прервала начавшіеся переговоры. Его замѣняетъ Сарти, у котораго больше воображенія, чѣмъ геніальности, и который старается разсѣять мрачныя настроенія своего господина своими фантазіями, болѣе оригинальными, чѣмъ гармоничными. Онъ не изобрѣтаетъ, а доводитъ до необычайнаго совершенства родъ оркестра, который былъ въ большой модѣ въ Россіи съ начала вѣка. «Это», объясняетъ Ланжеронъ, «разной величины прямыя трубы въ зависимости отъ того звука, который изъ нихъ хотятъ извлечь; каждая труба издаетъ только одинъ тонъ, и у музыкантовъ вмѣсто нотъ бумага съ цифрами, указывающими, съ какой силой имъ нужно дуть»... Этимъ страннымъ исполнителямъ, повидимому, удавалось сыграть цѣлыя симфоніи, и «самые тонкіе нюансы и самыя легкія звуковыя

дѣленія передавались съ такой правильностью, точностью и настроеніемъ, которыя могутъ быть только достигнуты на лучшихъ скрипкахъ». Извѣстно изобрѣтеніе органнаго пункта, провѣреннаго на сотнѣ пушекъ, исполнившихъ «Тебя, Бога, хвалимъ», которое было написано Сарти на взятіе Очакова. Такимъ образомъ, исполнилась черезъ нѣсколько лѣтъ мечта Криспена изъ «Меломаніи» Гренье и Шампена, представленной въ національной Opéra-Comique 21 января 1781 года. Однажды, когда, маэстро отдыхалъ отъ своихъ трудовъ въ области остроумныхъ изобрѣтеній, князь заявилъ о своемъ желаніи посмотрѣть цыганскіе танцы. Ему разсказываютъ о двухъ молодыхъ людяхъ, которые служили унтеръ-офицерами въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ и очень хорошо танцовали по-цыгански. Но ему докладываютъ, что они теперь получили повышеніе и служатъ капитанами въ кавказскомъ полку въ трехстахъ миляхъ отъ главной квартиры. Онъ отправляетъ за ними курьера, и черезъ недѣлю были привезены оба офицера и каждый день плясали передъ нимъ, одинъ крестьяниномъ, другой крестьянкой. Насладившись этимъ дивертисментомъ, онъ отправляетъ танцоровъ въ ихъ полкъ, возведя ихъ въ чинъ маіоровъ. Вернувшись послѣ дипломатической миссіи, задержавшей его на нѣсколько недѣль за границей, Ланжеронъ застаетъ чисто феерическую перемѣну въ главной квартирѣ въ Бендерахъ.

«Въ мое отсутствіе», сообщаетъ онъ, «князь устроилъ въ одной изъ залъ занимаемаго имъ дома палатку, гдѣ были собраны сокровища двухъ міровъ, чтобы очаровать красавицу, которую онъ хотѣлъ подчинить своей власти. Все тамъ сверкало золотомъ и серебромъ. На диванѣ, покрытомъ розовой матеріей изъ тканаго серебра съ бахромой и украшенномъ цвѣтами и бантами, сидѣлъ князь въ самомъ изысканномъ домашнемъ костюмѣ рядомъ съ предметомъ своихъ вожделѣній, а вокругъ нихъ въ костюмахъ, не скрывавшихъ красоты тѣла, расположились пять или шесть дамъ, передъ которыми дымились благовонныя масла въ золотыхъ чашечкахъ. Посрединѣ комнаты былъ сервированъ столъ, уставленный фаянсовой посудой».

Этой красавицей, которой удѣлялось такъ много вниманія, была княгиня Долгорукая, жена одного изъ служившихъ подъ начальствомъ князя генераловъ. Ее звали Екатериной, какъ и императрицу, и въ день ея именинъ она сидѣла рядомъ съ хозяиномъ за офиціальнымъ обѣдомъ, который былъ данъ въ

честь государыни. За десертомъ разносили хрустальные кубки, наполненные брилліантами, и дамы приглашались брать изъ нихъ. Когда княгина выразила свое удивленіе по этому поводу, князь шепнулъ ей на ухо: «вѣдь я же праздную ваши именины!» По отношенію къ другому предмету своей страсти, крайне непостоянной и капризной женщинѣ, пресловутой мадамъ де-Виттъ, впослѣдствіи графинѣ Потоцкой, «прекрасной фанаріоткѣ», которая, на вопросъ о ея здоровьѣ, отвѣтила: «у меня болятъ мои красивые глаза», онъ проявлялъ еще больше утонченной галантности и расточительности. Чтобы преподнести ей дорогую шаль, онъ устроилъ празднество, на которое были приглашены двѣсти дамъ. Всѣмъ было предложено тянуть лотерейные билеты, которые всѣ были съ выигрышами, состоявшими изъ кашемировыхъ шалей одинаковой цѣнности.

Эти многочисленные балы и ужины въ пылу турецкой кампаніи, когда его подчиненные Долгорукіе и Суворовы стояли лицомъ къ лицу передъ непріятелемъ, устраивались иногда въ подземныхъ залахъ, спеціально созданныхъ для этой цѣли трудомъ двухъ гренадерскихъ полковъ, отнятыхъ у ихъ генераловъ во время сраженій съ врагомъ. Иногда фавориту нравилось переносить главную квартиру своихъ удовольствій и любовныхъ похожденій къ одной изъ богинь, за которыми онъ поочередно ухаживалъ. Добродѣтельная графиня Головина, урожденная княгиня Голицына, которая жила одна въ этомъ краѣ въ виду того, что мужъ ея находился на театрѣ военныхъ дѣйствій, также должна была уступить его прихотямъ въ этомъ отношеніи. «Сюда,—разсказываетъ очевидецъ,—гдѣ онъ, всецѣло предавшись своимъ любовнымъ похожденіямъ, чувствовалъ себя настоящимъ султаномъ среди своего гарема, имѣли доступъ только титулованные льстецы... Апартаменты состояли изъ двухъ половинъ: на одной мужчины сидѣли за карточными столами, а на другой князь на диванѣ съ дамами... но онъ поворачивался спиной ко всѣмъ, кромѣ княгини Долгорукой, которая сидѣла очень близко къ стѣнѣ».—И онъ часто забывалъ о присутствіи другихъ красавицъ, къ которымъ онъ въ данный моментъ былъ равнодушенъ.

V.

При такомъ физическомъ и моральномъ обликѣ человѣкъ можетъ производить впечатлѣніе только необыкновеннаго жуира. О его умственныхъ способностяхъ также очень трудно сказать

что-нибудь опредѣленное. Это не политическій умъ. Полное отсутствіе системы въ его поступкахъ и послѣдовательности въ мысляхъ не даетъ возможности причислить его къ общественнымъ дѣятелямъ. Онъ не обращаетъ никакого вниманія на время. Екатерина однажды съ отчаяніемъ замѣтила, что онъ никогда не отмѣчаетъ числа, когда онъ посылаетъ свои письма. Мысль у него работаетъ скачками, дѣятельность свою онъ проявляетъ подъ вліяніемъ прихоти. Въ 1787 году, тотъ самый моментъ, когда подготовляется ужасный кризисъ второй турецкой войны и ведутся щекотливые переговоры съ Портой, онъ находится въ Крыму, крайне мало освѣдомленъ о предпринимаемыхъ дипломатіей шагахъ и никакихъ стараній не прилагаетъ, чтобы войти въ курсъ дѣла. Къ нему является туда какой-то авантюристъ изъ Грузіи, разсказываетъ ему о положеніи дѣлъ и пытается доказать, что Турція не исполняетъ принятыхъ ею на себя въ предыдущемъ году обязательствъ. Не давъ себѣ труда провѣрить полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія, ни минуты не задумываясь надъ всѣмъ этимъ, не списавшись съ государыней и министрами и даже не предупредивши ихъ о своемъ рѣшеніи, онъ немедленно же отправляетъ русскому послу въ Константинополѣ, Булгакову, приказъ предъявить Портѣ ультиматумъ, на цѣлыхъ два мѣсяца поднимаетъ шумъ во всей Европѣ, пока, наконецъ, эти свѣдѣнія не оказались ложными и эта исторія окончательно не улеглась.

Англійскій посланникъ Робертъ Геннингъ смотритъ на ученика Екатерины, какъ на человѣка, къ которому нельзя относиться серьезно. Желая воспользоваться его услугами, чтобы сломить упорство императрицы въ вопросѣ о русско-австрійскомъ соглашеніи, Іосифъ II въ 1780 году отдѣляется отъ царскаго кортежа въ Могилевѣ и спѣшитъ на свиданіе съ фаворитомъ въ Москву, но испытываетъ глубокое разочарованіе. «Помимо своихъ талантовъ царедворца», пишетъ онъ своей матери по его поводу, «онъ годится только на то, чтобы помѣшать чему-нибудь, но его никогда нельзя заставить сдѣлать что-нибудь, въ чемъ требуется проявить принципы, систему, послѣдовательность, вниманіе, которыхъ у него нѣтъ». Пять лѣтъ спустя, графъ Сегюръ приходитъ къ такому же заключенію. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ онъ былъ приглашенъ къ князю, чтобы познакомить его съ запиской по поводу проекта учрежденія какого-то торговаго предпріятія въ Херсонѣ. Онъ пришелъ въ

назначенный часъ и сталъ читать документъ, переполненный мелкими подробностями и цифрами, но въ это время стали входить поочередно въ комнату попъ, золотошвей, секретарь и галантерейная торговка и получали соотвѣтствующія распоряженія. Онъ быстро закончилъ чтеніе и, когда Потемкинъ попросилъ его изложить ему содержаніе документа, положилъ записку въ карманъ, заявивъ, что онъ не понимаетъ такого отношенія къ дѣламъ и что впередъ предпочтетъ обращаться къ президенту коммерцъ-коллегіи Воронцову. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ удивленъ еще болѣе, получивъ изъ Херсона письмо съ благодарностью отъ директора проектированнаго предпріятія. Оказалось, что Потемкинъ въ точности запомнилъ всѣ статьи записки, которой онъ, какъ-будто, даже и не слышалъ, удовлетворилъ большую часть просьбъ и отдалъ нужныя приказанія по этому поводу.

Что же это, наконецъ, за человѣкъ, который способенъ на такія неожиданности? «Геній, геній и геній!» отвѣчаетъ князь де-Линь. Но князь де-Линь энтузіастъ. У фаворита есть, несомнѣнно, способность быстро оріентироваться въ положеніи. Въ 1790 году онъ толкаетъ Екатерину на рѣшительные шаги, совѣтуя отдать Молдавію Польшѣ, чтобы вооружить республику противъ Порты. Когда она проявила колебаніе, ссылаясь на мнѣніе Европы, онъ возразилъ: «Прежде всего я не знаю Европы: Франція потеряла голову, Австрія боится, а другіе—наши враги... Я вамъ говорю, что наступилъ моментъ дѣйствовать рѣшительно» [1]).

Его умъ такой же, какъ и его тѣло, угловатый, некультурный, одноглазый и косой, но исключительный по своимъ размѣрамъ и силѣ. У него легкая сообразительность, быстрая и твердая память. Онъ почти никогда не читаетъ, но запоминаетъ все, что слышитъ, и умѣетъ опредѣленно ставить вопросы. Онъ поэтому знакомъ со многими предметами, хотя никогда ихъ не изучалъ. Его знанія напоминаютъ ящикъ, въ которомъ вещи въ безпорядкѣ, или энциклопедію съ перемѣшанными страницами. Онъ беретъ оттуда, что попадется подъ руку. Онъ переплетаетъ политическій споръ съ разсужденіемъ о борьбѣ между греческой и латинской церковью и задерживаетъ графа Сегюра до пяти часовъ утра, чтобы объяснить ему тайныя причины Никейскаго собора.

---

[1]) Русск. Арх., 1865 г., стр. 751.

Во внѣшней политикѣ онъ, кромѣ того, престидижитаторъ. Если есть какой-нибудь опредѣленный планъ или какая-нибудь великая идея въ программѣ, которой придерживается Россія въ эту эпоху, то этотъ планъ и эта идея принадлежатъ не ему, а Екатеринѣ, или, это вѣрнѣе, историческіе завѣты, которые она нашла, обновила и смѣло и счастливо проводила въ жизнь. Не онъ указалъ родинѣ путь въ Константинополь. Но для того, чтобы итти къ этой цѣли, онъ съ удивительнымъ искусствомъ жонглируетъ интересами и соперничествомъ европейскихъ державъ. При полномъ отсутствіи европейской школы, при извѣстной односторонности, связанной съ азіатской хитростью и дѣтскими кознями, онъ тѣмъ не менѣе былъ дипломатомъ перваго ранга. Въ 1785 году онъ проявляетъ большую заботливость, чтобы успокоить опасенія французскаго кабинета, и тотчасъ находитъ для этого много убѣдительныхъ аргументовъ, поражающихъ своей искренностью: «Онъ прекрасно знаетъ, что ему приписываютъ проектъ уничтоженія оттоманской имперіи и возведенія на греческій престолъ молодого Константина. Но тѣ, которые его ближе знаютъ, должны были бы понимать, что онъ способенъ оцѣнить по достоинству такую химеру. Если бы, впрочемъ, въ Россіи когда-нибудь и подумали о такомъ серьезномъ революціонномъ шагѣ, то не были бы настолько безразсудны, чтобы не посовѣтоваться съ Франціей. Прежде всего постарались бы войти въ соглашеніе съ ней. Но ни о чемъ подобномъ не думаютъ. Хотятъ только мира, и онъ самъ признаетъ, что это болѣе всего необходимо для Россіи. У него нѣтъ никакихъ другихъ плановъ, надеждъ или желаній!» Это ему не мѣшаетъ вести въ то же время тонкую политику съ Англіей, чтобы добиться отъ нея хотя бы молчаливаго согласія на эти самыя химерическія затѣи. Онъ постоянно держитъ въ мучительной неизвѣстности британскихъ посланниковъ, имѣющихъ съ формальной стороны одинаковыя основанія какъ довѣрять ему, такъ и приходить въ отчаяніе отъ его отношеній. Въ апрѣлѣ 1782 года Гаррисъ съ полной увѣренностью заявляетъ, что князь больше не другъ Англіи. Былъ ли онъ только имъ когда-нибудь? Три мѣсяца спустя, когда фаворитъ долженъ былъ находиться на другомъ концѣ государства, озадаченный дипломатомъ получаетъ отъ него въ одно прекрасное утро записку со слѣдующими строками, написанными карандашомъ: «Да здравствуетъ Англія и Родней! Отгадайте, кто вамъ пишетъ, дорогой Гаррисъ, и не-

медленно приходите ко мнѣ». Родней какъ-разъ тогда уничтожилъ флотъ адмирала де-Грасса у береговъ Индіи, а Потемкинъ только что вернулся изъ южныхъ провинцій, сдѣлавъ 3500 верстъ въ шестнадцать дней; при этомъ онъ только три ночи спалъ за все время, вездѣ на пути осматривалъ войска, принималъ депутаціи, ревизовалъ дѣла, не говоря уже о томъ, что останавливался во всѣхъ церквахъ, мимо которыхъ онъ никогда не могъ проѣхать, чтобы не помолиться въ нихъ. Придя къ нему, Гаррисъ засталъ его еще въ дорожномъ костюмѣ, покрытомъ пылью, но свѣжимъ и бодрымъ безъ малѣйшей физической или душевной усталости. Князь тотчасъ же овладѣлъ своимъ собесѣдникомъ, но послѣ разговора, который продолжался нѣсколько часовъ, англійскій дипломатъ очень мало зналъ о его истинныхъ настроеніяхъ и долженъ былъ сознаться, что наиболѣе утомленнымъ изъ нихъ оказался, конечно, онъ.

Во внутренней политикѣ въ роли администратора онъ очаровательный декораторъ, подтверждая уже въ то время мнѣніе, недавно высказанное французскимъ писателемъ по поводу современнаго блеска великой имперіи, что «Россія находится въ царствѣ призраковъ». Въ 1787 году, сопровождая императрицу въ Инкерманъ, гдѣ передъ ея пріѣздомъ былъ выстроенъ для нея дворецъ, онъ устраиваетъ пріемъ такимъ образомъ, что она не можетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ опредѣлить своего мѣстопребыванія. Послѣ торжественнаго обѣда поднялся занавѣсъ, составлявшій одну изъ стѣнъ зала, и передъ восхищенными взорами государыни и гостей открылся видъ на севастопольскую бухту, гдѣ такая же импровизированная эскадра салютовала своей артиллеріей. Дворецъ былъ построенъ изъ песчаника и вскорѣ развалился, эскадра была построена изъ сырого лѣса и сгнила еще раньше, но произведенный эффектъ былъ чрезвычайный.

Каковы были его военные таланты? То, что мы уже знаемъ о его образѣ жизни въ главной квартирѣ въ Бендерахъ, можно считать достаточнымъ матеріаломъ для рѣшенія этого вопроса.

М. Масловскій, издавшій часть его военной корреспонденціи, замѣчаетъ, что онъ первый русскій генералъ, управлявшій операціями, комбинированными на нѣсколькихъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Честь большая, но на ея основаніи еще ничего нельзя сказать о талантахъ военачальника. Во время пребыванія

генералиссимуса въ Петербургѣ въ 1791 году императрица спросила у извѣстнаго уже намъ начальника его канцеляріи Попова: «Правда ли, что у васъ набрался цѣлый эскадронъ курьеровъ отъ князя Репнина?» — «Да, человѣкъ десять будетъ». — «Почему же вы ихъ не отправляете обратно?» — «У меня нѣтъ приказа». Князь Репнинъ въ это время командовалъ на одномъ изъ театровъ военныхъ дѣйствій армейскимъ корпусомъ, операціи котораго числились въ вѣдѣніи Потемкина. Даже самые горячіе поклонники были разочарованы ролью фаворита въ первой кампаніи, которой онъ руководилъ благодаря довѣрію Екатерины. «Моя дружба съ княземъ Потемкинымъ», пишетъ къ этому времени графъ Сегюръ, «служитъ для меня лишнимъ мотивомъ, чтобъ съ большимъ сожалѣніемъ встрѣчать всякое извѣстіе, которое умаляетъ его славу. Но послѣ всего того, что я слышалъ отъ князя де-Линя, принца Нассаускаго и другихъ офицеровъ, не остается никакихъ сомнѣній, что въ медлительности этой кампаніи повиненъ только онъ одинъ. Онъ геніаленъ въ своемъ кабинетѣ, но на театрѣ войны это слабый и нерѣшительный человѣкъ». Критическіе отзывы его подчиненныхъ, какъ, напр., мужа красивой княгини, за которой фаворитъ такъ беззастѣнчиво ухаживалъ, могли бы вызвать сомнѣніе, если бы ихъ не подтвердилъ такой безпристрастный и проницательный наблюдатель, какъ Ланжеронъ. Князь потерялъ двадцать тысячъ солдатъ и столько же лошадей подъ Очаковымъ только потому, что опоздалъ со своимъ штурмомъ: онъ въ это время развлекался. Маіоръ Ландорфъ былъ имъ отправленъ во Флоренцію за духами, а подполковникъ Бауэръ — въ Парижъ за драгоцѣнностями для госпожи Потемкиной, племянницы занимавшей въ данный моментъ постъ любимой султанши. Въ насмѣшку надъ упомянутымъ Бауэромъ, который проводилъ свою жизнь въ побѣгушкахъ по такого рода порученіямъ, была составлена эпитафія:

Ci-gît Bauer sous ce rocher:
Fouette, cocher! [1]).

Главную квартиру начальника арміи называли «княжескимъ дворомъ», и это, дѣйствительно, скорѣе дворъ, чѣмъ военный штабъ, rendez-vous не столько для военной Европы, сколько для элегантной. Двѣсти прекрасныхъ дамъ, которыхъ князю удает-

[1]) Подъ симъ камнемъ покоится Бауеръ: погоняй, кучеръ!

ся собрать на своихъ празднествахъ, встрѣчаютъ здѣсь такое же число блестящихъ кавалеровъ: принцъ Нассау-Зигенъ и графъ де-Дама́, дворяне изъ Пьемонта, какъ Жерманіанъ, португальцы, какъ де-Фрейра и де-Пампелюне, испанцы, австрійцы, за которыми тянется еще цѣлый хвостъ азіатскихъ представителей: «Легіонъ киргизовъ, турокъ, черкесовъ, татаръ, низложенный султанъ, въ теченіе трехъ лѣтъ находящій себѣ убѣжище въ передней князя, другой султанъ, произведенный въ казацкіе эсаулы, паша—вѣроотступникъ, македонскій инженеръ, персидскіе послы...»

Вся эта публика уничтожала большую часть средствъ, которыя предназначались для арміи. Интендантская часть, впрочемъ, обыкновенно поручалась мужу или протеже фаворитки текущаго момента. Въ результатѣ происходило то, что можно было предвидѣть: мужья фаворитокъ жирѣли, а армія умирала съ голоду.

Генералиссимусъ почти никогда не садится верхомъ на лошадь. Онъ выѣзжаетъ только въ каретѣ. Только одинъ разъ онъ появляется на траншеяхъ, гдѣ на его глазахъ умираетъ генералъ Селетниковъ, который остался придворнымъ льстецомъ до своего послѣдняго издыханія и, умирая, заявляетъ, что не сожалѣетъ о своей участи, и проситъ самого князя не подвергать себя опасности. Князь и не подумалъ тогда послушаться этого совѣта. Но обыкновенно пушечная пальба его такъ сильно безпокоитъ, что онъ послѣ перваго же выстрѣла отправляетъ посланца къ начальнику артиллеріи, генералу Пистору, спросить, почему стрѣляютъ. «Скажите князю,—отвѣтилъ однажды выведенный изъ терпѣнія генералъ,—что стрѣляютъ потому, что русскіе и турки воюютъ между собой».

Но, можетъ быть, самое неблагопріятное свидѣтельство о его военныхъ способностяхъ мы находимъ въ его собственной персонѣ. Онъ почти смѣшонъ въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ въ началѣ кампаніи, когда онъ готовъ жаловаться на то, что ему подмѣнили его турокъ: при первомъ же нападеніи на нихъ, они, въ свою очередь, выдвигаютъ свои пушки; они научились не разставаться со своей артиллеріей; самъ дьяволъ былъ ихъ учителемъ». Онъ хочетъ, конечно, сказать *Франція*, которую подозрѣвали въ снабженіи Порты офицерами-инструкторами. Приказы, которые онъ разсылаетъ своимъ генераламъ, бываютъ иногда переполнены мелкими деталями, но всегда въ нихъ проглядываетъ что-то дѣтское и театральное въ то же время. Не-

измѣнно получается впечатлѣніе, какъ-будто генералиссимусъ играетъ въ солдаты и гоняется за эффектами. Онъ часто говоритъ языкомъ, который ставили въ упрекъ французскому генералу въ несчастную войну съ Германіей. По каждому поводу у него всегда идетъ рѣчь о томъ, что *побѣдить или умереть.* Нужно замѣтить, что при всемъ своемъ гигантскомъ ростѣ онъ никогда не получилъ ни одной царапины и, если онъ, дѣйствительно, умеръ отъ трудовъ, какъ недавно утверждалъ его угодливый біографъ, то подъ этими трудами нужно разумѣть его удовольствія и всякаго рода излишества; во всякомъ случаѣ, непріятельскія пули тутъ никакой роли не играли. Въ области тактики и стратегіи онъ былъ нулемъ. У него нѣтъ и слѣда общихъ идей этого порядка, за исключеніемъ развѣ одной, очень характерной для него: на войнѣ, какъ и вездѣ, онъ вѣритъ во всемогущество золота. Въ октябрѣ 1787 года онъ пишетъ генералу Суворову, поздравляя его съ блестящей защитой Кинбурна: «Передайте всѣмъ, что я вознагражу каждаго по его заслугамъ: солдатамъ, которые принимали участіе въ сраженіи, я пришлю по пяти рублей на человѣка... И я васъ прошу», прибавляетъ онъ, «не щадить тѣхъ, которые оказались недостойными награды».

Къ его заслугамъ, какъ главнокомандующаго арміей, нужно причислить то, что онъ открылъ и вдохновилъ Суворова. Это побѣда его проницательности и общепризнаннаго высокаго ума, который позволяетъ ему встать выше соперничества и мелкой зависти. Возмущенный безуспѣшными атаками генерала Гудовича противъ Измаила, онъ отправляетъ въ декабрѣ 1790 года несчастному генералу слѣдующую записку:

«Такъ какъ вы въ Киліи видѣли турокъ только тогда, когда они оттуда ушли, то я вамъ посылаю генерала Суворова, который васъ научитъ разсматривать ихъ вблизи, чтобы вы могли получить понятіе объ ихъ внѣшнемъ видѣ».

Въ то же время онъ новому командующему осаждающей арміи даетъ слѣдующую инструкцію:

«Возьмите Измаилъ во что бы то ни стало».

И черезъ нѣсколько дней Измаилъ былъ взятъ.

Человѣкъ, который отдаетъ такія приказанія и вообще очень рѣдко щадитъ жизнь и трудъ своихъ солдатъ, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже отмѣчали раньше, любимъ ими. Это объясняется отчасти, безъ сомнѣнья, тѣмъ, что онъ довольно легкомысленно



Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Работы де-Велли. Находящагося въ Академіи художествъ.

относится къ дисциплинѣ, какъ это и естественно для его натуры; онъ всегда допускаетъ въ средѣ своихъ окружающихъ и въ самой арміи ту небрежность, которая неизмѣнно проявляется въ его собственной жизни. Но это не единственная причина. Онъ умѣетъ добиваться популярности, онъ знаетъ тайну магическихъ словъ, которыя переходятъ изъ устъ въ уста, дѣйствуя на умъ и на сердце солдатъ. Солдаты, лежавшіе въ траншеѣ, при видѣ его стали подниматься. «Не нужно вставать передо мной», сказалъ онъ имъ, «старайтесь только не ложиться отъ турецкихъ пуль». Онъ также первый русскій главнокомандующій, который, повидимому, заботился о благосостояніи своихъ солдатъ, хотя и непостоянно, недостаточно и не всегда въ одинаковой степени. Случается, что они у него умираютъ съ голоду, но онъ справляется иногда даже и о томъ, есть ли у нихъ сапоги на ногахъ. До него объ этомъ никто не безпокоился; послѣ него даже Суворовъ никогда объ этомъ не подумаетъ.

Наконецъ, во время кампаніи 1788—89 гг., которая была для него во всѣхъ отношеніяхъ несчастнымъ дебютомъ, онъ въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ о затрудненіяхъ, предстоявшихъ для нихъ въ опустошенномъ краѣ, далъ самъ о себѣ такой отзывъ, «что онъ камни превратитъ въ хлѣбъ». И это свидѣтельство не противорѣчитъ историческимъ даннымъ. У него былъ творческій геній. Его творчество часто оставляетъ желать очень многаго: его флотъ построенъ изъ сырого лѣса, у его кавалеріи недостаетъ лошадей, склады съ провіантомъ стоятъ наполовину пустые; но все это существуетъ, живетъ, и окончательные результаты всѣхъ этихъ импровизацій, какъ и военныхъ дѣйствій, которыми онъ руководилъ, довольно значительны. Завоеваніе Чернаго моря связано съ его именемъ, и задача, возложенная на него Екатериной, выполнена имъ въ полномъ согласіи съ ея желаніями.

«Большой и великій человѣкъ», сказалъ про него подчиненный, который имѣлъ возможность лучше всѣхъ оцѣнить его заслуги. «Онъ не походилъ на того французскаго посланника при лондонскомъ дворѣ, о которомъ канцлеръ Бэконъ, имѣя въ виду его высокій ростъ, замѣтилъ, что чердаки вообще плохо меблируются».

Да, можетъ быть, именно такъ, какъ утверждалъ Суворовъ, великій человѣкъ, олицетворявшій въ своей некультурной и, пожалуй, даже дикой, безпорядочной и неуравновѣшенной, но

крупной и мощной натурѣ, запасы физической и моральной энергіи огромной имперіи и приспособлявшій эти силы къ творческому генію великой императрицы. Никто изъ приближенныхъ Екатерины, жившихъ рядомъ съ ней и исполнявшихъ ея приказанія, не сумѣлъ лучше понять ея умъ и темпераментъ и никто также не былъ въ состояніи такъ хорошо оцѣнить скрытыя силы многочисленнаго и могущественнаго народа, который управлялъ ея законами.

У Екатерины были фавориты, которыхъ она больше любила, съ большей нѣжностью и страстью. Но Потемкинъ нисколько не преувеличивалъ, увѣряя однажды свою государыню, что никто ее такъ не любилъ, какъ онъ. Если онъ не думалъ серьезно сдѣлаться изъ-за нея монахомъ, то онъ сталъ, по крайней мѣрѣ, для нея поэтомъ: поэтомъ на поприщѣ государственной дѣятельности въ этой колоссальной феерiи Тавриды, завоеванной, заселенной и представленной передъ глазами государыни въ волшебной панорамѣ, и поэтомъ въ стихахъ Ему приписываютъ полные вдохновенія стихи на тему о земномъ червѣ, влюбленномъ въ звѣзду: «Какъ скоро я тебя увидѣлъ» и т. д. Даже его проза, адресованная къ царственной возлюбленной, принимаетъ лирическій характеръ. Въ отвѣтъ на усыпанную брилліантами и изумрудами лавровую корону, которую она прислала ему по случаю взятія Бендеръ, онъ пишетъ: «Всемилостивѣйшая матушка! Вы излили уже на меня всѣ свои щедроты, а я еще живъ; но эту жизнь, повѣрьте мнѣ, августѣйшая государыня, я посвящу на службу Вамъ и на борьбу противъ Вашихъ враговъ». И въ письмахъ Екатерины къ нему—любовь по существу своему заразительна—мы встрѣчаемъ самыя нѣжныя выраженія. «Нѣтъ такого нѣжнаго слова, котораго я не хотѣла бы вамъ сказать», пишетъ она въ письмѣ, приложенномъ къ лавровой коронѣ. Въ то же время она ему совѣтуетъ не быть слишкомъ гордымъ и, такъ какъ онъ обиженъ такимъ совѣтомъ, то она ему возражаетъ: «Вотъ что значитъ писать на разстояніи тысячи верстъ! Преисполненная радости, я хотѣла только васъ предупредить, чтобы вы избѣжали того, что единственно можетъ умалить ваше величіе»...

Ея письма къ нему за этотъ періодъ переполнены мельчайшими подробностями объ апартаментахъ, которые она приготовляла и украшала къ его пріѣзду. Не нужно забывать, что это происходитъ въ ноябрѣ 1789 года, и что тотъ, кого она

ждетъ и хочетъ такъ принять, уже не возлюбленный, а только другъ. Но разочарованный неудачами кампаніи, которая обманула его преувеличенныя надежды, онъ со скучающимъ видомъ принимаетъ лесть, которую ему расточаютъ. Онъ снова заговариваетъ о своемъ желаніи поступить въ монастырь. Она возмущена и заимствуетъ у него его экзальтированный стиль: «Въ монастырь? Какое безумье! Тишина кельи для того, чье имя гремитъ въ Европѣ и Азіи? Какая безсмыслица!»

Моментами, когда кампанія подвергаетъ слишкомъ жестокимъ испытаніямъ сильную, но мягкую душу генералиссимуса, переписка становится рѣзкой, Потемкинъ совѣтуетъ своей подругѣ прекратить свои необузданныя выходки по отношенію къ Швеціи, а Екатерина рекомендуетъ ему взять Очаковъ, такъ такъ тогда можно будетъ покончить и съ Турціей и со Швеціей. Но какъ только неприступная крѣпость была взята, тотчасъ же гармонія была возстановлена со всѣми фамильярными и нѣжными изліяніями. «Деру тебя за уши и обнимаю тебя, мой другъ», пишетъ теперь Екатерина.

Она постоянно заботится о его здоровьѣ, больше, чѣмъ о его военныхъ успѣхахъ. У нея находятся восхитительные доводы, чтобы убѣдить его не подвергать себя опасности: «Губя себя, вы губите также и меня». Ногтоѣдъ, которымъ онъ страдаетъ, заставляетъ ее больше безпокоиться, чѣмъ появленіе шведскаго флота въ виду Петербурга.

Она очень хорошо знаетъ всѣ его слабости и только думаетъ о томъ, чтобы предупредить или ослабить послѣдствія ихъ проявленія. Она старается исправить заблужденія его фантазіи и избавить отъ униженій его чрезмѣрное тщеславіе. Зачѣмъ ему давать своимъ черноморскимъ кораблямъ такія громкія названія? Вѣдь ихъ, можетъ быть, трудно будетъ оправдать! Если онъ заботится о ея удовольствіяхъ и любовныхъ связяхъ, то она платитъ ему тѣмъ же. Детали шокируютъ насъ, конечно, но онѣ очень характерны для физіономіи этихъ двухъ исключительныхъ существъ и для исторіи ихъ необыкновенныхъ отношеній, которыя ихъ связывали въ продолженіе двадцати лѣтъ, даже послѣ того, какъ между ними была порвана интимная связь, и помогали имъ держать въ своихъ могучихъ рукахъ судьбы великой имперіи. Мы не настаиваемъ на томъ, что эту исторію можно оправдать съ точки зрѣнія обычной морали; но, въ дѣйствительности, лица фигурировавшія въ ней, стояли внѣ

и выше всѣхъ извѣстныхъ законовъ и всякой морали; и такъ необычайны ихъ судьба и ихъ возвышенныя натуры, что они удерживаются на этой высотѣ, и что низводить ихъ на обыкновенный уровень значитъ пожертвовать истиной въ интересахъ морали и извратить одно изъ существенныхъ понятій исторической правды. Какое-то благородство проглядываетъ въ этой постоянной впечатлительности, которая ихъ дѣлаетъ чувствительными къ ихъ радостямъ и печалямъ, даже тогда, когда онѣ не раздѣляются обѣими сторонами, даже тогда, когда онѣ какъ-будто оскорбляютъ ихъ прошлое. Чувствуется какое-то величіе въ ихъ равнодушіи къ обыденнымъ обидамъ и оскорбленіямъ самолюбія, мимо которыхъ они проходятъ съ видомъ людей, совершенно не задѣтыхъ ими; и что больше всего поражаетъ— это удивительно глубокая и искренняя нѣжность въ ихъ отношеніяхъ. Если таковы ихъ взаимныя отношенія на протяженіи такого продолжительнаго времени и въ такихъ многочисленныхъ испытаніяхъ, то они любятъ другъ друга, какъ люди рѣдко любятъ и бываютъ любимы, и имъ какъ-будто суждено было исчерпать всѣ формы человѣческаго чувства и страсти.

Самый недоброжелательный изъ біографовъ фаворита и самый неблагодарный изъ его секретарей Сенъ-Жанъ разсказываетъ о листѣ, который заполнялъ князь именами молодыхъ офицеровъ, обладавшихъ, по наведеннымъ имъ черезъ довѣренныхъ лицъ справкамъ, всѣми необходимыми качествами, чтобы выполнить ту роль, которую онъ самъ игралъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Онъ приказывалъ затѣмъ срисовывать кандидатовъ и подъ видомъ продаваемыхъ картинъ представлялъ ихъ портреты государынѣ для выбора. Это вполнѣ возможно. Тотъ же авторъ описываетъ, какъ однажды поздней осенью фаворитъ гонялся по комнатамъ дворца за невинной дѣвушкой, придворной фрейлиной, которая убѣжала отъ его преслѣдованій въ сосѣднюю со спальней государыни комнату. Разбуженная крикомъ красавицы, Екатерина выразила жертвѣ насилія свое неудовольствіе за то, что та встревожила ея сонъ *изъ-за такихъ пустяковъ*. Анекдотъ внушаетъ мало довѣрія. Но вотъ записка, подписанная авторитетной рукой Екатерины и адресованная ея бывшему любовнику во время его пребыванія на Украйнѣ въ концѣ 1788 года.

«Послушайте, голубчикъ, Варенька очень больна; если вашъ отъѣздъ тому причиной, то вы не правы: вы убиваете ее, а я начинаю ее очень любить».

Варенька—это Варвара Энгельгардтъ, одна изъ племянницъ Потемкина. Ихъ было пять сестеръ: Александра, Варвара, Надежда, Екатерина и Татьяна, которыя состояли фрейлинами императрицы, тогда какъ ихъ мать, родная сестра Потемкина, числилась придворной дамой. Всѣ сестры были довольно красивы, и ихъ дядя поочередно за ними ухаживалъ. Еще разъ приходится забыть о морали, приближаясь къ этому человѣку и ко всему, что его близко касается. Онъ самъ, повидимому, былъ сынъ двоеженца. Его отецъ былъ женатъ, когда увлекся молодой и красивой вдовой Дарьей Скуратовой, выдавалъ себя ей за холостого и женился на ней. Узнавъ истину, Дарья потребовала свиданія со своей соперницей и убѣдила послѣднюю поступить въ монастырь. Презрѣніе къ закону и наклонность къ тому, что мы теперь называемъ преступной страстью, были, повидимому, наслѣдственными чертами въ этой семьѣ, а Потемкинъ, въ свою очередь, столь индиферентный въ общемъ въ другихъ отношеніяхъ, былъ въ этой области утонченнымъ любителемъ и виртуозомъ. Не будучи, конечно, великимъ ни на поприщѣ государственной дѣятельности, ни въ области военнаго искусства, онъ былъ великъ въ любви.

VI.

Изъ племянницъ Варенька была, повидимому, первой его возлюбленной. Въ 1777 году больной и прикованный къ постели дядя стережетъ минуты, когда императрица уходитъ отъ него, чтобы пересылать племянницѣ черезъ лакея Екатерины Суммерса (который не обманываетъ государыни, потому что Потемкинъ теперь фаворитъ только по имени) любовныя записки, изъ которыхъ мы заимствуемъ для образчика нѣкоторыя выдержки.

«Варенька, если я тебя безконечно люблю, если моя душа ничего не хочетъ знать, кромѣ тебя, то умѣешь ли ты, по крайней мѣрѣ, цѣнить это? Могу ли я тебѣ вѣрить, когда ты обѣщаешь вѣчно любить меня? О, какъ я тебя люблю, моя душа! Я никого никогда такъ не любилъ! Не удивляйся, если ты видишь меня иногда печальнымъ: это совершенно невольныя душевныя настроенія, и я прекрасно понимаю, что у меня нѣтъ никакихъ основаній быть грустнымъ, но я не могу владѣть собой. Прощай, мое обожаемое существо. Цѣлую тебя всю».

«Мнѣ лучше, моя душенька, и я хотѣлъ бы, чтобы ты легче переносила мое отсутствіе, чѣмъ я твое, и чтобы твоя мысль стремилась ко мнѣ, какъ моя всегда слѣдитъ за тобой. Александра Васильевна чувствуетъ себя хорошо, а мнѣ грустно, потому что я нахожусь далеко отъ тебя. Варенька, мой ангелъ, кто могъ бы любить тебя такъ? Мой дружокъ, мои милыя губки, моя дорогая, мое сокровище!.. Завтра я пойду въ баню... Варенька, моя жизнь, моя красавица, мое божество, скажи, что ты меня любишь, этого будетъ достаточно, чтобы сдѣлать меня здоровымъ, счастливымъ, веселымъ и спокойнымъ. Моя душенька, я полонъ тобой, да, весь, моя красавица! Прощай, цѣлую тебя всю».

«Красавица, божественный ангелъ, неужели тебѣ нужно доказывать, что ты достойна моей любви? Моя душа, моя нѣжная любовь, твоя побѣда надо мною велика и вѣчна. Если ты меня любишь, то я счастливъ, и если ты знаешь, какъ я тебя люблю, то тебѣ нечего желать большаго. Твой навсегда, моя дорогая».

Варенька не отстаетъ отъ него въ нѣжностяхъ:

«Моя любовь и моя жизнь, я очень безпокоюсь о васъ. Ради Христа умоляю, скажите, какъ вы себя чувствуете. Я каждую минуту ждала отъ васъ извѣстій... И, ничего не получивъ отъ васъ, сама пишу вамъ. Ради Бога, моя жизнь, пишите мнѣ... Мысленно цѣлую тебя милліонъ разъ».

По выздоровленіи они встрѣчаются, и вотъ еще одна записка отъ дяди къ племянницѣ и при томъ очень пикантнаго свойства:

«Маменька моя, Варенька, моя душа, моя жизнь, ты спала, дурочка, и ничего не помнишь. Передъ уходомъ я былъ въ твоихъ объятіяхъ... и я тебя много разъ цѣловалъ. Я покрылъ тебя капотомъ и одѣяломъ и перекрестилъ».

Но двадцатидвухлѣтняя Варенька непостоянна, и, годъ спустя, Екатерина, посвященная въ любовную связь и снисходительно относящаяся къ ней, какъ мы знаемъ, ошибается, приписывая печаль молодой женщины отсутствію Потемкина. На самомъ дѣлѣ Варенька увлечена теперь молодымъ и блестящимъ кавалеромъ, княземъ Голицынымъ, и еще до отъѣзда наступило охлажденіе въ ихъ страстныхъ до сихъ поръ отношеніяхъ. Пользуясь привычной въ такихъ случаяхъ тактикой, Варенька предупредительно сама стала играть ревнивую любовницу, разоча-

рованную измѣнами своего возлюбленнаго. Ей, впрочемъ, не трудно было играть эту роль вполнѣ естественно: въ карманахъ дядинаго халата оказались надушенныя записки, не принадлежавшія перу Вареньки, изъ которыхъ одна была подписана дамой высшаго петербургскаго общества:

«Какъ вы провели ночь, мой дорогой? Я хотѣла бы, чтобы вы ее провели лучше, чѣмъ я. Я всю ночь не сомкнула глазъ. Только мысль о васъ оживляетъ меня, но я должна вамъ сказать, что недовольна вами. У васъ былъ такой разсѣянный видъ... Въ первый разъ, когда я васъ видѣла, казалось, было лучше. Я проходила мимо вашего дома и увидѣла большое освѣщеніе. Вы, навѣрное, сидѣли за картами. Если бы вы могли, дорогой князь, принести мнѣ эту жертву и не отдавать столько времени игрѣ. Это только разрушаетъ ваше здоровье. Сдѣлайте мнѣ это удовольствіе, мой милый другъ, докажите, что можете сдѣлать что-нибудь для меня, и не засиживайтесь до четырехъ или пяти часовъ утра, какъ вы до сихъ поръ дѣлали... Завтра балъ у М. Я надѣюсь имѣть удовольствіе увидѣть васъ тамъ. Я жду этого удовольствія съ нетерпѣніемъ, только тамъ я успокоюсь. Какъ только я просыпаюсь, мнѣ приносятъ цвѣты отъ васъ; я вамъ очень благодарна, мой дорогой. Я желаю, чтобы вы хорошо себя чувствовали и чтобы я могла васъ видѣть веселымъ и счастливымъ, какъ я мечтала въ эту ночь. Вы были такъ милы; мнѣ казалось, что вы любите меня всей своей душой. Прощайте, я разстаюсь съ вами; мой мужъ сейчасъ придетъ ко мнѣ. Когда же вы сдѣлаете что-нибудь для моего сына? Я хотѣла бы, чтобы вы его устроили въ своемъ полку».

Въ январѣ 1779 года Варвара Энгельгардтъ становится княгиней Голицыной, и дядя, разумѣется, будучи самъ непостояннымъ въ любви, не очень сердится за эту измѣну. Тѣмъ болѣе, что ихъ отношенія, повидимому, скоро снова возстановляются и возобновляется ихъ переписка, въ которой съ пера Вареньки срываются рядомъ съ «дорогимъ дядей», и «дорогимъ папашей» и болѣе нѣжныя названія, какъ «мое сокровище» или «моя жизнь».

Болѣе продолжительное и болѣе серьезное чувство онъ питалъ къ другой племянницѣ Александрѣ Энгельгардтъ, которая въ 1781 году вышла замужъ за князя Браницкаго. Въ часъ своей смерти завоеватель Крыма долженъ видѣть около себя

эту племянницу, которая сумѣла быть только его племянницей и по своему уму и характеру, повидимому, была выдающейся женщиной. Мы ее видимъ въ числѣ довѣренныхъ лицъ Екатерины. Другія сестры способны были вызвать только мимолетное увлеченіе. Одна изъ нихъ—Надежда, вышедшая замужъ за нѣкоего Чепелева, настолько выдѣлялась своимъ безпорядочнымъ поведеніемъ, что ея дядя прозвалъ ее Безнадежной. Ея мужъ, темная личность, получилъ, говорятъ, ея руку въ благодарность за услугу, которую онъ оказалъ фавориту, освободивъ его на дуэли отъ опаснаго соперника: другого князя Голицына, который съ отличіемъ служилъ въ арміи и имѣлъ гибельное счастье привлечь на себя вниманіе государыни.

Въ мартѣ 1784 года французскій посолъ Кайе извѣщаетъ изъ Петербурга графа де-Верженa о предстоящемъ замѣщеніи русскаго посланника въ Неаполѣ Андрея Разумовскаго графомъ Скавронскимъ, мужемъ одной изъ сестеръ Энгельгардтъ. Эта перемѣна вызвана была желаніемъ графини Скавронской провести зиму въ Италіи, куда долженъ былъ, конечно, пріѣхать къ ней ея дядя. Въ 1789 году великаго тріумфатора видитъ у своихъ ногъ его кузина, по мужу Прасковья Закревская, жена одного изъ Потемкиныхъ. И снова появляются эти порывы страсти и лирическія влiянія, нѣсколько наивныя и вульгарныя, какъ всегда:

«... Пріѣзжай, моя любовь! Спѣши, мой другъ! моя радость, мое безцѣнное сокровище, несравненный даръ, самимъ Богомъ данный мнѣ. Я живу только тобой и всю жизнь готовъ доказывать тебѣ свою привязанность. Матушка, голубушка, доставь мнѣ удовольствіе тебя увидѣть, дай мнѣ наглядѣться на красоту твоего лица и твоей души... Я нѣжно цѣлую твои прекрасныя ручки и твои прекрасныя ножки...

«Сударка моя!.. не вообрази, что только твоя красота привела меня въ восторгъ, и что я пылаю къ тебѣ огнемъ вульгарной страсти; нѣтъ, моя дорогая, глубокое убѣжденіе, что у меня такое же сердце, какъ у табя, какая-то таинственная сила, наконецъ, естественное влеченіе, которое называютъ симпатіей, вотъ что такое моя любовь. Заглянувъ въ твою душу, я увидѣлъ ангела, ангела, созданнаго по подобію моей собственной души. Поэтому ты и я одно цѣлое, мы нераздѣльны. Я веселъ, когда ты весела, я сытъ, когда сыта и ты. Я повсюду слѣдую за тобой вплоть до этихъ качелей, на которыхъ тебѣ хочется

качаться; я себя только плохо чувствую, когда ты высоко поднимаешься. Я ношу васъ въ своемъ сердцѣ съ вашимъ умомъ и безуміемъ».

Получала ли когда-нибудь Екатерина такія посланія отъ своего фаворита? Мы этого не знаемъ, и поэтому приведенные нами отрывки изъ переписки имѣютъ для насъ цѣнность историческаго документа по данному поводу. Если завоеватель Тавриды никогда не писалъ ей въ такомъ духѣ, то онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, ей такъ говорить въ тѣ короткіе часы, которыхъ было достаточно, чтобы привязать ихъ другъ къ другу навсегда, чтобы создать то очарованіе, отъ котораго она не могла освободиться до послѣдняго дня.

Прасковья Потемкина на много лѣтъ пережила своего возлюбленнаго и окончила свою жизнь въ строгой, благочестивой обстановкѣ. Она скоро получила возможность извѣдать непрочность мірскихъ удовольствій и радостей, т акъ какъ уже въ 1790 году увлеченія самаго непостояннаго изъ людей создали ей двухъ соперницъ, одной изъ которыхъ была мадамъ де-Виттъ. Родившись въ 1761 году въ маленькомъ городкѣ, вблизи Константинополя, *прекрасная* фанаріотка дебютировала въ пятнадцать лѣтъ, какъ рабыня, купленная вблизи Порты за нѣсколько піастровъ польскимъ посланникомъ Боскановъ, французомъ, натурализовавшимся на берегахъ Вислы. Отправившись вскорѣ въ Варшаву и узнавъ тамъ, что онъ больше не вернется на свой постъ, Босканъ поручаетъ конюшему привезти ему молодую Софью съ его багажомъ и прислугой, которые онъ оставилъ въ Константинополѣ. Но конюшій запротестовалъ въ дорогѣ: его питомица стала проявлять такую недисциплинированность, что онъ отчаялся доставить ее по назначенію. Босканъ уступилъ и приказалъ оставить ее въ Яссахъ. Изъ Яссъ она пріѣхала въ Каменецъ, на польскую территорію, гдѣ ею увлекся комендантъ крѣпости, полковникъ де-Виттъ, и женился на ней. Она появилась затѣмъ въ Варшавѣ, гдѣ вскружила всѣмъ головы, а въ 1781 году принцесса Нессауская ее повезла въ Парижъ, гдѣ ея красота произвела сенсацію. Разведясь со своимъ первымъ мужемъ и ставъ женой самаго богатаго польскаго магната графа Потоцкаго, она умерла въ 1821 году, вызвавъ удивленіе и ужасъ всей Европы своими скандальными эксцессами. Польскій поэтъ Словацкій, умершій въ 1849 году въ Парижѣ, посвятилъ поэму исторіи послѣднихъ лѣтъ ея жизни, почти извиняясь въ сво-

емъ предисловіи за то, что взялся за такой скабрезный сюжетъ.

Организаторъ пышныхъ празднествъ въ Бендерахъ увлекался ею нѣкоторое время въ своей главной квартирѣ, и въ 1791 году она сопровождаетъ его въ Петербургъ, но ей нечѣмъ было привязать его къ себѣ надолго. Болѣе серьезной соперницей бѣдной Прасковьи была красивая княжна Долгорукая. Сначала, правда, ея мужъ дѣлалъ видъ, что хочетъ защищать свое добро. Но борьба была неравная: въ присутствіи многочисленной публики влюбленный гигантъ, капризу котораго онъ хотѣлъ воспротивиться, схватилъ его за ленты, украшавшія его грудь, и, поднявъ на воздухъ, закричалъ громовымъ голосомъ ему въ лицо: «Несчастный! Это я далъ тебѣ и другимъ эти ленты, которыхъ ты еще не заслужилъ! Всѣ вы пѣшки, и я имѣю право дѣлать все, что я хочу, съ вами и со всѣмъ тѣмъ, что вамъ принадлежитъ!»

VII.

Весной 1791 года побѣдитель Измаила и Очакова вернулся въ Петербургъ, который увидѣлъ послѣдніе лучи вскорѣ закатившейся звѣзды. «При видѣ маршала князя Потемкина», пишетъ въ это время Екатерина по адресу князя де-Линя, «можно было бы сказать, что побѣды и успѣхи дѣлаютъ человѣка болѣе красивымъ. Онъ вернулся къ намъ изъ арміи прекраснымъ, веселымъ, сіяющимъ; онъ остроуменъ, какъ никогда, и задаетъ балы, одинъ другого лучше». Одно изъ этихъ празднествъ, на которое, повидимому, государыня особенно намекаетъ, имѣло въ виду нанести окончательный ударъ растущему фавору Зубова, являвшагося уже не ставленникомъ великаго законодателя царственныхъ увлеченій, а его врагомъ. Князь превзошелъ свою обычную роскошь и употребилъ въ дѣло всѣ свои чары. Екатерину принимали въ Таврическомъ дворцѣ не какъ государыню, а какъ богиню. Въ то же время все было скомбинировано, чтобы поразить ея воображеніе и открыть ей глаза на ошибку, которую она дѣлала. Чудесные гобелены развертывали передъ ней внушительную исторію Амана и Мордухая, а хоръ, составленный Державинымъ, муза котораго была уже одарена новымъ фаворитомъ, но дала себя подкупить и въ этомъ случаѣ, комментировалъ поучительныя картины.

Напрасныя старанія: на слѣдующій день Екатерина даетъ понять, что смотритъ на это блестящее празднество, какъ на

прощальный вечеръ. Она будто бы считаетъ необходимымъ присутствіе князя въ южныхъ провинціяхъ, гдѣ его, однако, не ждутъ совсѣмъ. Онъ подчиняется, онъ уѣзжаетъ и ищетъ смерти. Впрочемъ, существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что онъ оставляетъ въ Петербургѣ не подругу, измѣнившую ему, а супругу, которая забыла свои обязанности. Но такое предположеніе объ окончательной побѣдѣ, одержанной прежнимъ фаворитомъ надъ постояннымъ упорствомъ Екатерины въ такой моментъ, и о союзѣ, тайно закрѣпленномъ наканунѣ его отъѣзда, встрѣчаетъ много возраженій. Изъ письма Безбородко къ Семену Воронцову вытекаетъ, что въ это время у князя было намѣреніе жениться на одной изъ самыхъ извѣстныхъ женщинъ Екатерининскаго царствованія, Маріи Нарышкиной, за которой онъ открыто ухаживалъ. Правда, въ этомъ ухаживаніи видѣли тактическій ходъ, одобренный государыней, чтобы направить общественное мнѣніе по другому руслу и отвлечь вниманіе отъ того акта, который тогда совершался. Замѣтимъ еще, что одинъ очень серьезный свидѣтель относитъ это событіе къ гораздо болѣе раннему времени. Въ депешѣ графа Сегюра отъ 21 декабря 1787 года мы читаемъ:

«Вотъ уже двадцать дней прошло, какъ отъ Потемкина нѣтъ никакихъ вѣстей, и это молчаніе вызываетъ справедливое негодованіе Екатерины. Генералъ часто злоупотребляетъ терпѣніемъ государыни и священными и ненарушимыми правами, которыя ему обезпечиваютъ продолжительное довѣріе. Чрезвычайное основаніе этихъ правъ составляетъ великую тайну, которую знаютъ въ Россіи только четыре человѣка; счастливый случай открылъ мнѣ ее, и, когда я вполнѣ изслѣдую ее, я съ первой же оказіей извѣщу обо всемъ короля».

Мы не знаемъ, былъ ли король когда-нибудь болѣе освѣдомленъ по этому поводу, чѣмъ мы сами.

Князь умеръ 5 октября 1791 года по дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ. Онъ заболѣлъ и хотѣлъ покинуть столицу Молдавіи, климатъ которой онъ считалъ вреднымъ для себя; но не успѣлъ онъ отъѣхать и нѣсколькихъ миль, какъ съ нимъ начались приступы удушья. Его вынули изъ кареты и положили на траву на краю откоса; черезъ нѣсколько минутъ его не стало. Говорили объ отравленіи, какъ о причинѣ смерти. Обвиняли Зубова, и сама Екатерина не была свободна отъ этихъ подозрѣній. Объясненіе графа Ланжерона кажется самымъ вѣроятнымъ:

«Князь Потемкинъ самъ разрушилъ свое здоровье... Я видѣлъ, какъ онъ во время приступа лихорадки съѣлъ окорокъ, соленаго гуся, трехъ или четырехъ цыплятъ и пилъ много квасу, клюквы, меду и всевозможныхъ винъ».

По свидѣтельству Безбородко, онъ отказывался отъ всякихъ лѣкарствъ. Когда начинались приступы лихорадки, онъ приказывалъ въ самыя холодныя ночи открывать окна въ своей квартирѣ и поливать ему голову душемъ одеколона, а самъ обливалъ себѣ тѣло холодной водой.

Печаль Екатерины была велика. «Получивъ это извѣстіе... она потеряла сознаніе, и ей пришлось пустить кровь», сообщаетъ французскій посланникъ Жене.—«Кѣмъ замѣстить такого человѣка?»—повторяла она своему секретарю Храповицкому.—«Мы всѣ теперь, какъ улитки, которыя не смѣютъ высунуть головы изъ раковинъ».

«Страшный ударъ поразилъ меня вчера», пишетъ она Гримму. «Мой ученикъ, мой другъ и почти мой идолъ, князь Потемкинъ Таврическій, умеръ... Ахъ! Боже мой, я, дѣйствительно, теперь стала Madame la Ressource. Снова я должна воспитывать себѣ людей!»

Черезъ годъ, 30 сентября, въ день ангела *идола,* Храповицкій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ слезы, а 5 октября того же года, въ годовщину смерти князя, государыня отмѣняетъ всѣ утренніе пріемы, не выходитъ изъ своихъ апартаментовъ и проводитъ цѣлый день въ полномъ одиночествѣ. Однако, несмотря на эти слезы и печаль, день смерти князя не былъ объявленъ офиціально поминальнымъ днемъ въ имперіи. Это былъ капризъ Зубова, и Екатерина предоставила полную свободу дѣйствій своему новому фавориту. Ни одинъ памятникъ не былъ воздвигнутъ въ честь *великаго человѣка,*—какъ Екатерина любила его называть,—и, по распространенному преданію, его тѣло, погребенное при церкви св. Екатерины, въ Херсонѣ, было вырыто, по приказу Зубова, и брошено въ общую могилу. Легенда невѣрна: мавзолей, поставленный въ херсонской церкви благочестивой графиней Браницкой, былъ, дѣйствительно, разрушенъ, и останки покойнаго князя исчезли, но повиненъ былъ въ этомъ оскорбленіи могилы взошедшій на престолъ императоръ Павелъ, который *указомъ* распорядился, чтобы не осталось слѣда отъ этой могилы, оскорблявшей въ немъ несвоевременное благочестивое сыновнее чувство или вызывавшее запоздалую злобу.

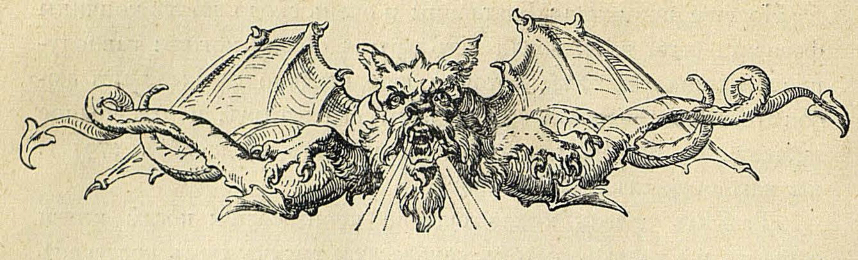
Но еще при жизни Екатерины и очень скоро послѣ кончины фаворита была вырыта для него другая общая могила: равнодушіе большинства тѣхъ, которые еще недавно съ жаднымъ любопытствомъ слѣдовали за каждымъ его шагомъ, и ихъ полное забвеніе. Въ письмѣ графа Ростопчина отъ 25 декабря 1791 г. мы находимъ слѣдующія строки:

«Раздѣлъ земель князя еще не произведенъ: послѣ князя осталось нѣсколько долговъ, семьдесятъ тысячъ душъ крестьянъ въ Польшѣ, шесть тысячъ въ Россіи и полтора милліона рублей въ брилліантахъ. Больше всего поражаетъ то, что его совершенно забыли. Будущія поколѣнія не будутъ благословлять его памяти. Онъ обладалъ въ очень высокой степени искусствомъ дѣлать зло на ряду съ добромъ и внушать ненависть къ себѣ, щедрою рукой разсыпая благодѣянія вокругъ себя. Можно было бы подумать, что онъ ставилъ себѣ цѣлью вездѣ унижать людей, чтобы стоять выше всѣхъ... Его послѣдней слабостью было ухаживать за всѣми женщинами и слыть за плохого человѣка. Это желаніе, какъ бы оно ни было смѣшно, имѣло полный успѣхъ. Женщины искали расположенія князя, а мужчины добивались должностей... Онъ оставилъ Петербургъ, растративъ восемьсотъ пятьдесятъ тысячъ рублей, которые были выплачены императрицей, не считая долговъ».

Панегирикъ лаконическій, но выразительный.

Еще скорѣе было ликвидировано и раздѣлено политическое наслѣдіе князя. Завѣдываніе иностранными дѣлами перешло къ Безбородко, военное вѣдомство было ввѣрено Салтыкову и его помощнику и замѣстителю, брату офиціальнаго фаворита, Валерьяну Зубову. Самъ фаворитъ беретъ въ свои руки внутреннюю политику, или, другими словами, все управленіе государствомъ, абсолютную власть надъ всѣми гражданскими и военными департаментами. Скоро долженъ былъ стушеваться и самъ Безбородко со всей плеядой гражданскихъ и военныхъ сановниковъ, которыми окружала себя до сихъ поръ Екатерина. Начиналось царствованіе Платона Зубова.





Зубовы.

I.

Объясняя недавнюю опалу предложеннаго Екатеринѣ Потемкинымъ фаворита Мамонова и назначенiе его замѣстителя Безбородко писалъ въ iюлѣ 1789 года графу Воронцову:

«Это ребенокъ съ хорошими манерами, но съ небольшимъ умомъ; я не думаю, что онъ долго продержится на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, это меня не интересуетъ».

Это должно было бы его сильно интересовать. Черезъ три года, послѣ своего возвращенiя изъ Яссъ, куда онъ послѣ смерти Таврическаго былъ посланъ для заключенiя мира съ турками, онъ убѣдился, что ребенокъ, къ которому онъ такъ презрительно отнесся, не только сохранилъ свое положенiе, но и отобралъ у него его собственную должность.

Ихъ было четыре брата, происходившихъ изъ семьи, у которой было нѣсколько дворянскихъ граматъ и большiя претензiи. Фельдмаршалъ Салтыковъ, который оказался потомъ родственникомъ и воспитателемъ молодого человѣка, заявилъ, однако, объ этомъ родствѣ только послѣ событiя. Отецъ, Александръ Зубовъ, управлялъ какой-то провинцiей и разбогатѣлъ въ ней. Старшiй братъ, Николай, былъ генералъ-маiоромъ и женился на единственной дочери рымникскаго героя—*Суворочкѣ*. Второй—Платонъ, 22-лѣтнiй юноша, служилъ въ Царскомъ въ качествѣ прапорщика гвардейскаго полка, когда императрица обртила на него вниманiе. Онъ сыгралъ, какъ только могъ, извѣстную уже намъ сантиментальную комедiю и нашелъ среди приближенныхъ императрицы полезныхъ партнеровъ, которые его поддер-

жали въ этой роли; постоянныя повѣренныя Екатерины: Анна Нарышкина, Протасова и Перекусихина, которыхъ онъ сумѣлъ склонить на свою сторону, были поочередно его толмачами, а Екатерина разспрашивала и выслушивала и, наконецъ, заявила— въ шестьдесятъ лѣтъ,—что къ ней вернулась безсмертная весна. Она, веселая, спѣшила въ лѣсъ, гдѣ снова лавры расцвѣтали для нея, и скоро Потемкинъ могъ найти въ письмахъ своего царственнаго друга отголосокъ этой новой радости. «Я снова вернулась къ жизни, какъ муха, которая уснула отъ холода... Я снова весела и чувствую себя хорошо», писала она ему въ августѣ 1789 года. Затѣмъ въ ея письмахъ къ другу начинаютъ все чаще и чаще появляться намеки на воспитанность, очаровательность и необыкновенныя качества «ребенка», «маленькаго смугляка». Ему хочется всѣмъ нравиться. «Онъ пишетъ вамъ съ большимъ увлеченіемъ, и его любезность дѣлаетъ и меня болѣе любезной». Онъ обладаетъ всѣми капризами, но также и всѣми чарами своего возраста: онъ плачетъ, когда его не впускаютъ въ комнату государыни. Другу ничего не остается, какъ, въ свою очередь, полюбить этого ребенка—*нашего ребенка*, какъ она иногда называетъ его въ своихъ письмахъ.

«Молодой человѣкъ съ великолѣпной фигурой», замѣчаетъ со своей стороны совершенно объективный наблюдатель, шведъ Стедингъ, товарищъ Лафайета по оружію и авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, «смуглый, хрупкій, небольшого роста, напоминающій красиваго француза въ жанрѣ рыцаря Пюйсегюра».

Но милый ребенокъ или хрупкій молодой человѣкъ обнаруживаетъ очень скоро огромное честолюбіе: онъ захватываетъ въ свои руки всѣ дѣла, всѣ средства для вліянія, всѣ источники, изъ которыхъ течетъ царская милость. Съ этихъ поръ она существуетъ только для него и для его родственниковъ, такъ какъ онъ любитъ своихъ и убѣжденный сторонникъ непотизма [1]). Онъ настойчивый попрошайка, иногда очень неловкій: въ день, когда въ Петербургѣ празднуютъ взятіе Бѣлграда русскими союзниками австрійцами, онъ въ присутствіи многочисленныхъ придворныхъ вдругъ заявляетъ:

— Всѣ сегодня празднуютъ одно радостное событіе, а я два.

— Какое же второе?—спрашиваетъ императрица.

— Моя сестра только что родила.

---

[1]) Радѣніе родному человѣчку.

Всѣ смѣются, а Екатерина смущена, но у нея неизсякаемый источникъ терпимости къ шалостямъ «мальчика». Она обращается съ нимъ, какъ съ избалованнымъ ребенкомъ и какъ съ любовницей, которой ни въ чемъ не отказываютъ. Она награждаетъ пажа, которому удалось удачно поднять платокъ, оброненный фаворитомъ.

Пользуясь своимъ положеніемъ, фаворитъ все смѣлѣе начинаетъ подрывать довѣріе къ тѣмъ, которые могутъ заслонить собою его самого, и первой жертвой выбираетъ самого Потемкина. Его братъ, котораго онъ отправилъ въ армію, присылаетъ ему отчеты, въ которыхъ очень рельефно выступаютъ ошибки, недосмотры и эксцессы главнокомандующаго. Въ то же время *мальчикъ* начинаетъ быстро собирать огромныя богатства. Онъ въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ своихъ предшественниковъ: онъ не проситъ денегъ изъ императорской казны, а, пользуясь своимъ положеніемъ, примѣняетъ систему взятокъ по отношенію къ тѣмъ лицамъ, дѣла которыхъ по несчастной случайности попадаютъ въ его руки. Въ концѣ концовъ, всѣ дѣла попадаютъ въ его вѣдѣніе. Онъ умѣетъ, впрочемъ, устраиваться такимъ образомъ, что Екатеринѣ приходится насильно навязывать ему свои подарки, которые становятся все болѣе и болѣе щедрыми. Въ 1791 году она задумываетъ купить для него большое помѣстье, отъ котораго хочетъ избавиться Потемкинъ. Но фаворитъ догадывается о ея намѣреніи, и за столомъ, за которымъ сидитъ много гостей, между ними происходитъ слѣдующій разговоръ:

— Сколько стоитъ это помѣстье?

— Извините, Ваше Величество,—оно продано.

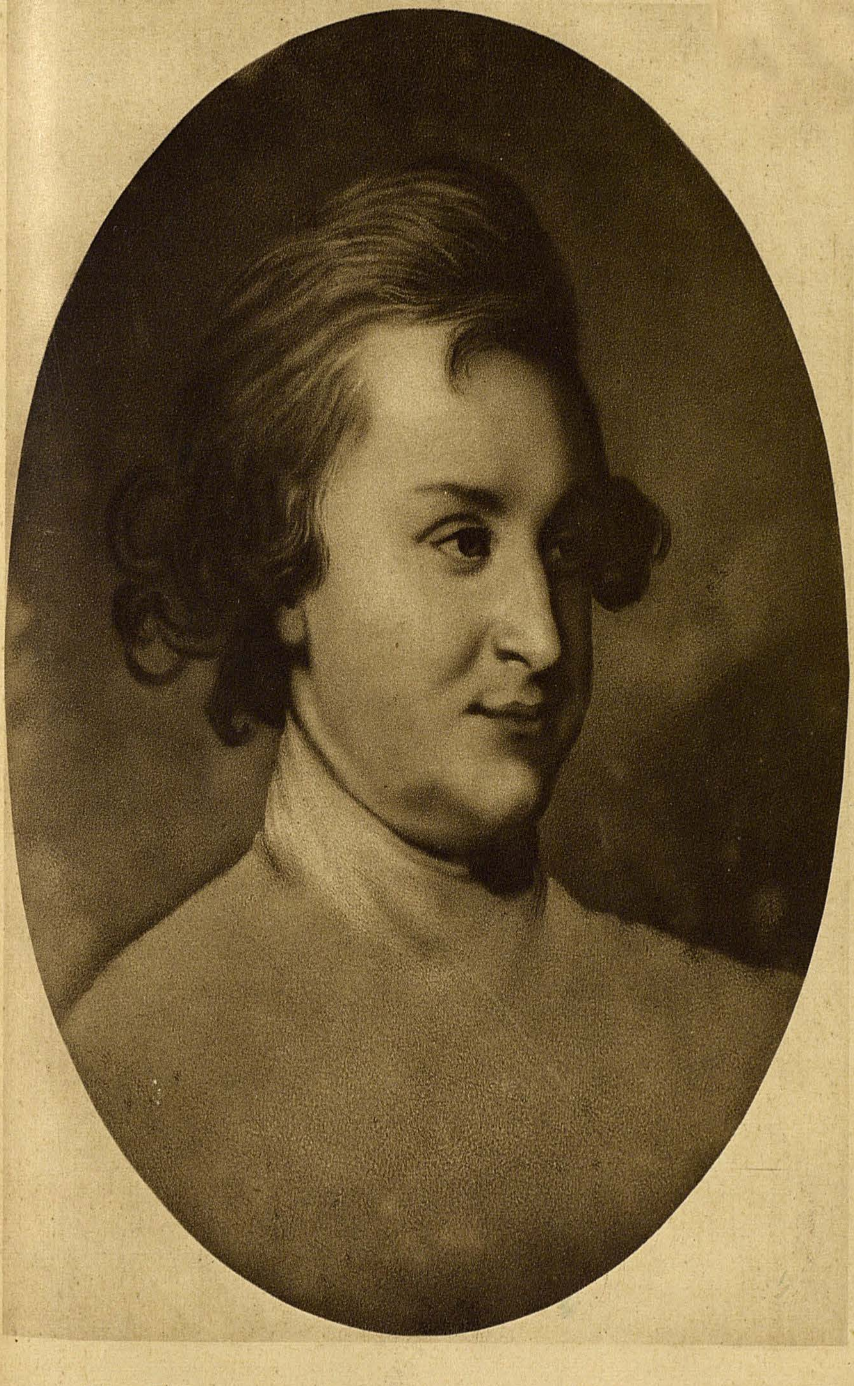
— Когда?

— Сегодня утромъ.

— Кому?

— Вотъ покупатель.

И невозмутимый мотъ указываетъ при этомъ пальцемъ на молодого адъютанта, бѣднаго офицера, который стоитъ позади его кресла. Екатерина хмуритъ брови, но ходъ сдѣланъ: въ тотъ же день наскоро составленный формальный договоръ превращаетъ счастливаго участника театральной сцены въ собственника двѣнадцати тысячъ крѣпостныхъ, и богатство одной изъ виднѣйшихъ современныхъ фамилій Польши обязано своимъ происхожденіемъ этой княжеской фантазіи.



Кн. Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Работы Лампи. Печатается первый разъ.

Послѣ смерти страшнаго соперника, который еще уравновѣшивалъ до нѣкоторой степени положенiе новаго фаворита, его растущее влiянiе ничѣмъ уже больше не задерживается. За перiодъ времени отъ 1789 [по 1796 годъ онъ получаетъ титулъ графа и князя священной имперiи, ордена Чернаго орла и Краснаго орла и въ семь лѣтъ поднимается на вершину той лѣстницы, на которую его предшественникъ взбирался въ продолженiе двадцати. Въ качествѣ генералъ-губернатора Малороссiи онъ въ 1794 году отдаетъ приказы Суворову! 20 августа 1795 года графъ Ростопчинъ пишетъ Семену Воронцову:

«Графъ Зубовъ здѣсь все. Ничьей воли, кромѣ его, не существуетъ больше. Онъ пользуется бóльшимъ влiянiемъ, чѣмъ въ свое время князь Потемкинъ. Онъ такъ же безпеченъ и неспособенъ, какъ и раньше, хотя императрица и повторяетъ всѣмъ и каждому, что это величайшiй генiй, котораго въ Россiи когда-ибо видѣли»...

II.

На этотъ разъ никто не раздѣляетъ мнѣнiя императрицы. Отзывъ Ростопчина единодушно поддерживается всѣми современниками. «Хорошiй гвардейскiй унтеръ-офицеръ», говоритъ про него Суворовъ. Всѣ имѣютъ возможность каждый день убѣждаться въ томъ, что онъ ничего не знаетъ и не даетъ себѣ труда понять что-нибудь. Въ дѣлахъ, которыя не затрагиваютъ его интересовъ, онъ ограничивается замѣчанiемъ: «Дѣлайте, какъ прежде». Въ вопросахъ внѣшней политики онъ ведетъ себя какъ трехлѣтнiй ребенокъ, которому дали сыграть партiю въ шахматы. Онъ по своему перекраиваетъ карту Европы, стирая съ лица земли Австрiю, отнимая у революцiонной Францiи двѣ трети ея владѣнiй и предоставляя остальное возвращеннымъ Бурбонамъ.

Возвращаясь изъ Петербурга, графъ Артуа готовъ высадиться въ Англiи, рискуя быть арестованнымъ за долги. Тогдашнiй русскiй посланникъ въ Лондонѣ, Семенъ Воронцовъ, спѣшитъ предупредить его объ этомъ, но получаетъ слѣдующiй отвѣтъ:

— Я предвидѣлъ эти затрудненiя и изложилъ ихъ въ разговорѣ съ графомъ Зубовымъ, но вотъ его подлинныя слова: «Всѣ ваши затрудненiя, Ваше Высочество, будутъ улажены. Англiя будетъ счастлива васъ встрѣтить; она сдѣлаетъ все, чего

императрица захочетъ, а нашъ посланникъ сумѣетъ разрѣшить этотъ вопросъ и быть вамъ полезнымъ».

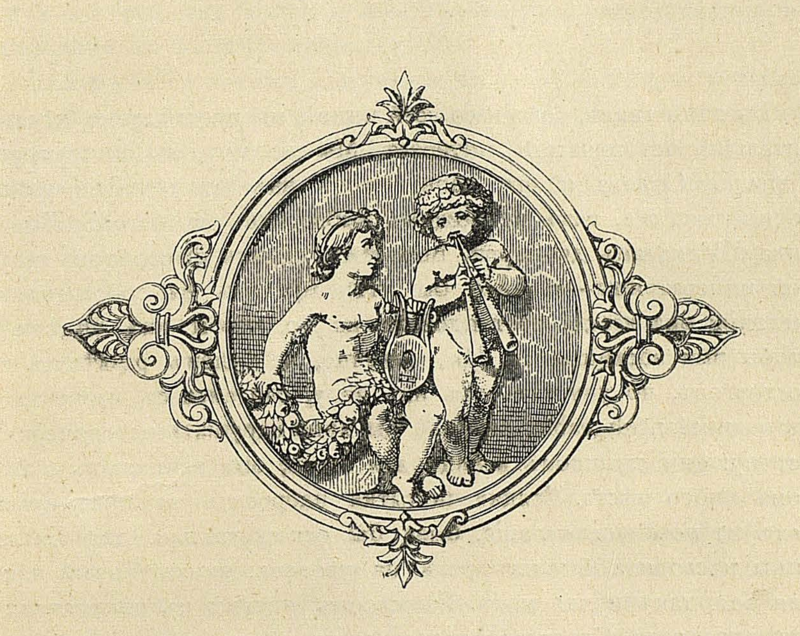
Несчастный посланникъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи, а графъ послѣ неудачной попытки долженъ былъ бѣжать и направить свой парусъ къ берегамъ Германіи.

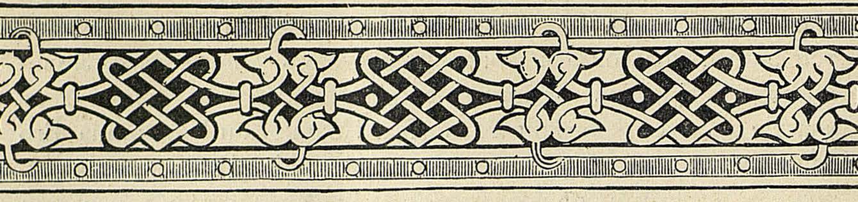
Подорванная дисциплина въ арміи, развитіе роскоши и сибаритства въ офицерскихъ кругахъ, опустошенная казна и переполненныя тюрьмы—таковы, по словамъ компетентныхъ авторитетовъ, памятники административной дѣятельности фаворита въ области внутренней политики.

Пріобрѣтеніе польскихъ областей, приписываемое государыней его дѣятельности, явилось на самомъ дѣлѣ слѣдствіемъ плана, ею самой еще раньше подготовленнаго въ согласіи съ Потемкинымъ и Безбородко и проведеннаго въ жизнь оставшимися въ живыхъ представителями великой эпохи этого царствованія: Каховскими, Кречетниковыми и, наконецъ, самимъ Суворовымъ, который былъ призванъ изъ полуизгнанія и полуопалы. Организація пріобрѣтенныхъ областей также является дѣломъ сотрудниковъ предыдущей эпохи: Тутолминыхъ, Репниныхъ и Паленыхъ. Зубовы являются туда только для того, чтобы набить свои карманы. Персидская экспедиція была только дорогостоящей безсмыслицей. Построеніе Одессы, предпринятое Рибасомъ при поддержкѣ Зубова, имѣетъ цѣнность только частной спекуляціи до тѣхъ поръ, пока остается въ ихъ рукахъ. Состоя начальникомъ артиллеріи, фаворитъ неспособенъ отличить полевое орудіе отъ крѣпостной пушки, и это генералъ Мелиссино беретъ на себя иниціативу сформировать первые батальоны конной артиллеріи, между тѣмъ какъ честь этого предпріятія была приписана Екатериной исключительно ея любовнику.

«Честный человѣкъ», сказалъ Суворовъ о шефѣ іерархіи, которымъ сдѣлалъ его капризъ императрицы. Если эта оцѣнка не была ироніей, то ее нужно, во всякомъ случаѣ, признать ошибкой. Грабежъ Польши не обнаруживаетъ этого качества ни у самого фаворита, ни у его близкихъ сотрудниковъ, какъ, напр., Грибовскій и Рибасъ, которые подъ его высокимъ покровительствомъ старались превзойти другъ друга, расхищая ея богатства. Въ два года бывшій писецъ изъ канцеляріи Потемкина, Грибовскій, награбилъ столько денегъ, что могъ содержать оркестръ, труппу шутовъ, гаремъ и лучшихъ лошадей столицы. У Потем-

кина были нѣкоторые благородные инстинкты, даже кое-какія либеральныя идеи. Фонъ-Визинъ, одинъ изъ независимыхъ умовъ той эпохи, пользовался покровительствомъ у него, какъ Ломоносовъ у Григорія Орлова. Между тѣмъ, Зубовъ принимаетъ участіе въ преслѣдованіи Радищева, Новикова и Княжнина. Его даже считали вдохновителемъ этого гоненія. Потемкинъ уничтожилъ висѣлицы въ польскихъ помѣстьяхъ, которыя перешли въ его собственность, тогда какъ Зубовъ въ аналогичныхъ случаяхъ вводилъ крѣпостное право среди мелкихъ собственниковъ мѣстнаго шляхетскаго населенія, привилегіи котораго признавались республикой.





Фавориты.

I.

Въ этой главѣ, какъ и во всей книгѣ, мы преслѣдуемъ исключительно историческій интересъ. Мы не можемъ вычеркнуть Григорія Орлова и его соперниковъ изъ исторіи Екатерины, точно такъ же, какъ не можемъ выбросить изъ исторіи Людовика XV мадамъ дю-Барри. Впрочемъ, скрыть фаворитовъ великой императрицы—значило бы итти противъ ея собственнаго желанія; она всегда претендовала на то, чтобы ихъ видѣли и чтобы ими восхищались. Мы, конечно, не будемъ раздѣлять ея восторговъ, но упускать ихъ изъ виду, считаясь съ ними какъ съ quantité négligeable, значило бы явно нарушать историческую истину: они слишкомъ велики для этого; они занимаютъ слишкомъ много мѣста. Всякая попытка набросить на нихъ вуаль, какъ на позорное явленіе, была бы оскорбительна для Екатерины и сводила бы ихъ роль на уровень, унизительный какъ для нея, такъ и для нихъ. Въ своемъ письмѣ къ императрицѣ отъ 1775 года Сиверсъ намекаетъ на слухи объ имѣющемся уже замѣстителѣ Потемкина, но онъ не боится вполнѣ открыто формулировать свои желанія и надежды, которыя онъ связываетъ съ выборомъ новаго фаворита. Онъ хотѣлъ бы, чтобы фаворитъ не имѣлъ никакого вліянія на дѣла управленія. Екатерина, наоборотъ, всегда добивалась противнаго. Она заботилась о томъ, чтобы избранники ея сердца или даже ея простые товарищи по удовольствіямъ принимали самое широкое участіе не только въ ея личной жизни, но и въ жизни страны, которая управлялась ея законами. И нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, играли такую роль, которую нѣтъ никакихъ основаній вы-

черкивать изъ исторіи. Это самые интересные, но и другіе также не лишены хотя бы нѣкотораго интереса.

Впрочемъ, они всѣ непохожи другъ на друга. Всѣ они, отъ перваго до послѣдняго, представляютъ разнообразіе и градацію чертъ или, по крайней мѣрѣ, ньюансовъ, очень любопытныхъ для наблюдателя, потому что обнаруживаютъ соотвѣтствующую модификацію вкусовъ, наклонностей и привычекъ, а отчасти, можетъ быть, мыслей и чувствъ самой Екатерины. Ихъ исторія, такимъ образомъ, даетъ намъ ключъ къ пониманію умственнаго и моральнаго развитія этой необыкновенной женщины, товарищами которой они были, и имѣетъ поэтому непосредственное отношеніе къ нашему предмету.

Вмѣстѣ съ Орловыми, Потемкинымъ и Зубовыми, о которыхъ мы говорили выше, мы должны оставить въ сторонѣ также первыхъ ея избранниковъ: Чернышева, Салтыкова и Понятовскаго, которые были любовниками великой княгини, но не были у трона императрицы и не носили классическаго титула *фаворитовъ*. Эти послѣдніе выступаютъ на сцену только послѣ переворота 1762 года, и первымъ въ этой роли дебютируетъ Григорій Орловъ. Послѣ него идетъ очень длинный рядъ, и мы не претендуемъ исчерпать его, но для нашей цѣли достаточно указать главныхъ представителей.

Первымъ по порядку идетъ просто первый встрѣчный, человѣкъ, который проходитъ мимо окна и является по знаку,—рядовой солдатъ.

«Гвардейскій поручикъ Васильчиковъ, котораго случай привелъ весной въ Царское Село... привлекъ на себя вниманіе императрицы. Этого менѣе всего можно было ожидать, такъ какъ красотой онъ не отличается, самъ онъ, въ свою очередь, никогда не старался обратить на себя вниманіе и былъ очень мало извѣстенъ въ обществѣ. Впервые императрица проявила свое вниманіе къ нему во время своего переѣзда изъ Царскаго Села въ Петергофъ: она послала ему золотую шкатулку и велѣла сказать ему, что это подарокъ за образцовый порядокъ среди его отряда... Объ этомъ говорили, но никакого значенія факту не придавали. Усердіе, которое проявлялъ этотъ офицеръ въ Петергофѣ, его стараніе быть всегда тамъ, гдѣ проходила императрица, радость государыни всякій разъ, когда она его отыскивала въ толпѣ, лучшее самочувствіе и болѣе веселое настроеніе государыни послѣ отъѣзда стараго фаворита, удрученный видъ

и недовольство родственниковъ и друзей послѣдняго, наконецъ, тысяча другихъ мелкихъ обстоятельствъ—все это раскрыло глаза придворнымъ».

Такъ извѣщаетъ объ этой новости баронъ Сольмсъ Фридриха II въ письмѣ отъ 3 августа 1772 года. Мѣсяцъ спустя, онъ пишетъ по тому же поводу:

«Я только что видѣлъ Васильчикова и узналъ его, такъ какъ встрѣчалъ его довольно часто раньше при дворѣ, гдѣ онъ совершенно терялся въ толпѣ. Это человѣкъ средняго роста, лѣтъ двадцати восьми, смуглый (sic) и довольно красивый. Онъ былъ всегда очень вѣжливъ со всѣми, очень милъ, но робокъ, и такимъ остался до сихъ поръ. Его, какъ-будто, стѣсняетъ та роль, которую ему приходится играть... Въ общемъ всѣ, имѣющіе отношеніе ко двору, недовольны этимъ выборомъ. Родственники и друзья князя Орлова, прислуга, лакеи и горничныя императрицы—всѣ крайне взволнованы по этому поводу. Они ходятъ удрученные, задумчивые, недовольные. Всѣ они были въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Орловымъ: онъ за ними ухаживалъ, онъ имъ покровительствовалъ. А Васильчиковъ человѣкъ неизвѣстный. Никто еще не знаетъ, будетъ ли онъ пользоваться такимъ же довѣріемъ, какъ его предшественникъ и какъ и для кого этимъ довѣріемъ воспользуется. Императрица себя чувствуетъ лучше, чѣмъ когда бы то ни было, всегда весела, довольна и только и думаетъ о празднествахъ и развлеченіяхъ».

Екатеринѣ теперь сорокъ три года. Григорій Орловъ находится въ Молдавіи и ничего не подозрѣваетъ. Всеобщее неодобреніе по поводу водворенія новаго фаворита, которымъ такъ довольна со своей стороны сама императрица, находитъ откликъ также въ дипломатическомъ корпусѣ: англійскій посланникъ Геннингъ даетъ суровый отзывъ объ этомъ новомъ капризѣ царицы, которой онъ считаетъ пятномъ на ея славѣ, справедливо пользующейся всеобщимъ признаніемъ. Впрочемъ, эта маленькая придворная революція, подготовленная Панинымъ при благосклонномъ участіи Барятинскаго, имѣетъ и политическое значеніе при всей ничтожности главнаго ея виновника—это реваншъ аристократической партіи, которая была недовольна близостью къ трону такого parvenu, какъ Орловъ. Фамилія Васильчиковыхъ происходила отъ древнихъ бояръ и состояла въ родствѣ съ Толстыми. Въ 1575 году эта фамилія дала Россіи царицу. Реваншъ былъ случайный и непродолжительный. Мѣсто, которое зани-

малъ въ теченіе десяти лѣтъ красавецъ Григорій со своими четырьмя братьями, было слишкомъ велико, чтобы этотъ новичокъ могъ удержать его за собой. Онъ только проходитъ, расчищая дорогу болѣе подходящему замѣстителю. Потемкинъ появляется, а онъ исчезаетъ. Saltavit et placuit. Онъ получаетъ богатые подарки, женится и очень счастливъ въ семейной жизни.

Пользуясь неосторожностью Потемкина, который уѣхалъ на нѣсколько недѣль изъ Петербурга, Панинъ, дѣйствуя на этотъ разъ въ согласіи съ Орловымъ, помогаетъ восторжествовать другому кандидату, человѣку совершенно другого типа. Украинецъ по просхожденію, начавъ свою карьеру суфлеромъ въ придворномъ театрѣ, Завадовскій становится затѣмъ директоромъ тайной канцеляріи губернатора Малороссіи фельдмаршала Румянцева. Это человѣкъ умный, образованный и опытный въ дѣлахъ и поэтому опасный соперникъ для будущаго завоевателя Крыма, который долженъ былъ употребить цѣлый годъ, чтобы освободиться отъ него. Онъ добился этого, отыскавъ ему преемника въ лицѣ Зорича.

Это единственный иностранецъ среди фаворитовъ императрицы, но славянскаго происхожденія—сербъ или кроатъ. Говорятъ, что на этотъ завидный постъ былъ приглашенъ курляндецъ Мантейфель, но отказался отъ этой чести. Но вообще Екатерина, повидимому, не расположена выбирать себѣ фаворитовъ не русскаго происхожденія. Память о Биронѣ, очевидно, служила ей предостереженіемъ. Сынъ подполковника русской арміи, Зоричъ самъ служилъ въ чинѣ поручика во время семилѣтней войны и въ чинѣ маіора въ первую турецкую кампанію. Теперь уже это человѣкъ зрѣлаго возраста. Только впослѣдствіи Екатерина будетъ ихъ брать чуть ли не со школьной скамьи. Впрочемъ, несмотря на то, что ему пришлось пережить много тяжелыхъ испытаній, пробыть нѣсколько лѣтъ въ плѣну у турокъ и сидѣть въ знаменитой турецкой каторжной тюрьмѣ, онъ и въ свои сорокъ лѣтъ могъ, по свидѣтельству всѣхъ своихъ современниковъ, служить совершеннымъ образцомъ мужской красоты и силы. Меге-де-ля-Тушъ, который видѣлъ его десять лѣтъ спустя, такъ отзывается о немъ:

«Это красавецъ, который просится на полотно. Ему, вѣроятно, подъ пятьдесятъ, но его глаза еще великолѣпны, а манеры полны граціи. Хотя у него нѣтъ недостатка въ природномъ умѣ, но бесѣда съ нимъ не слишкомъ занимательна... Онъ мнѣ

часто повторялъ, что раньше онъ былъ варваромъ, но что *его дама* сдѣлала изъ него совершенно другого человѣка. Онъ мнѣ много говорилъ о времени своего фавора и со слезами на глазахъ разсказалъ о проявленіяхъ вниманія къ нему со стороны *его дамы*».

Это, дѣйствительно, варваръ, но Екатерина уже беретъ на себя трудъ обтесать его: это прелюдія къ болѣе сложнымъ опытамъ интимнаго воспитанія, въ которомъ находятъ себѣ удовлетвореніе какъ ея научные и литературные вкусы, такъ и материнскіе инстинкты. Зоричу недостаетъ молодости и понятливости, чтобы подходить къ роли ученика. И, къ его несчастью, честолюбіе развивается у него гораздо скорѣе, чѣмъ его знанія и умъ. Онъ недоволенъ своимъ графскимъ титуломъ, который получилъ въ январѣ 1778 года, считая его ниже своего достоинства при своемъ положеніи. Онъ хочетъ стать княземъ, какъ Орловъ и Потемкинъ. Послѣдняго уже не приглашаютъ больше для розыска новыхъ кандидатовъ на это амплуа, которое вызываетъ такое чрезмѣрное честолюбіе. Послѣ нѣкоторыхъ оглядокъ и неудачныхъ попытокъ, когда на сцену появляется сначала какой-то персъ, отличавшійся необыкновенными физическими качествами,—впослѣдствіи экзотическіе элементы фигурируютъ въ большомъ числѣ среди пышной дворцовой стражи, которой себя окружила Екатерина, — затѣмъ министръ полиціи Архаровъ и, наконецъ, самъ эксъ-фаворитъ Завадовскій, за неимѣніемъ лучшаго, — послѣ всего этого господинъ положенія найденъ: это простой вахмистръ гусарскаго гвардейскаго полка Корсакъ.

Зоричъ, правда, не безъ сопротивленія уступилъ свое мѣсто. Онъ заявляетъ, что обрѣжетъ уши всѣмъ гусарамъ, которые захотятъ выжить его изъ дворца. Онъ доходитъ до того, что вызываетъ на дуэль своего стараго покровителя; но Потемкинъ отказывается драться съ нимъ, а когда сама Екатерина вмѣшивается въ этотъ споръ, отставка серба становится очень скоро свершившимся фактомъ. Его фаворъ продолжался одиннадцать мѣсяцевъ (1777—78). Онъ уходитъ съ четырехсоттысячной рентой и помѣстьемъ Шкловомъ въ Бѣлоруссіи, приносящимъ огромный доходъ. На долю Польши также приходится выплачивать пенсію этому бывшему фавориту. Послѣ пребыванія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за границей онъ окончательно поселяется въ этомъ краѣ, который начинаетъ напоминать княжество. Онъ

тутъ живетъ почти царькомъ съ многочисленнымъ дворомъ, театромъ, въ которомъ ставятъ французскія оперы и итальянскіе балеты, и проживаетъ большія деньги. Онъ основываетъ тутъ пресловутую военную школу, гдѣ на его счетъ воспитываются двѣсти молодыхъ людей, но ея существованіе находится въ постоянной опасности, такъ какъ средства, предназначенныя на ея содержаніе, проматываются. Въ одну ночь онъ проигрываетъ князю Волконскому пятьдесятъ тысячъ рублей.

Отправляясь въ 1870 году въ Могилевъ встрѣчать Іосифа II, Екатерина останавливается въ Шкловѣ. Чтобы принять ее тамъ, Зоричъ заново перестраиваетъ свой великолѣпный дворецъ и проявляетъ при этомъ такую деликатность и вниманіе, что воспроизводитъ въ этомъ новомъ зданіи спальню Зимняго дворца. Мы не знаемъ, было ли ему позволено для полной точности этой mise en scène принимать тамъ свою августѣйшую гостью. Но онъ тратитъ шестьдесятъ тысячъ рублей на саксонскій фарфоръ, за который Фридрихъ взимаетъ двойную пошлину на обѣихъ границахъ, чтобы наказать фаворита за то, что сдѣлалъ свою покупку не въ Берлинѣ.

Въ 1783 году владѣлецъ Шклова навлекаетъ на себя подозрѣніе въ томъ, что принималъ участіе въ фабрикаціи ассигнацій, которую накрываютъ по сосѣдству съ его резиденціей. Ему удается снять съ себя это обвиненіе, и онъ даже снова появляется при дворѣ послѣ смерти Екатерины и фигурируетъ тамъ до своей смерти въ 1799 году.

Въ этой серіи, которую мы намѣтили, Зоричъ былъ красивымъ мужчиной par exellence, а Корсакъ—теноромъ. Въ своемъ письмѣ къ Гримму отъ 7 мая 1779 года Екатерина выражаетъ увѣренность въ томъ, что если бы *горемыка* услышалъ его пѣніе, то онъ не могъ бы удержаться отъ слезъ, какъ это съ нимъ случилось на концертѣ знаменитой примадонны Габріелли [1]).

Царствованіе новаго фаворита составило цѣлую эпоху въ аналахъ музыкальнаго искусства въ Россіи. Въ качествѣ его парт-

---

[1]) Эта пѣвица была дочерью повара князя Габріелля, у котораго заимствовала имя, чтобы съ большимъ успѣхомъ объѣздить европейскія столицы и побывать также въ Петербургѣ. Ея пѣніе оставило неизгладимое впечатлѣніе у жителей столицы такъ же, какъ и ея связь съ высокопоставленнымъ придворнымъ сенаторомъ Елагинымъ, тѣмъ самымъ, который имѣлъ печальную привилегію принимать у себя графа Каліостро; на этотъ разъ онъ вывихнулъ себѣ ногу, дѣлая пируэтъ передъ красивой пѣвицей.

неровъ были выписаны изъ Италіи лучшіе артисты: подруга Алексѣя Орлова, Корилла Олимпика, читала свои вдохновенныя поэтическія импровизаціи подъ пѣніе красиваго тенора; скрипачъ Надини, котораго очень высоко цѣнили во Франціи, куда онъ отправится помирать въ 1799 году, имѣлъ честь ему аккомпанировать, а Екатерина пишетъ еще по этому поводу своему повѣренному: «Никогда у насъ не было столько искусства, науки, музыки и пр., сколько теперь... Я никогда не видѣла человѣка, который, дѣйствительно, наслаждался бы въ такой степени всѣми звуками гармоніи, какъ Пирръ, царь Эпирскій».

Пиръ, царь Эпирскій—это Корсакъ, или Корсаковъ, какъ его теперь обыкновенно называютъ. Екатерина любила давать насмѣшливыя прозвища, смыслъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ теперь очень трудно отгадать. Никакого видимаго сходства не было между замѣстителемъ Зорича и знаменитымъ завоевателемъ Македоніи. Его настоящее имя было, повидимому, Корсакъ. Онъ принадлежалъ къ очень древней, еще и теперь очень почтенной польской семьѣ, не претендовавшей на очень знатное происхожденіе. Когда онъ сдѣлался фаворитомъ, его имя было руссифицировано при помощи окончанія *овъ* въ интересахъ національнаго самолюбія и было связано съ высокимъ генеалогическимъ древомъ по общему правилу: «чтобы не заходить слишкомъ далеко, начнемъ съ Геркулеса»... Впослѣдствіи въ Россіи было много Корсаковыхъ, но ничего общаго не имѣвшихъ ни съ возлюбленнымъ прекрасной Омфалы, ни съ фаворитомъ Екатерины. Исторіи извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, одинъ, бывшій вице-губернаторомъ какой-то провинціи въ 1715 году и присужденный къ тѣлесному наказанію за преступленіе противъ частнаго права. Это не былъ родственникъ фаворита.

Получивъ орденъ кавалера польскаго орла и чины генералъ-адъютанта и камергера, осыпанный почестями и подарками, Корсакъ, или Корсаковъ, прилагаетъ всѣ старанія, чтобы оправдать проявленное къ нему вниманіе: онъ былъ уже артистомъ, теперь ему захотѣлось стать ученымъ. Библіотекарю было поручено составить ему библіотеку.

— Какія книги ваша милость хочетъ имѣть?

— Толстыя книги внизу, а поменьше вверху, какъ у императрицы.

Красивый молодой человѣкъ пользовался своимъ положеніемъ, и его послѣобѣденные часы, проведенные en tête-à-tête

съ императрицей среди драгоцѣнныхъ коллекцій «Эрмитажа» не пропадали для него даромъ. Къ несчастью, у него было слабое здоровье, и онъ скоро началъ харкать кровью; сердце также оказалось слабымъ: государыня застала его однажды въ объятіяхъ своего лучшаго друга, графини Брюсъ, которая также была неравнодушна къ артистамъ. Случайно открывшаяся дверь обнаружила Екатеринѣ эту общность чувствъ. Подозрѣвали Потемкина въ причастности къ этой исторіи. Онъ, можетъ быть, счелъ нужнымъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы нанести ударъ своему вѣчному врагу фельдмаршалу Румянцеву, родному брату графини Брюсъ. Но, можетъ быть, онъ просто разсудилъ, что фаворитъ слишкомъ долго засидѣлся на своемъ мѣстѣ. Его фаворъ продолжался пятнадцать мѣсяцевъ и обошелся Екатеринѣ въ милліонъ рублей: обыкновенные тенора стоятъ меньше даже въ наше время. Графиня Брюсъ была отправлена на нѣкоторое время въ Москву, куда за ней послѣдовалъ и разжалованный фаворитъ, который мирно прожилъ тамъ до глубокой старости. Екатерина была всегда очень внимательна къ своимъ старымъ слабостямъ, находя, очевидно, это лучшимъ средствомъ для успѣха съ новыми.

II.

«Я не ожидала, чтобы мое письмо къ натуралисту назвали шедевромъ. Правда, генералъ Ланской находилъ, что оно прекрасно написано. Но молодой человѣкъ съ такимъ пылкимъ умомъ можетъ легко увлекаться даже при всемъ своемъ тактѣ. Чтобы имѣть понятіе объ этомъ молодомъ человѣкѣ, вамъ нужно знать, какъ отозвался о немъ въ разговорѣ со своимъ другомъ князь Орловъ. «О!—сказалъ онъ,—вы увидите, какого она человѣка изъ него сдѣлаетъ! Онъ глотаетъ все». Онъ началъ съ того, что одну зиму глоталъ поэтовъ, въ другую—проглотилъ нѣсколькихъ историковъ. Романы намъ наскучили, и мы пристрастились къ Альгаротти и подобнымъ авторамъ. Мы немногому учились, но много знаемъ и бываемъ всегда въ обществѣ лучшихъ и образованныхъ людей. Кромѣ этого, мы занимаемся постройками, разводимъ сады, поощряемъ благотворительность, мы веселы, честны и очень милы».

Эти строки, въ которыхъ легко узнать стиль Екатерины, ея письменныхъ бесѣдъ съ Гриммомъ, относятся къ іюню 1782 года и намекаютъ на письмо, отправленное ею недавно Бюффону.

Императрица извѣщаетъ «горемыку» объ успѣхахъ своего новаго ученика. Коцебу несправедливъ къ этому молодому человѣку въ своей книгѣ, въ которой онъ довольно неудачно защищаетъ Екатерину и ея приближенныхъ отъ грубыхъ нападокъ Массона. «Ланской», пишетъ онъ, «былъ самымъ невѣжественнымъ человѣкомъ при дворѣ Екатерины, и сама императрица краснѣла, когда онъ обращался къ ней». Не нужно забывать, что въ тотъ моментъ, когда Екатерина обратила вниманіе на фаворита, ему было всего двадцать два года, и онъ, безъ сомнѣнія, не былъ ни невѣжественнѣе, ни образованнѣе большинства своихъ товарищей, гвардейскихъ офицеровъ. Но Чернышевы и Орловы научили еще двадцать лѣтъ тому назадъ Екатерину не быть особенно требовательной въ этомъ отношеніи, и ея дворъ никогда не былъ и не претендовалъ быть ученой комиссіей.

Происходя изъ семьи мелкопомѣстныхъ дворянъ, Ланской получилъ, вѣроятно, такое же образованіе, какое получило большинство приближенныхъ Екатерины. Онъ умѣлъ, навѣрное, читать и писать по-русски и болталъ немного по-французски. Когда Екатеринѣ вздумалось въ 1784 году заставить его переписываться со своими западными друзьями изъ литературнаго міра, то ей пришлось быть его секретаремъ. Письма фаворита къ Гримму за этотъ годъ написаны отъ первой до послѣдней строки рукой императрицы. Мы отъ этого ничего не потеряли, конечно. Вотъ нѣсколько выдержекъ для образчика:

«Вы видите,—это пишетъ Екатерина подъ диктовку Ланского,—какой у меня секретарь; онъ говоритъ, что мой былъ глупъ, какъ пробка, но я думаю, что только зависть къ товарищу по ремеслу можетъ заставить такъ говорить человѣка. Я былъ бы гораздо болѣе доволенъ имъ, если бы онъ излагалъ больше мои мысли, чѣмъ собственныя».

Въ слѣдующемъ письмѣ фаворитъ извѣщаетъ «горемыку» объ отправкѣ пятидесяти тысячъ рублей для покупки картинъ, которыя продавалъ графъ.

«Если этого будетъ мало, то остальныя деньги будутъ присланы немедленно, какъ только вы сообщите вашему покорному слугѣ или его секретарю, имя и почеркъ котораго, какъ онъ увѣряетъ, вамъ хорошо извѣстны. Этотъ секретарь, какъ вы знаете, очень добрый и милый человѣкъ, и мнѣ пріятно сказать про него мимоходомъ доброе слово, тѣмъ болѣе, что онъ

довольно аккуратно исполняетъ свои обязанности, усидчивъ, смѣтливъ, веселъ и вообще славный малый, безплатно служитъ мнѣ своимъ перомъ, а иногда и совѣтомъ и даже чаще, чѣмъ я того хочу».

Единствѣнное письмо отъ 31 мая 1784 года написано почеркомъ Ланского, очень правильно составлено, но очень немногословно и безсодержательно: это работа ученика, который старается дѣлать хорошо. «Онъ былъ прилеженъ и успѣвалъ», дѣйствительно, писала про него Екатерина на слѣдующій день послѣ его смерти. Онъ бралъ уроки французскаго языка у де-Серра, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ еще до своего назначенія. Этотъ послѣдній разсказывалъ, что имущество Ланского наканунѣ того дня, когда онъ сталъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ Россіи, состояло изъ пяти рубашекъ. Оставшись однажды безъ ночлега, гвардеецъ постучался къ своему другу. Де-Серръ ограничился тѣмъ, что уложилъ его спать рядомъ со своей кроватью на полу въ своей скромной комнатѣ эмигранта, ищущаго счастья. Черезъ нѣсколько недѣль, занимая уже во дворцѣ великолѣпные апартаменты, предназначенные для избранниковъ императрицы, Ланской пригласилъ къ себѣ своего гостепріимнаго хозяина, очень хорошо его принялъ, угостилъ ужиномъ, объявилъ, что оставляетъ его у себя ночевать, самъ легъ и пригласилъ француза сдѣлать то же самое—на полу. Де-Серръ долженъ былъ повиноваться и видѣлъ, должно быть, дурной сонъ.

Не довольствуясь изученіемъ французскаго языка, фаворитъ старался развить у себя вкусъ къ красивымъ вещамъ, какими любила себя окружать Екатерина. Онъ едва не упалъ въ обморокъ, если вѣрить Екатеринѣ, когда узналъ, что Гриммъ упустилъ случай купить для него дорогую коллекцію старинныхъ камней. Это былъ заурядный молодой человѣкъ, но съ очень милымъ характеромъ. Открытый и представленный Екатеринѣ Потемкинымъ, онъ въ глазахъ послѣдняго имѣлъ то преимущество, что не обнаруживалъ претензій, чуждыхъ его спеціальному назначенію. Лѣнивый по природѣ, онъ отбиваетъ охоту даже у Екатерины преслѣдовать какіе-нибудь честолюбивые планы въ его интересахъ. Всякое участіе въ государственныхъ дѣлахъ отпугивало его лѣнивую натуру. Его покровительница должна была довольствоваться для него внѣшнимъ блескомъ декоративнаго почета. Она его произвела—какъ, впрочемъ, и всѣхъ другихъ—

въ генералы, камергеры, сдѣлала шефомъ своего кирасирскаго полка, кавалеромъ большого креста *Полярной Звѣзды;* она просила Храповицкаго справиться въ золотой книгѣ русскаго дворянства, въ *Бархатной книгѣ*, не было ли тамъ какихъ-нибудь указаній о его предкахъ; она ему подарила много денегъ, дворцовъ, земель и брилліантовъ, всего на сумму въ семь милліоновъ рублей. Въ этомъ отношеніи она не встрѣчала сопротивленія съ его стороны. У молодого человѣка была своя слабость—онъ любилъ деньги. Онъ любилъ также выпить: мемуары того времени сохранили разсказъ о пуншѣ его изобрѣтенія—это была смѣсь изъ токайскаго вина, рома и ананасоваго сока, и онъ часто злоупотреблялъ этимъ напиткомъ. У него была также стѣснительная семья, крайне безпокойные братья, о которыхъ къ этому времени очень часто идетъ рѣчь въ перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ. Императрица отправляла ихъ путешествовать по Европѣ и заботилась о томъ, чтобы они тамъ не слишкомъ много напроказили, между тѣмъ какъ самъ фаворитъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, будучи крайне беззаботнымъ и въ этомъ отношеніи и совершенно свободнымъ отъ какой-либо склонности къ непотизму. Вся тяжесть этихъ заботъ падала на плечи царскаго «горемыки», которому по временамъ очень трудно приходилось отъ этой родни. Въ 1782 году онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи французскихъ властей, чтобы арестовать одного изъ этихъ несносныхъ братьевъ и отдѣлить его отъ женщины, съ которой онъ былъ въ связи. Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось описаніе этого романа.

Въ 1784 году еще нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы фаворъ Ланского приближался къ концу, хотя онъ уже продолжается четыре года: Потемкинъ имъ доволенъ по прежнему, а Екатерина его боготворитъ. Но внезапная болѣзнь, словно громомъ, сразила его красивое тѣло: скарлатина, осложненная ангиной, оказалась роковой для этого истощеннаго организма, который только искусственно поддерживался до сихъ поръ. Мемуары нѣмецкаго врача Вейкардта, лѣчившаго его, содержатъ по этому поводу поучительныя, хотя и жестокія, указанія. Но врачъ, можетъ быть, отомстилъ въ своемъ отзывѣ за плохое обращеніе съ нимъ больного. Ланской издѣвался надъ его горбомъ, заявлялъ, что не можетъ выносить вида его огромнаго носа, и высмѣивалъ его лѣкарства. Екатерина сидѣла на постели своего возлюбленнаго и забавлялась его выходками. Въ области меди-

цины, она, какъ извѣстно, была скорѣе ученицей Мольера, чѣмъ Вольтера, и отказывалась допустить и мысли о серьезной опасности для человѣка, котораго она считала такимъ здоровымъ. «Вы не знаете, что это за сильная натура», повторяла она Вейкардту. Нѣмецъ качаетъ головой и замѣчаетъ, что шпанскую мушку можно принять за силу натуры, но что это, во всякомъ случаѣ, сила разрушительная. Отказываясь отъ совѣтовъ Вейкардта, Ланской пользуется лѣкарствомъ своего постояннаго русскаго врача Соболевскаго и уходомъ своего всегда пьянаго лакея, который ему тайкомъ наливаетъ большіе бокалы вина. Горло у него воспалено, онъ не даетъ дотрогиваться до него. Но болѣзнь прогрессируетъ и поражаетъ другую часть тѣла. Тогда онъ призываетъ хирурга и позволяетъ употребить въ дѣло *свинцовыя бѣлила*: на этотъ разъ онъ и самъ признаетъ, что его жизнь въ опасности. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Вейкардтъ.

Онъ умеръ отъ удушья 25 іюня 1784 года. Печаль Екатерины не поддается описанію. Александръ Воронцовъ, котораго нельзя заподозрить въ пристрастномъ отношеніи къ императрицѣ и который всегда былъ склоненъ видѣть сентиментальную комедію въ ея любовной экзальтаціи, на этотъ разъ опасается, что она не перенесетъ такого горя. «Всѣ дѣла отложены въ сторону послѣ смерти Ланского», пишетъ французскій посланникъ Кайаръ 13 іюля, «и всѣ заняты императрицей, здоровье которой внушало вначалѣ большія опасенія». Черезъ два мѣсяца государыня все еще только изрѣдка принимаетъ своихъ министровъ, чтобы «нѣжнымъ и печальнымъ голосомъ» спросить у нихъ, какъ идутъ дѣла; затѣмъ она ихъ отпускаетъ и запирается въ своей комнатѣ съ сестрой покойнаго фаворита, мадамъ Кутелевой. Это послѣдняя—очень ограниченная женщина, которая была очень равнодушна къ своему брату, такъ же, какъ и онъ къ ней, но она обладаетъ способностью проливать слезы. Какъ только появляется императрица, она начинаетъ рыдать; государыня не отстаетъ отъ нея, и цѣлые дни проходятъ въ этихъ слезныхъ tête-à-tête. Въ своихъ письмахъ къ Гримму, которыя не прекращаются даже въ этотъ моментъ, Екатерина защищается, однако, отъ подозрѣнія въ небрежномъ отношеніи къ своимъ государственнымъ обязанностямъ. «Государственныя дѣла», пишетъ она, «идутъ у насъ, какъ и раньше; но въ моей частной жизни я уже не наслаждаюсь тѣмъ счастьемъ, которое

у меня было прежде. Я вся ухожу въ слезы и въ переписку, и это все... Если вы хотите знать мое душевное состояніе, то я могу вамъ сказать, что вотъ уже три мѣсяца, какъ я въ безутѣшномъ горѣ по непоправимой потерѣ. Единственное утѣшеніе, что я начинаю привыкать къ человѣческимъ лицамъ. Но мое сердце обливается кровью, какъ въ первый моментъ. Я исполняю свой долгъ и стараюсь это дѣлать хорошо; но я страдаю такъ, какъ никогда въ моей жизни не страдала; эти жестокія душевныя боли терзаютъ меня уже три мѣсяца, и я мучаюсь, какъ осужденный»...

Не нужно забывать, что ей теперь пятьдесятъ пять лѣтъ, но вотъ что она писала Захару Чернышеву за тридцать лѣтъ до этого момента по поводу менѣе мучительной, только временной разлуки:

«Первый день мнѣ казалось, будто я васъ ожидаю, такъ я привыкла васъ видѣть; второй день я мечтала и избѣгала общества; на третій день я умирала отъ тоски; на четвертый я потеряла аппетитъ и сонъ, все мнѣ стало противно, наряды и пр.; на пятый день начались слезы... Нужно ли еще называть вещи своими именами? Однимъ словомъ я васъ люблю!»

«Что за день будетъ для меня завтра!»—пишетъ она наканунѣ предстоящаго свиданія.—«Сулитъ ли онъ мнѣ то, чего я хочу? Нѣтъ, никогда тебя не будутъ любить, какъ я тебя люблю. Я волнуюсь и беру книгу, хочу читать, но на каждой строчкѣ вашъ образъ прерываетъ меня. Я бросаю книгу, ложусь на диванъ и хочу заснуть, но—увы! Въ теченіе двухъ часовъ мнѣ не удалось сомкнуть глазъ. Наконецъ, я немного успокаиваюсь, послѣ того, какъ написала вамъ. Мнѣ хочется вскрыть себѣ артерію и еще разъ пустить себѣ кровь; можетъ быть, меня это развлечетъ».

Наконецъ, около середины октября пріѣзжаетъ Потемкинъ, который въ это время былъ занятъ въ южныхъ провинціяхъ и за которымъ посылали курьера за курьеромъ, чтобы ускорить его возвращеніе. Онъ убѣждаетъ императрицу покинуть свое уединеніе въ Царскомъ Селѣ, гдѣ она упорно оставалась, несмотря на ненастныя осеннія погоды. Ея возвращеніе въ Петербургъ сопровождается необычайной перемѣной ея привычекъ и удрученнаго настроенія. Никого не предупредивъ, она приказываетъ заложить карету, словно для прогулки, внезапно подъѣзжаетъ къ Зимнему дворцу, гдѣ двери оказываются запертыми,



Взятіе крѣпости Очакова, 6 декабря 1788 года.

такъ какъ никто ее не ожидаетъ, отправляется въ Эрмитажъ, гдѣ также все заперто и пустынно, приказываетъ выломать двери, ложится спать, затѣмъ, проснувшись въ часъ ночи, отдаетъ распоряженіе стрѣлять изъ пушекъ, какъ обыкновенно дѣлали во время ея возвращенія, приводитъ въ смятеніе весь городъ этой ночной канонадой, поднимаетъ на ноги гарнизонъ и своихъ обезумѣвшихъ придворныхъ и сама кажется удивленной всѣмъ этимъ шумомъ. Но чрезъ нѣсколько дней она принимаетъ уже дипломатическій корпусъ со своимъ обычнымъ видомъ, спокойная, съ хорошимъ самочувствіемъ, свѣжая, какъ до катастрофы, привѣтливая и улыбающаяся, какъ всегда.

Скоро жизнь входитъ въ свою колею, и вѣчно юная императрица даетъ увлечь себя жизнью. Надпись на мавзолеѣ, возвышающемся на царскосельскомъ кладбищѣ, небрежно составлена и выгравирована и не даетъ даже точныхъ данныхъ о днѣ смерти человѣка, котораго такъ сильно любили и недавно еще столько оплакивали! Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и неутѣшная возлюбленная разсуждаетъ въ своей бесѣдѣ съ Гриммомъ объ этой печали, проявляя при этомъ совершенно неожиданную игривость мысли: «Я всегда говорила», заявляетъ она, «что этотъ магнетизмъ, который никого не можетъ излѣчить, не можетъ также и убить никого». Еще черезъ мѣсяцъ печаль совсѣмъ исчезаетъ: «Моя душа», пишетъ она, «стала спокойной и ясной, потому что мы сдѣлали усиліе надъ собой при помощи нашихъ друзей. Мы дебютировали комедіей, которую называютъ великолѣпной; это свидѣтельствуетъ о возвращеніи вдохновенія и веселья». Междометія изгнаны и—здѣсь выплываетъ настоящій мотивъ этого возврата къ веселымъ привычкамъ и развлеченіямъ прошлаго—я не могу пожаловаться на недостатокъ въ людяхъ, которые могли бы своею привязанностью и заботливостью обо мнѣ разсѣять и успокоить меня. Но нужно было время, чтобы пріобрѣсти вкусъ, и еще больше, чтобы привыкнуть къ этому».

Нужно было время! Ровно десять мѣсяцевъ до дня отправки этого письма, которое оканчивается признаніемъ: «Наконецъ, чтобы сказать вкратцѣ, у меня есть другъ, очень способный и очень достойный своего положенія».

Очень способный, ей можно повѣрить въ этомъ на слово. Его имя Ермоловъ, и это очень пріятный компаньонъ. Лѣто Екатерина проводитъ въ болѣе, чѣмъ когда-либо веселыхъ и

шумныхъ удовольствіяхъ. Однако, въ томъ созвѣздіи, въ которомъ только что угасъ Ланской и скоро засіяетъ Мамоновъ, этотъ новый любовникъ представляетъ собой звѣзду второй величины, блѣдную и тусклую. Послѣ пережитаго недавно тяжелаго кризиса Екатерина, повидимому, не въ состояніи еще поддаться одному изъ тѣхъ увлеченій, которыя у этой глубокой натуры никогда не проявляются въ видѣ простыхъ и грубыхъ чувственныхъ переживаній, а неизмѣнно захватываютъ не только ея сердце, но въ равной степени и ея умъ. На этотъ разъ у нея нѣтъ ни страсти, ни даже увлеченія къ красавцу, котораго она только что избрала безъ большого энтузіазма, холодно и спокойно, какъ-будто дѣло шло о бракѣ по расчету. Но она не прогадала. Человѣкъ достоинъ больше, чѣмъ своей функціи. Безбородко говоритъ о немъ, какъ о молодомъ человѣкѣ, очень воспитанномъ, скромномъ, любящемъ общество серьезныхъ и образованныхъ людей. Онъ даже выражаетъ опасеніе, что его скромныя манеры, его сдержанность и *благопристойная* любовь могутъ служить помѣхой для продолжительнаго фавора у любовницы, которую Корсаковъ и Ланской пріучили къ болѣе пикантному ухаживанію.

Онъ не обманывался. Не прошло и года, какъ Екатерина уже стала обнаруживать признаки утомленія. Великій руководитель царскими удовольствіями также не прочь былъ ускорить это разочарованіе; фаворитъ позволилъ себѣ передать императрицѣ, не предупредивъ объ этомъ раньше своего всемогущаго покровителя, письмо бывшаго крымскаго хана Сагинъ-Гирея, жившаго подъ надзоромъ въ Калугѣ и получавшаго пенсію въ 200,000 рублей; онъ жаловался на поборы, которыми Потемкинъ разорялъ его прежнихъ подданныхъ. Этого не могъ допустить Потемкинъ: въ апрѣлѣ 1786 года Сагинъ-Гирей теряетъ свою пенсію, а Ермоловъ лишается мѣста фаворита.

Новый кризисъ, который напоминаетъ смѣну министерствъ въ современныхъ европейскихъ конституціонныхъ странахъ, продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, и враги Потемкина прилагаютъ всѣ усилія, чтобы дать восторжествовать избранному ими кандидату. Нѣкоторое время казалось, что побѣда на ихъ сторонѣ и что предпочтеніе будетъ оказано ихъ ставленнику—курляндцу Менгдену. Но, наконецъ, поле борьбы остается за Потемкинымъ и его кандидатомъ, молодымъ и очаровательнымъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Эта исторія пріобрѣтаетъ значеніе важнаго собы-

тія, затрагивающаго даже международныя отношенія. Особенно доволенъ такимъ исходомъ графъ Сегюръ. «Ермоловъ», пишетъ онъ, «питалъ глубокое отвращеніе къ моей націи и въ частности ко мнѣ, позволялъ себѣ самыя грубыя выходки всякій разъ, какъ рѣчь заходила о Франціи, открыто высказывалъ мнѣ свое презрѣніе и не упускалъ случая, чтобы внушить императрицѣ свои старыя предубѣжденія противъ насъ. Хотя у него было мало таланта, чтобы пріобрѣсти большое довѣріе, но за его спиной стояла партія, которая пользовалась большимъ вліяніемъ и оказывала мнѣ большое противодѣйствіе».

III.

Его замѣститель, напротивъ, находился всецѣло подъ французскимъ вліяніемъ. На этотъ разъ Потемкинъ намѣтилъ человѣка вполнѣ придворнаго, съ очень хорошимъ воспитаніемъ и рафинированными вкусами. Онъ могъ даже опасаться, что блюдо окажется слишкомъ тонкимъ для двора, для котораго онъ былъ предназначенъ. «Рисунокъ хорошъ, но краски недорогія», сказала Екатерина, разсматривая портретъ кандидата. Она даетъ себя все-таки уговорить и вдругъ поддается чарамъ элегантнаго кавалера, блестящаго собесѣдника, который вызываетъ у нея, можетъ быть, старыя воспоминанія. «Я люблю и всю жизнь буду любить графа Понятовскаго», писала она также когда-то Захару Чернышеву.

Происходя изъ древней фамиліи, ведя свой родъ отъ Рюрика и, во всякомъ случаѣ, вписанный въ «Бархатную книгу», новичокъ льститъ новой склонности императрицы къ аристократизму. Начитанный во французской литературѣ, бѣгло разговаривающій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, сочиняющій также пьесы для театра, хотя и сомнительнаго качества, онъ совершенно естественно и безъ всякихъ усилій поддерживаетъ тотъ тонъ интимнаго кружка императрицы, который создался въ немъ благодаря присутствію графа Сегюра. Іосифъ II, познакомившійся съ нимъ во время своего путешествія въ Крымъ, отказывается признать его достойнымъ своей новой среды. «Новый фаворитъ», пишетъ онъ фельдмаршалу Ляши, «молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, невоспитанный ребенокъ... довольно красивый малый, но чувствующій себя, какъ-будто, не на своемъ мѣстѣ, и не умный» Это, можетъ быть, со стороны монарха чувство ревности или

неудовольствія, вызваннаго странными вольностями, которыя Екатерина терпитъ и даже поощряетъ въ этомъ красивомъ молодомъ человѣкѣ, который иногда, дѣйствительно, обнаруживаетъ капризы избалованнаго ребенка. Императору можетъ и не понравиться, когда ему разстраиваютъ партію въ вистъ, чтобы дать простому придворному время окончить карикатуру, которую ему вздумалось нарисовать мѣлкомъ на карточномъ столѣ. Сегюръ, князь де-Линь и ихъ товарищи изъ дипломатическаго міра менѣе строги въ своихъ отзывахъ. «Умный, общительный и изящный», пишетъ саксонецъ Сакенъ о фаворитѣ. Впрочемъ, и эти некстати нарисованныя карикатуры не мѣшаютъ самому Іосифу проявить нѣкоторое вниманіе къ этому невѣжливому партнеру, подарить ему дорогіе часы и наградить его титуломъ графа священной имперіи.

Что касается Екатерины, то она имѣетъ всѣ основанія быть довольной умомъ и знаніями своего новаго компаньона, потому что, не въ примѣръ Ланскому, теперь онъ сидитъ съ перомъ въ рукахъ, когда она пишетъ Гримму. Это даже по временамъ непослушный и своевольный секретарь, какъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ: «Я диктовала совершенно другое, но *Красное платье*—опять прозвище!—не захотѣло этого написать. Вы со временемъ узнаете, что это за красное платье, если вы этого не знаете еще».

Гриммъ не могъ не имѣть достаточныхъ свѣдѣній по этому поводу, но его считаютъ нужнымъ посвятить въ дѣло и пишутъ:

«Въ это красное платье одѣто существо съ прекраснѣйшимъ сердцемъ, въ которомъ таятся большіе запасы честности Ума у него за четверыхъ, неизсякаемый источникъ веселья, много оригинальности въ пониманіи вещей и въ способѣ ихъ описывать, великолѣпное воспитаніе и поразительная освѣдомленность во всемъ, что можетъ сообщить блескъ уму. Мы скрываемъ, какъ преступленіе, наше увлеченіе поэзіей; мы страстно любимъ музыку; у насъ рѣдкая способность быстро оріентироваться во всемъ. Богъ вѣсть, чего мы только не знаемъ. Мы декламируемъ, болтаемъ, умѣемъ поддерживать разговоръ въ самомъ лучшемъ обществѣ; мы очень вѣжливы; мы пишемъ по-русски и по-французски, какъ у насъ рѣдко кто умѣетъ писать, какъ по стилю, такъ и по содержанію. Наша наружность вполнѣ отвѣчаетъ нашимъ внутреннимъ качествамъ; у насъ

очень правильныя черты лица, чудесные черные глаза съ бровями, какихъ и на свѣтѣ нѣтъ, ростъ выше средняго, благородная осанка, легкая походка,—однимъ словомъ, мы такъ же солидны по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, какъ ловки, сильны и блестящи по внѣшнимъ качествамъ. Я убѣждена, что если бы вы встрѣтили это *красное платье,* то вы спросили бы его имя, если бы сразу не отгадали, кого вы видите передъ собой».

Запасы честности, открытые и отмѣченные Екатериной въ портретѣ двадцатишестилѣтняго молодого человѣка, который могъ мириться съ любовью женщины на тридцать лѣтъ старше его, несомнѣнно обнаруживаютъ у нея необычайную способность создавать себѣ иллюзіи. Но нужно сказать, что она имѣетъ дѣло съ рѣшительнымъ комедіантомъ, добросовѣстно играющимъ свою роль. Съ самаго начала свиданія старой императрицы со старымъ Понятовскимъ на Днѣпрѣ, вблизи Канева, фаворитъ все время обнаруживалъ всѣ признаки ревности страстно влюбленнаго человѣка. Сегюръ и де-Линь едва могли удержаться отъ смѣха, а Екатерина простодушно сожалѣетъ фаворита, искренно вѣря въ его муки любви. По окончаніи свиданія, которое прошло, какъ извѣстно, въ обмѣнѣ банальныхъ любезностей, она считаетъ нужнымъ увѣрять его, что ей было ужасно скучно. Ея письма къ Потемкину, отправленныя ею вскорѣ послѣ этого свиданія, дышатъ восторгомъ по поводу этой ловко сыгранной комедіи: «Саша—безцѣнный человѣкъ!» Саша—это Мамоновъ. И самъ Потемкинъ—золото за то, что нашелъ Сашу Екатеринѣ, и она по наивности не задумывается засвидѣтельствовать ему свою благодарность.

Но фаворитъ не наивный, не безсовѣстный человѣкъ и даже не циникъ. «Нѣкоторые изъ нихъ (изъ фаворитовъ)», замѣчаетъ Ланжеронъ въ своихъ мемуарахъ, «сумѣли облагородить свои унизительныя функціи: Потемкинъ, едва не сдѣлавшись императоромъ, Завадовскій своей административной дѣятельностью, Мамоновъ—стыдомъ, который онъ испытывалъ отъ своего положенія и котораго онъ не скрывалъ». Это наблюденіе подтверждается и другими показаніями о замѣстителѣ Ермолова. Такая черта указываетъ на то, что низменные инстинкты не могли заглушить въ этой натурѣ нравственнаго чувства болѣе высокаго порядка. Но плата за этотъ стыдъ слишкомъ велика, и, разъ рѣшившись во что бы то ни стало добиться завиднаго положенія, молодой человѣкъ уже проявляетъ достаточно спо-

собности и умѣнья защищать и высоко оцѣнить свою позицію. Въ своихъ мемуарахъ Гарновскій разсказываетъ, какъ фаворитъ велъ переговоры съ графомъ Брюсомъ объ имѣніи, съ которымъ послѣдній хотѣлъ развязаться и которое онъ хотѣлъ пріобрѣсти, не осмѣливаясь просить для этого денегъ у императрицы: онъ только что купилъ другое имѣніе за триста пятьдесятъ тысячъ рублей. Брюсъ даетъ понять, что ему не трудно будетъ найти другого покупателя. Императрица, которая присутствуетъ при разговорѣ, дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ нѣмой просьбы, обращенной къ ней со стороны Мамонова, и онъ со вздохомъ долженъ отказаться отъ покупки:

— Пожалуйста! Кто же такой вашъ другой покупатель?

— Казариновъ.

Фаворитъ становится блѣднымъ, какъ смерть, и готовъ упасть въ обморокъ.

— Но вѣдь у Казаринова ничего нѣтъ!—шепчетъ онъ съ растеряннымъ видомъ, поглядывая на императрицу.—Гдѣ же онъ возьметъ столько денегъ?

Екатерина, наконецъ, вмѣшивается въ разговоръ. У нея въ теченіе нѣсколькихъ дней натянутыя отношенія съ фаворитомъ, который, очевидно, проявилъ небрежность при исполненіи своихъ обязанностей, и она не преминула ободрить молодого офицера Казаринова, который уже давно старается обратить ея вниманія на себя.

— Развѣ только одинъ Казариновъ на свѣтѣ?—сказала она, глядя на фаворита и растягивая свои слова.—Купитъ, можетъ быть, не тотъ, о которомъ вы думаете.

Вдругъ Мамоновъ въ самомъ дѣлѣ падаетъ въ обморокъ. Его уносятъ и укладываютъ въ постель, такъ какъ у него лихорадка. Оба придворныхъ врача, Роджерсонъ и Мессингъ, крайне обезпокоены. Только Рибопьеръ, которому больной цѣлуетъ руки въ знакъ благодарности, находитъ настоящее лѣкарство для него и приводитъ къ его постели императрицу, которая раскаивается и безконечно счастлива, убѣдившись, что ее такъ страстно любятъ,—а она сама и не думаетъ уходитъ отъ него.

Фаворитъ устраиваетъ иногда императрицѣ сцены à la Потемкинъ, чаще всего, когда добивается участія въ государственныхъ дѣлахъ. Екатерина съ своей стороны охотно идетъ навстрѣчу этимъ желаніямъ: она дѣлаетъ выговоръ однажды Храповицкому за то, что онъ отправилъ фельдмаршалу Салтыкову

важный документъ, не сообщивъ о немъ предварительно фавориту. Но честолюбіе заставляетъ Мамонова завидовать даже Безбородко, талантами котораго Екатерина еще пока дорожитъ. «Плевать я хочу на его таланты, на него и на всю его банду!» закричалъ онъ однажды. Она цѣлую ночь проплакала, но на слѣдующій день уступила требованіямъ фаворита, и министръ получилъ отставку.

Но вотъ наступаетъ день, когда этотъ человѣкъ, который превратилъ свое чувство въ орудіе своего честолюбія и благосостоянія, жертвуетъ тѣмъ и другимъ—для любви. Эта цѣлая драма, которая разыгрывается по этому поводу между Эрмитажемъ и Зимнимъ дворцомъ и которая нашла литературную обработку въ «Фаворитахъ» мадамъ Биршъ-Пфейферъ, поставленныхъ на берлинской сценѣ въ 1831 году. Послѣ перваго представленія, на которомъ присутствовали германскія принцессы, правнучки Екатерины, русскій посланникъ графъ Рибопьеръ, сынъ услужливаго исцѣлителя фаворита, добился воспрещенія дальнѣйшихъ постановокъ этой пьесы, къ великому огорченію Крейлингеръ и Гагенъ, которыя «такъ играли»: одна—роль императрицы, другая—ея соперницы, говоритъ Рибопьеръ въ своихъ мемуарахъ, «что ихъ слѣдовало бы прогнать со сцены».

20 іюня 1789 года Екатерина, сидя за работой съ Храповицкимъ, прерываетъ вдругъ чтеніе какого-то рапорта:

— Слышали вы, что произошло?

— Да, государыня.

— Восемь мѣсяцевъ я это подозрѣвала! Онъ удалился отъ всѣхъ. Онъ даже меня избѣгалъ. Грудная болѣзнь его удерживала въ комнатѣ. Затѣмъ онъ вздумалъ говорить о мученіяхъ совѣсти, которыя заставляютъ его страдать и дѣлаютъ невозможной нашу дальнѣйшую совмѣстную жизнь. Измѣнникъ! Это другая любовь, это двоедушіе его душило! Почему было откровенно не сознаться, если онъ не могъ преодолѣть своего чувства? Если бы онъ мнѣ во-время разсказалъ, то все, что произошло три дня тому назадъ, могло бы быть на полгода раньше. Онъ не можетъ себѣ представить даже, что я выстрадала!

— Всѣ удивляются, почему Ваше Величество дало свое согласіе на этотъ бракъ.

— Богъ съ ними! Я желаю имъ счастья... Но вотъ посудите: я имъ простила, благословила ихъ союзъ, имъ бы въ восторгѣ быть, а они оба готовы расплакаться! Ахъ, нѣтъ!

Старая любовь не умерла у него. Вотъ уже больше недѣли какъ онъ меня вездѣ преслѣдуетъ своими взглядами. Странно!.. Раньше, вы помните, у него была охота ко всему и большая расторопность; теперь у него все изъ рукъ валится, ему все противно, и грудь всегда болитъ. Князь мнѣ какъ-то говорилъ это зимой: «Матушка, плюньте на него!» и указалъ мнѣ пальцемъ на Щербатову. Но я была слѣпа и принялась оправдывать его!..

Это не діалогъ изъ пьесы мадамъ Биршъ-Пфейферъ, а точная перепечатка страницы изъ журнала аккуратнаго и добросовѣстнаго Храповицкаго.

Щербатова была фрейлиной и въ качествѣ таковой жила во дворцѣ, не смѣла отлучаться безъ спеціальнаго разрѣшенія даже къ самымъ близкимъ родственникамъ. Это обстоятельство благопріятствовало связи между ней и Мамоновымъ, о развязкѣ которой мы только что узнали. И Екатерина сама разсказываетъ намъ въ своемъ разговорѣ съ секретаремъ, какъ она сама узнала объ этой измѣнѣ:

«Онъ пришелъ въ понедѣльникъ, 18 іюня, и сталъ жаловаться на мое холодное отношеніе къ нему. Я ему отвѣтила, что онъ самъ знаетъ, что произошло послѣ сентября, и какъ я страдала по этому поводу. Онъ спросилъ у меня совѣта, какъ ему быть.—Ты уже давно не слушаешься моихъ совѣтовъ, сказала я, но разъ намъ необходимо разойтись, то я подумаю о твоей судьбѣ.—Затѣмъ я отправила ему записку, изъ которой онъ могъ узнать, что онъ уходитъ съ блестящимъ положеніемъ; въ то же время мнѣ пришла въ голову мысль женить его на дочери графа Брюса. Ей только тринадцать лѣтъ, но она уже вполнѣ сформировалась, я это знаю. Но вотъ онъ дрожащимъ голосомъ сознается мнѣ, что онъ влюбленъ въ Щербатову и еще полгода тому назадъ обѣщалъ жениться на ней. Судите сами, что я должна была испытать при этомъ».

Жалобный монологъ покинутой старой любовницы тянется еще долго, но, продолжая свои ламентаціи и грустныя размышленія, Екатерина дѣлаетъ въ то же время распоряженія: ей приносятъ сначала драгоцѣнное кольцо, затѣмъ пачку банковыхъ билетовъ на сумму въ десять тысячъ рублей. Она отдаетъ драгоцѣнность и деньги Храповицкому, который уже знаетъ, какъ ими нужно распорядиться. Разговоръ имѣлъ мѣсто, какъ и всегда, во время утреннихъ занятій въ спальнѣ государыни. Секретарь

скромно встаетъ и кладетъ вещи, которыя ему ввѣрили, подъ подушку на большой постели, которая въ этотъ же вечеръ должна стать брачнымъ ложемъ: кольцо и деньги предназначаются для молодого обворожительнаго Зубова, которому Анна Нарышкина выхлопотала доступъ ко дворцу, какъ только начался кризисъ.

Свадьба Мамонова состоялась недѣлю спустя. Согласно обычаю невѣсту заканчиваютъ убирать въ апартаментахъ императрицы, которая тутъ же возсѣдаетъ и сама принимаетъ участіе въ этомъ. Когда царская рука прикоснулась къ прическѣ молодой дѣвушки, то послѣдняя, по словамъ одного свидѣтеля, вскрикнула отъ боли: золотая булавка вонзилась въ ея голову. Другіе свидѣтели говорятъ о позорномъ покушеніи, жертвой котораго сдѣлалась молодая пара черезъ нѣсколько дней: замаскированные проникли въ комнату, которая плохо охранялась вопреки приказу Екатерины, вырвали молодую жену изъ объятій бывшаго фаворита и на его глазахъ изсѣкли ее до крови кнутомъ. То, что мы достовѣрно знаемъ объ отношеніяхъ Екатерины къ своему бывшему любовнику, совершенно опровергаетъ эти разсказы. Покидая Петербургъ, Мамоновъ увозитъ новый подарокъ въ три тысячи крѣпостныхъ и въ сто тысячъ рублей деньгами, которыя ему выдаются изъ казны, несмотря на крайнія финансовыя затрудненія. Онъ увѣрялъ даже своихъ приближенныхъ, что, по примѣру Потемкина, онъ послѣ своего ухода сохраняетъ привилегіи и вліяніе, связанныя съ его бывшимъ положеніемъ. Екатерина, безъ сомнѣнія, глубоко задѣта и даже несправедлива по этому поводу къ своему лучшему другу, предупрежденіемъ котораго она пренебрегла. Она забыла объ этомъ и пишетъ завоевателю Крыма: «Вы меня сразу излѣчили бы, если бы сказали правду... Я никогда ничьимъ тираномъ не была и всегда возставала противъ всякаго принужденія... Неужели вы меня не знали съ этой стороны... и считали такимъ узкимъ эгоистомъ?» Но въ этихъ упрекахъ больше печали, чѣмъ гнѣва. Что касается Потемкина, то онъ по своему выходитъ изъ этого затрудненія: «Мамоновъ—дуракъ. Какъ можно покидать такъ глупо мѣсто, которое дано было ему, чтобы хранить его! Но потеря не велика». Онъ и не помнитъ уже, что самъ же былъ первымъ покровителемъ и благодѣтелемъ фаворита. «Я никогда не ошибался въ немъ», пишетъ онъ; «это какая-то смѣсь безпечности и эгоизма. Въ послѣднемъ отношеніи онъ былъ на-

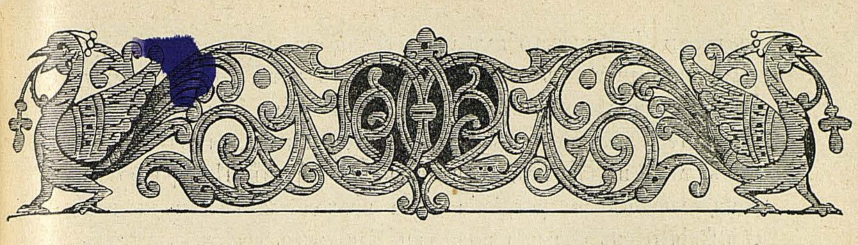
стоящимъ Нарциссомъ. Думая только о себѣ, онъ требовалъ всего и ничего не давалъ взамѣнъ. Изъ лѣни онъ забывалъ даже о приличіи. Какъ бы ни была ничтожна вещь, но разъ она ему понравилась, то онъ долженъ былъ ее получить во что бы то ни стало. Вотъ каково счастье княжны Щербатовой!»

И Екатерина находитъ, наконецъ, утѣшеніе въ мысли, которую ей внушаетъ всегда предупредительный Рибопьеръ, что экс-фаворитъ сошелъ съ ума, какъ Орловъ: «вообразите, онъ хотѣлъ даже остаться со своей женой при дворѣ, какъ раньше. Какое противорѣчивое положеніе и какія безумныя идеи!» Къ тому же у нея нѣтъ ни желанія, ни досуга копаться дольше въ своихъ чувствахъ или мстить, такъ какъ ея письма за слѣдующій мѣсяцъ указываютъ уже на другую заботу—именно снискать сочувствіе у своего далекаго друга, занятаго теперь войной съ турками, къ «совершенно невинной душѣ», которая была въ восторгѣ отъ красиваго кольца и пачки банковыхъ билетовъ и жаждетъ ласки: «такъ вотъ, мой другъ, пришлите *намъ* ласокъ, для того, чтобы мы были вполнѣ веселы». Она снова вернулась къ своему здоровому веселью, которое только одинъ Ланской — уже такъ основательно забытый! — могъ омрачить на болѣе долгое время. Пройдетъ еще немного времени, и она съ совершенной непринужденностью ликвидируетъ съ Гриммомъ этотъ досадный инцидентъ: «Такъ какъ ученица мадмуазель Кордель нашла *Красное платье* болѣе достойнымъ сожалѣнія, чѣмъ гнѣва, и жестоко наказаннымъ за свою жизнь самой глупой страстью, которая сдѣлала его смѣшнымъ и неблагодарнымъ, то она сочла нужнымъ поскорѣе покончить съ этой исторіей къ общему удовольствію заинтересованныхъ сторонъ... По всѣмъ видимостямъ, ихъ семейная жизнь далеко не изъ счастливыхъ».

Дѣйствительно ли это былъ несчастный бракъ? Была опубликована переписка Екатерины съ ея экс-фаворитомъ, начавшаяся на слѣдующій день послѣ его ухода и продолжавшаяся до 1795 года. Вначалѣ банальныя съ обѣихъ сторонъ, эти письма черезъ нѣсколько лѣтъ мѣняютъ свой тонъ и обнаруживаютъ, по крайней мѣрѣ у Мамонова, душевное состояніе, мало благопріятное для семейныхъ добродѣтелей. Въ декабрѣ 1792 года бывшій фаворитъ сознается, что онъ глубоко несчастенъ. Безъ сомнѣнія, добрая государыня создала ему положеніе, завидное во многихъ отношеніяхъ, но сожалѣніе о томъ, что онъ ее не можетъ больше увидѣть, не оставляетъ мѣста для радости въ

его жизни. Высланный въ Москву послѣ своей свадьбы, онъ мечтаетъ только объ одномъ: вернуться въ Петербургъ и приблизиться къ той, отъ которой не долженъ былъ бы уходить никогда въ интересахъ своего счастья. И склонность къ иллюзiямъ такъ велика въ умѣ шестидесятилѣтней возлюбленной, въ этомъ ненасытномъ сердцѣ, въ этомъ воображенiи, которое всегда готово вспорхнуть какъ у двадцатилѣтней дѣвушки, что ее нисколько не поражаютъ эти изумительныя признанiя. «Я такъ и знала», говоритъ она Храповицкому, «онъ не можетъ быть счастливъ». И она со своей стороны начинаетъ размышлять о послѣдствiяхъ возврата къ прошлому. Но нѣтъ! Зубовъ здѣсь, и «одно дѣло пойти съ нимъ въ садъ и видѣть его въ четыре часа, другое дѣло жить съ нимъ». И если бы онъ вернулся, то совмѣстная жизнь началась бы, безъ сомнѣнiя, снова. Она боится этой возможности и, отвѣчая ему въ самыхъ нѣжныхъ выраженiяхъ, откладываетъ на одинъ годъ свиданiе со смѣлымъ сикофантомъ, которому, вѣроятно, Потемкинъ, боровшiйся въ это время съ новымъ фаворитомъ, продиктовалъ этотъ урокъ. Но черезъ годъ Мамоновъ самъ отказывается отъ приглашенiя, боясь Зубова, укрѣпившагося въ своей позицiи, и страшной перспективы помѣряться силами съ такимъ могущественнымъ соперникомъ одинъ на одинъ, послѣ того какъ Потемкина уже нѣтъ въ живыхъ. У Зубова уже не было замѣстителя.





Философскія идеи въ Россіи — Новиковъ. Фонвизинъ. — Радищевъ.

I.

Ко времени разрыва отношеній между Екатериной и ея прежними французскими и швейцарскими друзьями начинаются также акты насилія съ ея стороны противъ представителей отечественной философіи. Было и въ Россіи нѣсколько философски образованныхъ человѣкъ, которыхъ до сихъ поръ терпѣли и даже награждали дружескимъ вниманіемъ, хотя далеко не въ такой степени, какъ ихъ иностранныхъ соперниковъ. Они вообще были мало извѣстны, но заслуживали лучшаго отношенія къ себѣ уже потому, что открывали глаза на ту среду, къ которой сами принадлежали. Въ нихъ для насъ съ удивительной точностью и выпуклостью обнаруживается различіе между интеллектуальнымъ и моральнымъ типомъ и его естественнымъ развитіемъ, выразителями котораго они являются, и классическимъ типомъ Запада.

Существуютъ различныя мнѣнія о симпатіяхъ, вызванныхъ въ Россіи или, по крайней мѣрѣ, среди группы лицъ, извѣстныхъ своими независимыми взглядами, тѣмъ идейнымъ движеніемъ, логическимъ, хотя и несчастнымъ во многихъ отношеніяхъ, завершеніемъ котораго явилась революція. Два князя Голицыныхъ принимаютъ участіе съ оружіемъ въ рукахъ во взятіи Бастиліи; пріѣхавшій въ мартѣ 1790 года въ Парижъ Карамзинъ расхаживаетъ съ трехцвѣтной кокардой на шляпѣ и въ восторгѣ отъ революціи. Будущій министръ Александра, молодой графъ Строгановъ, попадаетъ, благодаря своему учителю Ромму, на засѣданія Учредительнаго Собранія, записывается

въ члены Якобинскаго клуба и восклицаетъ по этому поводу: «Лучшимъ днемъ въ моей жизни будетъ тотъ, когда я увижу Россію возрожденной въ такой же революціи». Эти неожиданные актеры великой драмы служили темой какъ для сочувственныхъ, такъ и для враждебныхъ комментаріевъ. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла приходится внести въ эти свѣдѣнія очень большія поправки. Карамзинъ изложилъ собранныя имъ во Франціи впечатлѣнія въ серіи писемъ, которыя производятъ такое же впечатлѣніе, какое вызвала въ средѣ французскихъ романистовъ недавно опубликованная переписка одного русскаго романиста, друзьями котораго они себя считали. Доминирующій тонъ ихъ—это ужасъ, внушенный мнимому поклоннику революціи очень многими ея актами.

До Карамзина во Франціи былъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и независимыхъ людей тогдашней Россіи: въ концѣ 1777 года авторъ «Бригадира» Фонвизинъ поселился въ Монпелье, откуда онъ затѣмъ переѣхалъ въ Парижъ. Въ своей перепискѣ съ сестрой и своимъ другомъ, графомъ Панинымъ, онъ насъ также знакомитъ со своими впечатлѣніями и взглядами на страну и эпоху, которыя ему приходилось наблюдать. Мы находимъ у него суровые отзывы о монархіи, но еще болѣе сурово его мнѣніе объ обществѣ, которое на его глазахъ пробивало брешь въ этой монархіи. Онъ критикуетъ и поноситъ даже самыя привлекательныя стороны, которыя на нашъ взглядъ еще до сихъ поръ сохранили обаяніе этого исчезнувшаго міра и искупаютъ его слабости и заблужденія. На собраніяхъ музыка отвратительная, а разговоръ безсодержательный; въ ресторанахъ хорошія блюда часто испорчены плохой сервировкой. Нескромнымъ взглядомъ судебнаго слѣдователя онъ докапывается до изнанки этого элегантнаго міра и обнаруживаетъ его интимную нищету: рубашку изъ грубаго холста подъ волнами кружевъ, жирныя пятна подъ жабо ослѣпительной бѣлизны. Онъ видитъ грандъ-даму, обѣдающую на кухнѣ, когда она одна, чтобы съ экономить на освѣщеніи столовой. Такую же нетерпимость онъ проявляетъ по отношенію къ умственной жизни: въ этомъ легкомысленномъ обществѣ мало думаютъ, потому что говорятъ слишкомъ много, и тѣ немногія идеи, которыя у него имѣются, представляютъ смѣсь невѣжества и суевѣрія. Что касается нравовъ, то тамъ царитъ полный развратъ: честь и честность существуютъ только на словахъ, а о другихъ добродѣте-

ляхъ нельзя даже услышать и въ разговорѣ. Двѣ основныя черты проглядываютъ въ его сужденіяхъ. Прежде всего видна консервативная тенденція: бурбонская монархія производитъ на него впечатлѣніе зданія, «въ которомъ несчастье жить, но было бы, однако, безуміемъ его разрушить». Затѣмъ обнаруживается идея о превосходствѣ его родины. Въ свою бытность въ Ліонѣ онъ приходитъ къ заключенію, что самыя красивыя улицы этого города не стоятъ и переулка Петербурга. Въ Парижѣ онъ видитъ только злачное мѣсто для привлеченія иностранцевъ, спектакли и уличныхъ женщинъ. Трагедія очень посредственна, а опера невозможна. Постановка «Бригадира» въ Эрмитажѣ имѣетъ въ его глазахъ гораздо большую цѣнность.

И это не индивидуальныя впечатлѣнія, не изолированныя свидѣтельства. Во всей тогдашней русской литературѣ трудно было бы открыть даже проблески симпатіи къ освободительному и реформаторскому движенію, которымъ охвачена была въ этотъ моментъ Франція. Явно враждебное отношеніе проявляется даже въ журналахъ модъ, которые всячески превозносятъ платья *à la королева* и прически *à la контръ-революція.* «Рука дрожитъ отъ ужаса, когда начинаешь этотъ разсказъ»... такъ начинаетъ свою статью «С.-Петербургская Газета», описывая взятіе Бастиліи. «О, Картушъ, Картушъ, несравненный художникъ въ своемъ родѣ, воскресни, явись въ Національное Собраніе и потребуй своей реабилитаціи. Ты можешь быть увѣренъ, что тебя тамъ удовлетворятъ»... И такой тонъ является доминирующимъ въ русской прессѣ, начиная съ 1790 года.

Даже тѣ, которые сочувствовали тогда въ Россіи идеямъ свободы и реформы, также являются рѣшительными противниками западнаго вліянія, въ особенности французскаго. Въ освободительномъ и реформаторскомъ движеніи, которое является слабымъ отголоскомъ европейской бури въ этомъ спящемъ обществѣ, обнаруживаются два теченія: одно съ элементами иностраннаго происхожденія, съ болѣе или менѣе ассимилированными продуктами западной культуры, французской, германской, англійской,—другое по существу своему національное, туземное, энергично борющееся съ первымъ. Представителями втораго теченія являются самые просвѣщенные умы той эпохи, отъ драматурга Фонвизина до историка славянофила Болтина, отъ основателя школъ Новикова до памфлетиста Радищева. Всѣ они націоналисты, реформаторы и либеральные, но своеобразные,

ничего общаго не имѣющіе ни съ предтечами великой революціи, ни, тѣмъ менѣе, съ ея непосредственными творцами.

II.

Рѣзко нападая на нѣкоторые институты, въ которыхъ онъ видитъ припятствіе для духовнаго и матеріальнаго развитія своей странѣ, между прочимъ, и на крѣпостное право, идя въ этомъ отношеніи гораздо дальше даже самыхъ смѣлыхъ западныхъ мыслителей, Новиковъ въ то же время выступаетъ рѣшительнымъ врагомъ скептицизма, овладѣвшаго, по его мнѣнію, умами западныхъ философовъ. Эта реакція противъ указанной тенденціи подчиняетъ его вліянію франкмасонства, а затѣмъ и *иллюминизма* Сенъ-Мартена. Какъ въ сатирическихъ, такъ и моралистическихъ своихъ произведеніяхъ онъ остается всегда мистикомъ.

Исторія философскаго и реформаторскаго движенія въ Россіи почти совпадаетъ въ эту эпоху съ исторіей масонства, а это русское масонство носитъ на себѣ специальную печать своеобразнаго идеализма, аскетизма и экзальтаціи; въ немъ рѣзко обозначена борьба съ современнымъ иррелигіознымъ матеріализмомъ, и въ то же время по своимъ внѣшнимъ обрядамъ и испытаніямъ, которымъ подвергались его адепты и которыя отличались необыкновенной сложностью и жестокостью, оно далеко оставляетъ за собой всѣ западно-европейскіе образцы. Въ такой же таинственной и эксцентричной формѣ секта ведетъ пропаганду въ Петербургѣ и Москвѣ въ пользу ученія Сенъ-Мартена. Самъ Сенъ-Мартенъ, повидимому, никогда не пріѣзжалъ въ Россію; его прозелиты рекрутировались за границей среди русскихъ путешественниковъ, которыхъ ему удалось тамъ встрѣтить. Въ Монбельярѣ онъ имѣлъ случай встрѣтить тещу великаго князя Павла, и она затѣмъ сдѣлала изъ него оракула. Въ Лондонѣ онъ подчинилъ своему вліянію князя Алексѣя Голицына и на нѣкоторое время даже Семена Воронцова. Польскій дворянинъ Грабянка, русскій адмиралъ Плещеевъ и баварецъ Шварцъ были главными распорядителями его ученія въ Россіи. Въ Москвѣ было учреждено типографское общество, которое, на ряду съ произведеніями Якова Бёме, Арндта и Шпенера, печатало оригинальныя и переводныя сочененія, излагавшія *моральную религію* секты. Скоро вся литература была пропитана

этимъ ученіемъ, а русское общество оказалось очень воспріимчивымъ къ нему. Книга Сенъ-Мартена: «Ошибки добродѣтели», переведенная Страховымъ и *Arcana coelestia* (небесныя тайны) Сведенборга нашли въ Петербургѣ и въ Москвѣ ревностныхъ читателей. Новиковъ былъ душой этого движенія; вскорѣ послѣдовалъ разрывъ его дружескихъ отношеній съ Екатериной.

Екатерина вначалѣ благосклонно смотрѣла на развитіе движенія, отъ котораго она даже ждала воды для своей мельницы: классическое франкмасонство, съ котораго начали Новиковъ и его друзья, держалось вполнѣ благонамѣренныхъ взглядовъ въ области государственныхъ вопросовъ, и Екатерина, въ свою очередь, была еще подъ вліяніемъ гуманитарныхъ идей и подъ впечатлѣніемъ своихъ собственныхъ либеральныхъ выступленій. Поддерживались добрыя отношенія какъ съ національными сектантами, такъ и съ западными философами. Ложа, основанная въ 1784 году въ Петербургѣ на средства государыни, присвоила себѣ названіе *Императорской*. Въ то же время польскіе масоны организовались въ Варшавѣ и дали національной группѣ названіе «Екатерина подъ сѣверной звѣздой». Дѣло круто измѣнилось, когда на горизонтѣ появился *иллюминизмъ*. Позитивистскій умъ Екатерины никакъ не могъ съ нимъ примириться. Всѣ ея произведенія, какъ извѣстно, были проникнуты реакціонной тенденціей и враждебнымъ отношеніемъ къ мистическимъ идеямъ. Связи послѣдователей Мартена съ семьей великаго князя Павла вызвали еще большее нерасположеніе государыни. Въ 1788 году Новиковъ присваиваетъ построенной имъ школѣ названіе Екатерининской и на торжествѣ его открытія дѣлаетъ надпись: «Домъ Минервы посвященъ Минервѣ русской». Но этого недостаточно, чтобы улучшить положеніе основателя школы. Онъ уже потерялъ свой вѣсъ въ глазахъ императрицы. Когда она черезъ четыре года сама занялась вопросомъ національнаго образованія, то она даже не пригласила Новикова участвовать въ ея трудахъ.

Тѣмъ не менѣе, враждебныя дѣйствія начинаются только въ 1792 году. Объявленіе войны французскимъ философамъ ведетъ къ началу кампаніи и противъ русскихъ мартенистовъ. Только во второмъ случаѣ сраженіе ведется уже не при помощи эпиграммъ. Въ 1792 года подъ ничтожнымъ предлогомъ нарушенія регламента о печати былъ отданъ приказъ объ арестѣ Новикова. Веденіе процесса поручено князю Прозоровскому и Этьену

Шешковскому, петербургскому и московскому полицеймейстерамъ, но въ дѣйствительности за это дѣло берется сама Екатерина и проявляетъ при этомъ крайнюю страстность, доходящую до неистовства. Въ глубинѣ души она не вѣритъ въ идейный характеръ мистицизма и ищетъ поэтому въ немъ болѣе реальныхъ мотивовъ, честолюбивыхъ видовъ, идеи заговора и покушенія. Призракъ заговора въ пользу Павла приводитъ ее въ ожесточеніе. Новиковъ имѣлъ несчастіе одолжить книги наслѣднику престола: немедленно наложить арестъ! Но захватили не то, чего искали; это было извлеченіе изъ Ѳомы Кемпійскаго! Послѣ того какъ онъ уже былъ отданъ подъ судъ, она раздумала и собственной властью внѣ всякаго судопроизводства приговорила его къ 15 годамъ заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости; всѣ изданія московскаго общества должны быть сожжены, домъ, въ которомъ происходили собранія, разрушенъ, и всѣ масонскія ложи въ Россіи закрыты. Но этого мало; уже послѣ своего осужденія Новиковъ долженъ былъ подвергнуться безчисленнымъ допросамъ какъ со стороны Прозоровскаго и Шешковскаго, такъ и самой Екатерины. Она въ этотъ моментъ забыла ту фразу, которую сама же написала между 1744 и 1764 годами и которая сохранилась въ ея автографическихъ замѣткахъ: «Только самое варварское судопроизводство можетъ допустить слѣдствіе послѣ осужденія?»...

Въ 1794 году Новиковъ сидитъ въ казематѣ въ обществѣ фальшивомонетчика; онъ жалуется на недостатокъ воздуха, пищи, бѣлья, одежды и медицинской помощи. Онъ напрасно добивался разрѣшенія воспользоваться услугами заключеннаго, какъ и онъ, врача. Генеральный прокуроръ Самойловъ, правда, объяснилъ свой отказъ: тюремная стража сама умираетъ съ голоду, а на медикаменты денегъ нѣтъ у администраціи. Несчастный публицистъ только черезъ два года былъ выпущенъ на свободу послѣ восшествія на престолъ Павла. Но его пѣсня была уже спѣта: больной духомъ и тѣломъ, окончательно разбитый, онъ не можетъ уже возстановить своихъ умственныхъ способностей и, вернувшись къ франкмасонству, увлекается самыми грубыми и эксцентричными фразами.

III.

Къ этому же направленію принадлежитъ и Радищевъ, представляющій собою типъ, еще рѣзче выраженный. Воспитанный

пажемъ при дворѣ, отправленный на казенный счетъ въ лейпцигскій университетъ, назначенный въ одну изъ сенатскихъ комиссій, онъ долго производитъ впечатлѣніе хорошаго чиновника и благонамѣреннаго подданнаго самодержавной и православной имперіи. Но что-то бурлитъ въ немъ, и скоро онъ становится не только активнымъ представителемъ партіи среди той глухой борьбы, въ которой сталкиваются противоположныя вліянія и теченія; его собственная душа представляется намъ замкнутымъ полемъ, на которомъ продолжается эта страстная борьба. Въ своей книгѣ, за которую онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, въ «Путешествіи изъ С.-Петербурга въ Москву» и въ періодическомъ изданіи «Почта душъ» онъ въ идейномъ отношеніи явно подчиняется вліянію Рейналя, форму же заимствуетъ изъ «Сантиментальнаго путешествія» Стерна. Но въ примѣненіи этихъ идей къ проблемамъ мѣстной жизни, напр., къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ, онъ далеко уходитъ какъ отъ Вольтера, который представляетъ дѣло освобожденія крѣпостныхъ доброй волѣ ихъ господъ, такъ и отъ Руссо, который видитъ опасность въ поспѣшномъ освобожденіи. Онъ самъ хочетъ немедленной эмансипаціи безъ предосторожностей и безъ оговорокъ; но онъ хочетъ, чтобы она была проведена правительствомъ безъ посторонней помощи. Онъ вѣритъ въ самодержавіе, во всемогущество царя. Когда его на судѣ спросили, что онъ имѣетъ противъ государыни, которую онъ осмѣлился оскорбить, онъ съ негодованіемъ воскликнулъ: «Какъ можетъ благонамѣренный русскій подданный питать къ ея августѣйшей особѣ какія-нибудь другія чувства, кромѣ любви и благодарности?» Но это ему не помѣшало въ своемъ ярко революціонномъ произведеніи «Ода свободѣ» развить мысль, заимствованную изъ извѣстнаго стиха, посвященнаго Франклину.

Eriputi coelo fulmen, Sceptumque tyrannis [1]).

Точно такъ же онъ въ одно и то же время является скептикомъ и вѣрнымъ послѣдователемъ религіозныхъ обрядовъ, циникомъ и набожнымъ человѣкомъ, сторонникомъ теоріи эгоизма и экзальтированнымъ альтруистомъ въ жизни.

Нужно замѣтить, что его программа освобожденія крестьянъ вполнѣ совпадаетъ съ той, которая была проведена въ жизнь черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ него. За исключеніемъ отдѣль-

---

[1]) У неба вырвалъ молнію и скипетръ у тирана.

ныхъ мѣстъ, на которыхъ лежитъ печать памфлета, вся его книга представляетъ собой сборникъ статистическихъ данныхъ изъ политической и административной жизни страны. Онъ разсказываетъ исторію о трехъ молодыхъ помѣщикахъ, которые сговорились изнасиловать дочь одного крестьянина и приступили къ выполненію своего плана, послѣ того какъ имъ была обезпечена полная безнаказанность. Онъ приводитъ случай съ администраторомъ, котораго его подчиненные не смѣютъ разбудить, чтобы получить распоряженіе для спасенія двадцати человѣкъ, которымъ грозитъ смерть. Онъ сообщаетъ о шестидесяти молодыхъ дѣвушкахъ, соблазненныхъ въ одной только деревнѣ помѣщикомъ, пользующимся репутаціей гуманнаго и честнаго человѣка. «Вѣдь это Александръ Васильевичъ (Салтыковъ)!» невольно воскликнула Екатерина, прочитавъ это мѣсто. Онъ подводитъ итогъ подвигамъ цензуры и приводитъ случай, когда одинъ авторъ былъ осужденъ за *святотатство,* за то, что употребилъ выраженіе «хитрый богъ», говоря объ Амурѣ. Даже въ 1790 году Екатерина была способна смѣяться по поводу этого инцидента, но она нашла въ книгѣ такія фразы, въ которыхъ авторъ передавалъ свои впечатлѣнія по поводу пребыванія императрицы въ Царскомъ Селѣ: «Я былъ пораженъ царящей здѣсь тишиной... Все молчитъ; все дрожитъ; это мѣстопребываніе деспотизма».

Этого было достаточно, чтобы судьба автора была рѣшена. Осужденный на смерть Радищевъ только благодаря счастливой случайности избѣжалъ этой высшей кары. Въ день его ареста былъ заключенъ миръ со шведами. Екатерина по этому поводу въ хорошемъ настроеніи и даруетъ ему жизнь. Кнутъ и десятилѣтняя ссылка въ Сибирь замѣняютъ ему смертную казнь.

Его дальнѣйшая судьба напоминаетъ судьбу Новикова. Амнистированный Павломъ и даже приглашенный Александромъ къ участію въ Законодательной комиссіи, онъ и на свободѣ и за работой не можетъ возстановить своихъ прежнихъ умственныхъ силъ. Онъ не выдержалъ страшнаго испытанія, которому его подвергли. Преслѣдуемый страшными призраками, видя вездѣ казни, опасности и угрозы, онъ налагаетъ на себя руку послѣ того, говорятъ, какъ одинъ высокопоставленный сановникъ его спросилъ, *не довольно ли ему одного путешествія въ Сибирь.*

Еще одна характерная черта: онъ отравился водкой, выпивъ залпомъ цѣлую бутылку. Философскимъ идеямъ еще предстоялъ длинный путь въ Россіи.



Дворъ Екатерины.

I.

«Людовикъ XIV завидовалъ бы Екатеринѣ или женился бы на ней, чтобы имѣть, по крайней мѣрѣ, красивый выходъ», писалъ князь де-Линь въ 1787 году. Придворные и корреспонденты Семирамиды были склонны къ преувеличеніямъ. Но восторженные отзывы любезнаго космополита на этотъ разъ вполнѣ согласуются съ общимъ мнѣніемъ современниковъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ прославляютъ роскошь, великолѣпіе и блескъ новаго Версаля, возникшаго на туманномъ берегу Невы. Но можно ли безъ оговорокъ принять оцѣнку этого энтузіаста, который самъ нѣкоторое время содѣйствовалъ увеличенію обаянія этого двора? Конечно, нѣтъ! Гласъ народа можетъ быть иногда гласомъ Божьимъ, но не всегда голосомъ историка. Въ данномъ случаѣ общее эхо можетъ быть принято только съ серьезными поправками.

Въ своемъ настоящемъ Версалѣ король-солнце являлся наслѣдникомъ Франциска I и Екатерины Медичи. Это совсѣмъ не то, что собирать въ Царскомъ Селѣ наслѣдство Петра Великаго. Когда Людовику XIV пришлось поселиться въ своемъ новомъ жилищѣ, то онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи Сенъ-Жерменъ, Фонтенебло, если не считать Лувра. Сенъ-Жерменъ, Фонтенебло и Лувръ Екатерины составляютъ маленькій деревянный домикъ, въ которомъ жилъ великій царь и который напоминаетъ ярмарочную палатку. Разница была велика. Заслуга современной Семирамиды заключается въ томъ, что она въ значительной степени сократила разстояніе, отдѣлявшее ее въ этомъ отношеніи отъ европейскихъ образцовъ. Своими свѣтлыми и тѣневыми сторо-

нами, глазировкой западной культуры и изнанкой азіатскаго варварства, изысканностью и грубостью, дѣйствительная картина екатерининскаго двора даетъ хотя и фрагментарное, но вѣрное, поучительное и забавное въ то же время изображеніе великаго преобразовательнаго труда, результатомъ котораго явилась вся современная Россія.

До Петра I у московскихъ царей были придворные, но не было двора въ собственномъ смыслѣ этого слова. «Ассамблеи» въ императорскомъ дворцѣ были созданы также великимъ царемъ-преобразователемъ. Но только подъ угрозой тѣлеснаго наказанія можно было заставить московскихъ бояръ посѣщать эти ассамблеи. Еще при Елизаветѣ театръ ея величества заполняется въ дни спектаклей при помощи *указа*. Екатеринѣ II принадлежитъ честь установленія въ этой области режима полной свободы, позволяющей графу Сегюру отказаться отъ удовольствія принимать участіе въ императорскомъ *лото* и даже воспользоваться имъ для язвительныхъ стиховъ, отъ которыхъ императрица первая смѣется. Дворъ Елизаветы ввелъ въ заблужденіе д'Эона, которому показалось, что «дѣйствительно великолѣпный тонъ» поддерживается въ небольшой группѣ приближенныхъ императрицы, человѣкъ въ десять. «Остальные ведутъ себя, какъ имъ угодно. Тутъ очень мало обращаютъ вниманія, шито ли платье изъ сѣраго сукна и изъ зеленаго ли шелка отдѣлка, лишь бы въ гардеробѣ было какое-нибудь платье и какой-нибудь придворный костюмъ, шитый золотомъ или серебромъ... Пріемы очень красивы, но монотонны. На церемоніалахъ почти не бываетъ общества». Обществу, дѣйствительно, трудно было развернуться при мѣстническихъ традиціяхъ и даже послѣ уничтоженія этого института подъ тяжелымъ гнетомъ восточнаго деспотизма. Бояре, посѣщавшіе дворъ, едва отличались отъ слугъ. Покидая свою службу, послѣдніе—лакеи, гайдуки, повара, пирожники—получали по закону мѣсто въ арміи, становясь прапорщиками или подпоручиками, и кончали бурмистрами въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ. Еще Екатерина издаетъ указъ, запрещающій ея придворнымъ бить свою прислугу.

Пріемы и празднества по поводу коронаціи вдовы Петра III уже отличаются большимъ изяществомъ, не лишеннымъ все-таки замѣтнаго азіатскаго колорита. Но роскоши и расходовъ здѣсь меньше, чѣмъ, напр., въ Реймсѣ по такому же поводу. Организаторъ церемоніи, князь Трубецкой, получаетъ пятьдесятъ

тысячъ рублей на общіе расходы, одинъ фунтъ золота и десять фунтовъ серебра для короны и четыре горностая для императорской мантиліи. Расходы превышаютъ ассигновки, по общему правилу, которое оказывается дѣйствительнымъ на всѣхъ широтахъ. Въ теченіе цѣлой недѣли искали золотого яблока, которое должно было сохраняться въ императорской сокровищницѣ, но его не оказалось: оно ушло на непредвидѣнные расходы. При дворѣ въ это время такой беспорядокъ, что къ моменту отъѣзда ея величества въ Москву, гдѣ должно было состояться коронованіе, прислуга готова была объявить стачку. Она ничего не ѣла въ теченіе трехъ дней! Государыня увозитъ съ собой небольшую свиту: всего двадцать восемь человѣкъ, но для ихъ перевозки требуется шестьдесятъ три экипажа и 395 лошадей. Царевичъ отправляется отдѣльно съ обозомъ въ 27 экипажей и 257 лошадей. Эти экипажи представляютъ собой дома на колесахъ. Въ 120 дубовыхъ боченковъ съ желѣзными обручами везутъ шестьсотъ тысячъ серебряныхъ монетъ для личныхъ расходовъ ея величества: для раздачи толпѣ и нуждающимся, для экстраординарныхъ наградъ и пр.

Церемонія состоялась 23 сентября 1762 года. Екатерина сама одѣваетъ на себя императорскую діадему, одна идетъ въ алтарь и собственными руками беретъ причастіе. Слѣдующіе дни уходятъ на пріемъ безконечныхъ депутацій. Цѣлованіе руки недостаточно для изъявленія вѣрноподданничества; земные поклоны, которые впослѣдствіи были отмѣнены Екатериной, еще во всей своей силѣ. Такъ, приходятъ и падаютъ ницъ передъ ея трономъ представители русскаго дворянства и прибалтійскаго рыцарскаго сословія, гвардейскіе офицера, депутаты азіатскихъ народовъ, греки, армяне, калмыки, яицкіе и поволжскіе казаки и среди нихъ ученики Троицкой семинаріи въ шитыхъ золотомъ бѣлыхъ одеждахъ и въ вѣнкахъ изъ зеленыхъ листьевъ. Затѣмъ начинаются придворныя празднества, балы, маскарады, торжественные обѣды и наряду съ ними народныя гулянья. Въ императорскомъ театрѣ постановка «Заира» на фрунцузскомъ языкѣ слѣдуетъ за русской трагедіей. Фрейлины танцуютъ балетъ, а оркестръ составленъ изъ придворныхъ кавалеровъ. Кортежъ, представляющій «тріумфъ Минервы», встрѣчаетъ довольно холодный пріемъ у уличной толпы, для которой имя греческой богини совешенно чуждо. Къ тому же никто не понимаетъ, надъ кѣмъ она одержала свой тріумфъ: не надъ *матушкой* ли, кото-

рая только что одѣла корону къ великому счастью своего народа? Впрочемъ, незадолго передъ этимъ былъ изданъ указъ, рекомендовавшій носить приличное платье на улицахъ и запрещавшій переодѣванія, и все ждали, что эти смѣльчаки, которые нарядились въ такіе экстравагантные костюмы, будутъ арестованы. Народный театръ маріонетокъ имѣлъ еще меньше успѣха, такъ какъ заподозрили, что дѣло не обходится безъ нечистой силы. За годъ до этого французъ Дюмуленъ обратилъ въ бѣгство толпу представленіями «говорящей головы», которая навела паническій страхъ на всѣхъ.

Екатерина также приходитъ въ ужасъ отъ роскоши, которую влекутъ за собой эти необычайныя развлеченія. *Указомъ* она запрещаетъ ввозъ кружевъ и матерій изъ шелка и тканаго серебра. Баронъ Бретейль очень легко находитъ утѣшеніе: «Можетъ быть, и не станутъ носить матеріи изъ тканаго золота и серебра», пишетъ онъ въ депешѣ отъ 9 января 1763 года... «но все-таки будутъ покупать наши мануфактуры и ткани, если и не блестящія, то не менѣе дорогія».

Празднества продолжаются во все время пребыванія Екатерины въ Москвѣ, отъ сентября 1762 до іюня 1763 года. Этимъ случаемъ пользуются, чтобы внести больше изящества и комфорта въ резиденціи Петербурга и его окрестностей. Деревянный дворецъ, въ которомъ жила Елизавета, переносится въ Царское Село, а въ новомъ кирпичномъ, построенномъ при предшественникѣ Екатерины, заводятъ роскошную обстановку. Въ 1765 году Казанова, посѣтившій садъ, примыкающій къ дворцу, находитъ еще тамъ много неожиданнаго и смѣшного: статуй, сдѣланныхъ гвардейскими солдатами, горбатыхъ аполлоновъ, дряхлыхъ венеръ, Сафо въ видѣ старика съ бородой и Филемона и Бавкиду, представленныхъ двумя молодыми людьми, обмѣнивающимися невинными поцѣлуями. Это наслѣдство Елизаветы. Менѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ инспекторъ полиціи Лонгире былъ пораженъ блескомъ, который онъ нашелъ въ Царскомъ Селѣ. Но въ монотонномъ обиліи позолоты и другихъ украшеній, которыя онъ перечисляетъ, больше богатства, чѣмъ художественнаго вкуса. «Трудно найти столько изысканности и роскоши», пишетъ онъ, «сколько мнѣ пришлось видѣть въ уборной, спальнѣ, рабочемъ кабинетѣ и будуарѣ ея величества. Уборная вся въ зеркалахъ и съ золотыми карнизами. Спальня окружена небольшими колоннадами, сверху-до-низу покрыты-

ми массивнымъ серебромъ на половину серебристаго цвѣта и наполовину лиловаго. Заднiй фасадъ колоннадъ покрытъ зеркальнымъ стекломъ, а потолокъ разрисованъ. Рабочiй кабинетъ также окруженъ небольшими колоннадами, сверху-до-низу покрытыми также массивнымъ серебромъ наполовину цвѣта золота и наполовину голубого. Заднiй фасадъ этихъ колоннадъ весь покрытъ зеркалами, а потолокъ разрисованъ. Будуаръ также окруженъ небольшими колоннадами, сверху-до-низу покрытыми массивнымъ серебромъ, наполовину серебристаго цвѣта и наполовину розоваго. Заднiй фасадъ этихъ колоннадъ наполовину зеркальный и наполовину розовый. Въ этихъ трехъ послѣднихъ комнатахъ много бронзы и золотыя гирлянды на всѣхъ колоннадахъ». Гаррисъ, со своей стороны, замѣчаетъ, что среди портретовъ коронованныхъ особъ, развѣшенныхъ на стѣнахъ деревенскаго дома, который императрица скромно и просто называетъ «своимъ болотомъ» (въ виду, вѣроятно, окружающихъ его прудовъ, которымъ соотвѣтствуетъ и финское названiе мѣстности «Кикерико»—рѣчь, очевидно, идетъ о Чесменскомъ дворцѣ), кромѣ полотна Веста, изображающаго двухъ англiйскихъ принцевъ, нѣтъ ни одного, который отличался бы художественностью работы. Но Ведгвудъ привезъ для «болота» замѣчательный сервизъ съ изображенiемъ красивой зеленой лягушки надъ хорошенькой англiйской деревушкой. А петергофскiй фонтанъ «Самсонъ» считался первымъ въ Европѣ послѣ Кассельскаго.

Вездѣ видна все та же смѣсь богатства и нищеты, за исключенiемъ, можетъ быть, «Эрмитажа», гдѣ Екатерина задалась цѣлью сконцентрировать всѣ яркiе лучи своего солнца, которому, какъ это можно видѣть и какъ она сама, безъ сомнѣнiя, это видѣла, далеко до солнца великаго короля. Графъ Гордонъ оставилъ въ своихъ мемуарахъ прелестное описанiе этой пристройки большого и мрачнаго дворца, построеннаго по плану Растрелли въ стилѣ рококо. «Онъ («Эрмитажъ») представляетъ собой флигель императорскаго дворца и состоитъ изъ картинной галлереи, двухъ большихъ комнатъ, въ которыхъ играютъ, и третьей, гдѣ обѣдаютъ на двухъ *конфиденцiальныхъ* столахъ; рядомъ съ этими комнатами расположенъ крытый, хорошо освѣщенный зимнiй садъ, гдѣ можно прогуливаться среди деревьевъ и многочисленныхъ цвѣтовъ. Тутъ можно видѣть птицъ всевозможныхъ породъ, въ томъ числѣ и поющихъ, особенно много канареекъ. Согрѣвается садъ при помощи подземныхъ печей, и въ самую

холодную погоду въ немъ поддерживаютъ пріятную температуру. Ко всѣмъ этимъ прелестямъ присоединяется полная свобода, которая тамъ царитъ. Императрица изгнала оттуда всякій этикетъ: всѣ безъ всякаго стѣсненія гуляютъ, играютъ, поютъ; каждый можетъ дѣлать то, что ему по вкусу». Въ картинной галлереѣ имѣются шедевры искусства. Главное мѣсто занимаютъ три коллекціи: одна—генералъ-лейтенанта Людовика XV, барона Тьера, другая—графа Анри Брюля, министра саксонскаго короля Августа, и третья—замѣчательная серія полотенъ, собранная въ Хефтонъ-Холлѣ Робертомъ Вальполемъ. Среди картинъ англійскаго происхожденія фигурируютъ шесть полотенъ Сальватора Розы, въ томъ числѣ и лучшее произведеніе автора: *Блудный сынъ, Благовѣщеніе и Рождество Христово* Мурильо, великолѣпныя произведенія Рубенса, изображающія торжественный въѣздъ кардинала въ Анверъ; *Богоматерь* Ванъ-Дейка, за которую Вальполь заплатилъ 1400 фунтовъ стерлинговъ, и *Диспутъ отцовъ церкви* Гвидо Рени, котораго Иннокентій XIII въ первый моментъ не хотѣлъ выдавать изъ своихъ владѣній. Среди коллекціи Тьери были двѣ знаменитыхъ картины Рафаэля: *Святое семейство съ молодымъ Іосифомъ и Святой Георгій на конѣ*. Въ 1772 году, во время распродажи галлереи Шуазеля-Стенвиля, Екатерина пріобрѣтаетъ *Benedicite* (молитва) Рембрандта, *Врача* Жерара Доу за 19,153 ливра, *Охоту на оленей* Вувермана, стоившую 20,700 ливр., и два *деревенскихъ праздника* Пуссэна, которые принадлежали знаменитой графинѣ Жаннѣ де-Вердракъ и стоили 37,000 ливр. Затѣмъ были куплены полностью или частями коллекціи Рандона де-Буассъ, князя де-Конти, Дезалье д'Аржанвиля, Гостковскаго, Тронтена. Она дѣлаетъ заказы Рафаэлю Монгсу, Анжелику Кауфману, І. Рейнольдсу. Въ 1784 году къ развлеченіямъ «Эрмитажа» прибавляется залъ для спектаклей. «Расположенный амфитеатромъ и поднимаясь ступенями отъ оркестра до вестибюля», онъ соединяетъ въ себѣ, по словамъ компетентнаго современнаго судьи, режиссера московскаго императорскаго театра Арманда Домерга, «все, что могущество, величіе и роскошь только могли дать блестящаго». Тамъ можно было слышать лучшихъ артистовъ того времени: Офренъ, Флоридоръ, Дельпи, Бурде, мадамъ Лесажъ, мадемуазель Гуссъ ставятъ тамъ лучшія произведенія Мольера и Реньяра; божественный Пансіелло управляетъ оркестромъ и сочиняетъ для Семирамиды нѣкоторыя изъ своихъ лучшихъ оперъ: La Serva padrona il Matrimonio inaspet-



Чесменская битва.

Съ современной гравюры Кано и Ватса, сдѣланной съ картины Патона.

tato и le Barbiere di Siviglia, который, сорокъ лѣтъ спустя, былъ передѣланъ Россини (Севильскій цырульникъ). Чимароза, замѣститель Пансіелло, написалъ на берегахъ Невы за три года своего пребыванія тамъ пятьсотъ пьесъ для придворнаго оркестра и для частныхъ оркестровъ мѣстныхъ аристократовъ. Сарти соперничаетъ съ этими двумя маэстро, и Екатерина при всей своей индиферентности къ музыкѣ готова удовлетворить всѣ требованія, которыя они предъявляютъ за свои произведенія; она выноситъ даже ихъ капризы и грубости. Габріелли, получавшая 7000 руб. жалованья, отказывается пѣть въ апартаментахъ государыни, «потому что», сказала она, «Ея Величество ничего въ этомъ не понимаетъ». Когда императрица дала ей понять, что ея маршалы получаютъ меньше жалованья, чѣмъ она, то она ей сказала въ отвѣтъ знаменитую фразу: «пусть она заставитъ въ такомъ случаѣ пѣть своихъ маршаловъ!»

Ссоры тенора Маркези съ другой примадонной Тоди на глазахъ снисходительной царицы пріобрѣтаютъ значеніе государственнаго дѣла.

Роскошь все увеличивается. Въ 1778 году на празднествѣ въ честь рожденія старшаго сына Павла играютъ въ макао за тремя столами, и выигрывающіе имѣютъ право брать по брилліанту золотой ложечкой изъ шкатулки, стоящей посрединѣ стола и наполненной этими драгоцѣнными камнями. Игра продолжается полтора часа, и такъ какъ шкатулки наполовину еще были съ брилліантами, то играющіе раздѣляютъ между собой остатки. На этотъ разъ самъ Гаррисъ пораженъ, хотя съ представленіемъ о богатствахъ Азіи у него всегда связываются воспоминанія о легендарныхъ сокровищахъ Голконда. Впрочемъ, приглашенія на это празднество разсылаются отъ имени «Франциска Азора», азіатскаго или африканскаго дворянина, владѣльца алмазныхъ копей, подъ псевдонимомъ котораго можно отгадать великолѣпнаго князя, раздававшаго драгоцѣнные камни и кашемировыя шали своимъ гостямъ въ Молдавіи. Брилліанты, которые раздавались на этотъ разъ, стоили, впрочемъ, только по пятидесяти рублей, по оцѣнкѣ англійскаго дипломата; но онъ упоминаетъ о дессертѣ за ужиномъ, сервированномъ на посудѣ, которую онъ оцѣниваетъ въ два милліона фунтовъ стерлинговъ.

Вліяніе князя Таврическаго сильно сказалось на ростѣ роскоши, переходившей въ эксцессы безумной расточительности,

и за предѣлами двора и близкихъ къ нему круговъ. Назначенный посланникомъ въ Стокгольмъ по окончанiи шведской войны и въ разгаръ разорительной турецкой кампанiи, Игельстремъ получаетъ 20,000 руб. подъемныхъ и мѣсячный окладъ въ 4500 рублей, не считая «огромнаго комплекта посуды»; тѣмъ не менѣе онъ не считаетъ себя удовлетвореннымъ. Ему требуются двѣ парадныхъ кареты съ шестеркой лошадей для каждой, восемь официантовъ, двое вѣстовыхъ, двое егерей, двое гайдуковъ, двое гусаръ, чтобы сопровождать его карету, четыре кавалера посольства, секретарь, три помощника секретаря, четыре или шесть адъютантовъ, четыре курьера, армiя лакеевъ, домъ, «равнаго которому не было въ Стокгольмѣ», и на 15000 руб. драгоцѣнностей для украшенiя его собственной персоны. Костюмы кавалергардовъ, сопровождающихъ императрицу за предѣлами дворца въ торжественныхъ случаяхъ и обыкновенно несущихъ внутреннюю службу, отличаются необыкновеннымъ блескомъ: «изъ голубого сукна съ красной отдѣлкой, съ серебряными латами, на которыхъ выдѣляется золотой императорскiй орелъ. Рукава и брюки также покрыты серебряными бляхами, соединенными между собой цѣпочками изъ того же металла, и напоминаютъ поручни и поножи древнихъ рыцарей». «Это сходство»,—прибавляетъ маркизъ де-Боссе, который описываетъ эти подробности въ депешѣ отъ 10 iюня 1766 года къ герцогу Шуазелю,—«увеличивается благодаря серебряному шлему съ черными перьями. Сапоги также покрыты на раструбахъ и на переднихъ сторонахъ голенищъ серебряными бляхами».

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что по документу отъ 1767 года ежегодные расходы двора не превышаютъ 1,100,000 рублей, а именно:

На домъ императрицы, на жалованье всѣмъ служащимъ, на столъ, музыку, комедiю, мелкiя удовольствiя, свѣчи, охоту и на экипажъ.	900,000 руб.
На большую и малую конюшни	100,000 „
На гардеробъ, драгоцѣнности, подарки	100,000 „
Итого . . .	1,100,000 руб.

Эта цифра болѣе чѣмъ удвоилась, по нашему мнѣнiю, во вторую половину царствованiя и, тѣмъ не менѣе, она поражаетъ своей скромностью по сравненiю съ расходами версальскаго двора. Одна конюшня Людовика XVI обходилась въ 7,717,058 лив-

ровъ въ 1786 году. Съ 1774 по 1788 годъ бюджетъ двора французскаго короля и его семьи колеблется между 32 и 36 милліонами въ годъ, т.-е. въ семь разъ превосходитъ бюджетъ Екатерины Великой!

Это объясняется, главнымъ образомъ, численнымъ неравенствомъ личнаго состава обоихъ дворовъ. Екатерина удовлетворяется сравнительно очень немногимъ: двѣнадцать камергеровъ, двѣнадцать камеръ-юнкеровъ и двѣнадцать фрейлинъ составляли главный контингентъ двора. Это далеко до четырехъ тысячъ человѣкъ, составляющихъ гражданскій дворъ французскаго короля, не считая военнаго съ составомъ, вдвое большимъ. Кругъ придворныхъ Екатерины былъ очень узкій, и честь попасть въ него считалась очень высокой. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, уже былъ главнокомандующимъ, когда въ 1775 году получилъ золотой ключъ, и былъ въ восторгѣ отъ этого повышенія. Функціи этихъ завидныхъ должностей выполняются съ большимъ рвеніемъ и аккуратностью. Получивъ, не въ примѣръ другимъ, разрѣшеніе жить внѣ дворца, чтобы не покидать своей матери, нуждавшейся въ ея уходѣ, фрейлина Бибикова не опаздываетъ на службу даже во время наводненія 1777 года: она пріѣзжаетъ во дворецъ на лодкѣ. Екатерина обходится со своими фрейлинами, какъ съ любимыми дочерями. Она замѣчаетъ, что у фрейлины Потоцкой, которая недавно появилась при дворѣ, нѣтъ жемчуга; она воспользовалась костюмированнымъ баломъ, на которомъ молодая дѣвушка появляется въ костюмѣ молочницы и находитъ въ своемъ кувшинѣ великолѣпное копье.—«Это вы, государыня... это ваше величество...» лепечетъ дѣвушка, увидѣвъ подарокъ.—«Нѣтъ, это кислое молоко». Но упущенія и шалости этой молодежи наказываются очень сурово. Въ 1784 году при дворѣ ходитъ по рукамъ карикатура, изображающая князя Потемкина лежащимъ на диванѣ и окруженнымъ своими тремя племянницами, графинями Браницкой, Юсуповой и Скавронской, которыя сидѣли въ неглиже и оспаривали другъ у друга своего дядю. Двѣ восемнадцатилѣтнія фрейлины Бутурлина и Эльмптъ были обвинены въ томъ, что нарисовали эту карикатуру. Когда ихъ виновность была установлена, онѣ были высѣчены до крови въ присутствіи своихъ подругъ и отосланы въ ихъ семьи. Но ихъ опала продолжалась недолго. Эльмптъ вышла замужъ за Турчинова, черезъ нѣсколько лѣтъ появилась опять при дворѣ и даже

выхлопотала для своего мужа мѣсто директора императорскихъ построекъ. Другая, красивая, умная, смѣлая и легкомысленная фрейлина сдѣлалась скоро знаменитой графиней Дивовой, салонъ которой былъ широко открытъ для французскихъ эмигрантовъ.

Въ общемъ обстановка двора Семирамиды, вызывающая восторги Европы, довольно скромна. Какъ и во время предыдущихъ царствованій, крайняя роскошь тутъ уживается рядомъ съ нищетой и расточительная щедрость съ необыкновенной скупостью. Въ 1791 году, во время маскараднаго бала въ петергофскомъ дворцѣ, главная лѣстница не освѣщена. Въ 1792 году приходятъ къ убѣжденію въ необходимости сшить новыя ливреи пажамъ императрицы: старыя ливреи прослужили тридцать четыре года!

II.

Съ точки зрѣнія этикета, хорошаго тона и даже приличій этотъ дворъ также далекъ отъ своихъ западныхъ образцовъ. По сообщенію нѣмецкаго путешественника графа Штернберга, который посѣтилъ Россію въ 1792 году, въ залѣ для аудіенцій до прибытія государыни и послѣ ея удаленія царилъ крайній безпорядокъ. Все время слышенъ глухой шумъ разговаривающихъ на всѣхъ языкахъ Европы и Азіи. На балахъ еще хуже. Въ такіе дни доступъ ко двору имѣютъ военные чины всѣхъ степеней; къ тому же даже кучеръ ея величества состоитъ въ чинѣ подполковника! Въ обыкновенные дни пріемовъ также достаточно быть при шпагѣ, чтобы проникнуть до дверей тронной залы, охраняемой двумя кавалергардами въ полной формѣ, въ серебряныхъ латахъ, въ треуголкахъ и въ полномъ вооруженіи. Никакой охраны не видно ни у входа, ни на лѣстницѣ, ни въ первой общей залѣ; никто не спрашиваетъ у посѣтителей, кто они и зачѣмъ пришли. Во время революціи распространился однажды слухъ, что французскіе демагоги организовали покушеніе; придворный адъютантъ Пасекъ поставилъ въ вестибюлѣ дворца двухъ часовыхъ; узнавъ объ этомъ, императрица отмѣняетъ распоряженіе. Входъ въ тронную залу разрѣшается только лицамъ, обозначеннымъ на листѣ, который передается дежурнымъ кавалергардамъ, но листъ этотъ очень длинный. Уборная, въ которой императрица даетъ свои частныя аудіенціи, также часто бываетъ переполнена; государственные секретари имѣютъ

туда свободный доступъ ежедневно, генеральный прокуроръ по воскресеньямъ. Простой лакей во французской формѣ охраняетъ порогъ этого святилища. Ливреи лакеевъ и пажей были отмѣнены, и до послѣднихъ лѣтъ царствованія не было придворной формы. Въ 1783 году была таковая установлена для дворянъ по цвѣтамъ ихъ провинцій. Чтобы въ то же время уменьшить роскошь въ туалетахъ, которые съ проникновеніемъ французскихъ модъ становились все болѣе и болѣе разорительными, Екатерина задумала установить единообразіе въ костюмахъ для дамъ, допущенныхъ къ ея пріемамъ. Она вводитъ сначала для пріемовъ въ «Эрмитажѣ», а затѣмъ и для всѣхъ другихъ русское платье изъ краснаго бархата, которое могло бы привести въ ужасъ Марію Антуанету. Петербургскія красавицы приходятъ въ отчаяніе оттого, что имъ нельзя блистать во дворцѣ роскошными фасонами мадемуазель Бертенъ, но должны подчиниться. Онѣ принуждены также мириться съ прической *à la Reine* или *à la Belle Paule*, такъ какъ указъ запрещаетъ прически выше четверти локтя (около $3^1/_2$ вершк.). Великая княгиня Марія Ѳеодоровна, которая должна была пожертвовать частью своихъ волосъ во исполненіе этого общаго указа, цѣлую недѣлю проплакала по этому поводу.

Екатерина въ данномъ случаѣ идетъ противъ давно установившагося теченія, которому она сама раньше не мало содѣйствовала. Подражаніе иностраннымъ образцамъ, въ особенности французскимъ, было общимъ явленіемъ въ жизни высшихъ сферъ страны въ теченіе полстолѣтія, и дворъ послѣ Петра Великаго постоянно служилъ примѣромъ въ этомъ отношеніи. Петергофскій паркъ — копія версальскаго. Обществу ничего не остается, какъ повиноваться приказу свыше. Въ 1779 году журналъ, посвященный модамъ, отступаетъ отъ своей задачи и печатаетъ исключительно литературныя статьи; но въ 1791 году «Магазинъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ модъ», который, въ свою очередь, не отказывается отъ политическихъ темъ, чтобы защищать дѣло реакціи, осмѣивая Національное Собраніе и пародируя *Ça ira*, даетъ уже самыя точныя свѣдѣнія объ изящныхъ новинкахъ европейскихъ столицъ, главнымъ образомъ Парижа, о шляпахъ à la Bergère и шедеврахъ модистки Пале-Рояля мадамъ Трейльяръ. Подражательное теченіе идетъ въ это время рука объ руку съ антиреволюціоннымъ движеніемъ, для котораго Екатерина дала сигналъ: борятся съ революціей,

съ увлеченіемъ, воспринимая формы и изысканность стараго французскаго общества.

Подражаніе это отличалось своей грубостью, односторонностью и доходило до смѣшного. Гравюры «Магазина модъ» — карикатуры. Придворныя дамы были увѣрены, что напоминаютъ Марію Антуанету, покрывая парчу батистомъ, точно такъ же, какъ думали, что одѣваются въ стилѣ мадамъ Мальборо, пришивая ко всякому платью черную бахрому. Петергофскій каналъ, который долженъ былъ напомнить версальскій, представлялъ собой канаву въ нѣсколько футовъ ширины, гдѣ только дѣтскіе кораблики могли свободно плавать. «Въ Россіи», пишетъ графъ де-Дама̂, «все напоминаетъ скорѣе эскизъ, чѣмъ законченную работу. Въ учрежденіяхъ имѣется только одинъ принципъ, у домовъ только фасадъ, чиновники часто не знаютъ своихъ обязанностей... Костюмы: азіатскіе для народа, французскіе для Общества, производятъ впечатлѣніе не вполнѣ законченныхъ... На людей какъ-будто одѣты только намордники, но ихъ натуры не укрощены... Встрѣчаешь много умныхъ людей, но мало любезныхъ... При дворѣ много женщинъ, которыя съ удовольствіемъ вернулись бы въ свои деревни; много бритыхъ подбородковъ, которые одѣлись бы теплой бородой, и коммерсантовъ, которые съ большимъ удовлетвореніемъ торговали бы кожами, чѣмъ драгоцѣнностями и модными товарами».

Инстинкты остаются дикими, вкусы грубыми. Тонъ стараго французскаго режима, который всячески стараются копировать, съ трудомъ можетъ утвердиться при дворѣ, гдѣ Петръ III не бросалъ своей трости въ окно, а награждалъ ударами палаша своихъ фаворитовъ и съ величайшимъ безстыдствомъ третировалъ публично дамъ. «Хватать за грудь», писалъ одинъ дипломатъ, «не было еще самой большой вольностью, какую онъ себѣ позволялъ публично по отношенію къ высокопоставленнымъ дамамъ». Только испорченность стараго версальскаго общества и была, повидимому, вполнѣ усвоена высшими сферами столицы, даже еще въ болѣе безобразной и низкой формѣ; съ нея снята была мантія изящества и скромнаго кокетства, и въ обнаженномъ видѣ она была цинично выставлена напоказъ. Въ 1795 году итальянскій теноръ Мандини и его жена, старая куртизанка, которую зналъ весь Парижъ, были любимцами самыхъ знатныхъ дамъ Петербурга. Княгиня Куракина хвасталась, что провела вечеръ en tête-à-tête съ мадамъ Мандини въ ожиданіи пѣвца

который пришелъ къ нимъ послѣ представленія «весь въ поту, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ». Носятся съ девизами, которые раздаетъ Мандини. Мадамъ Дивова демонстративно прикрѣпляетъ себѣ девизъ «Sempra pazza». Княгиня Долгорукая выдѣляется своими страстными криками Bravo! когда теноръ появляется на сценѣ и Fuori! когда онъ уходитъ за кулисы.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что главнымъ препятствіемъ къ болѣе полному, болѣе изящному и болѣе приличному усвоенію западныхъ образцовъ при дворѣ Екатерины была она сама. Ея умъ, ея характеръ и ея темпераментъ дѣлаютъ ее противницей не только, какъ она сама охотно подтверждала, строгостей разумнаго этикета, но и великолѣпія элегантнаго и воспитаннаго антуража или даже просто привычекъ и манеръ и хорошаго общества. Графъ Сегюръ ей, конечно, нравится, потому что онъ льститъ ея самолюбію, и его отмѣнные и изысканные разговоръ и умъ, цвѣтокъ, выращенный въ версальскихъ теплицахъ, представляютъ преимущество, которое она умѣетъ оцѣнить, но Левъ Нарышкинъ еще больше забавляетъ и ей больше нравится. Представленія ей надоѣдаютъ, офиціальныя церемоніи утомляютъ, поцѣлуи рукъ ей ненавистны. Она очень охотно иногда смѣется надъ всѣмъ этимъ.

«Я кончаю это письмо въ Плесковѣ, куда я пріѣхала въ девять часовъ вечера, послѣ обѣда у княгини, просоленной, какъ окорокъ, но просоленной въ буквальномъ смыслѣ слова. Вотъ какъ я эту тайну открыла. Когда я стала прощаться, она подошла поцѣловать мнѣ руку; я поцѣловала ее въ щеку. Спускаясь съ лѣстницы подъ руку съ оберъ-шталмейстеромъ и разговаривая съ нимъ, я почувствовала вкусъ соли на губахъ и, громко разсмѣявшись, сказала ему объ этомъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и увидѣлъ бѣлую полоску у меня на губахъ. Отсюда я узнала, что бѣлила были соленыя». «Послѣ Плескова», пишетъ она черезъ нѣсколько дней, «старшая Энгельгардтъ беретъ на себя заботу щадить мои глаза: прежде чѣмъ представить мнѣ дамъ, она приводитъ въ порядокъ ихъ перья и цвѣты, отъ которыхъ я страдала въ Плесковѣ». Когда баронъ Бретейль приходитъ во время пріема, чтобы заявить ей свое почтеніе, она прерываетъ его словами: «Видѣли ли вы когда-нибудь охоту на зайца съ борзыми? Вы должны признать, что все происходящее здѣсь вполнѣ напоминаетъ такую охоту». Но даже вдали отъ ненавистной ей своры придворныхъ, которые ходятъ за ней по пя-

тамъ, она себя чувствуетъ плохо въ блестящей обстановкѣ, которую она сочла нужнымъ создать въ своихъ дворцахъ; ее стѣсняетъ роскошь, къ которой у нея нѣтъ никакого вкуса; она скучаетъ среди красотъ искусства, въ которомъ она ничего не понимаетъ. «Я жила эту зиму въ блестящей обстановкѣ», пишетъ она въ 1777 году; «все вокругъ меня переполнено чудесными вещами, которыя мнѣ совершенно ни къ чему и которыми я никогда не пользуюсь. Я похожа на киргизскаго хана, которому императрица Елизавета подарила домъ въ Оренбургѣ и который разбилъ свою палатку на дворѣ этого дома, чтобы жить въ ней. Я держусь своего уголка».

Ея уголокъ—это «Эрмитажъ», гдѣ въ менѣе шикарной обстановкѣ имѣется все еще два отдѣленія; вся роскошь, которой восхищался Арманъ Домергъ: театральныя представленія и художественныя коллекціи—все это для публики. Другое отдѣленіе принадлежитъ лично государынѣ, которая туда уходитъ отъ толпы въ интимный кружокъ; доступъ къ послѣднему имѣютъ только немногіе избранники. Эти собранія не напоминаютъ ни Версаля, ни Тріанона, ни тѣмъ болѣе буржуазнаго салона мадамъ Жофренъ въ Рамбулье. Даже графъ Сегюръ теряетъ тамъ свой обликъ человѣка изъ бо-монда, а Левъ Нарышкинъ, который задаетъ тамъ обыкновенно тонъ, ничего общаго не имѣетъ съ изящными придворными Людовика XIV. Онъ не проливалъ своей крови ни въ одномъ сраженіи и не управляетъ никакой провинціей. Въ качествѣ оберъ-шталмейстера онъ завѣдуетъ императорскими конюшнями; но, увидѣвъ однажды кошку въ своемъ креслѣ въ канцеляріи этого управленія, онъ заявилъ, что ему нашли преемника, и больше туда не показывался. Онъ остроуменъ и больше всего любитъ каламбуръ. Скрипъ двери (по-франц. porte—портъ) во время разговора по поводу объявленія турецкой войны даетъ ему поводъ прервать бесѣду и заявить: «это Порта (по-фр. Porte—Портъ) проситъ помощи у Греціи». Онъ открыто смѣется надъ своей несчастной семейной жизнью—онъ женился на дочери простого казака—пародируя передъ императрицей модный въ то время романсъ «Voilà l'objet de ma flamme» (вотъ предметъ моей страсти) и, указывая при этомъ на лакея, который пользуется благосклонностью мадамъ Нарышкиной, поетъ, произнося: «Voilà l'objet de ma *femme*» (вотъ предметъ моей жены). Когда онъ не можетъ воспользоваться игрой словъ, то онъ пускаетъ въ дѣло всевозможные сюжеты, самыя экстравагант-

ныя, подчасъ очень грубыя шутки и для вящшаго успѣха беретъ, говорятъ, уроки у французскаго актера Рено. Екатерина находитъ его однажды въ своемъ кабинетѣ развалившимся на дивинѣ и орущимъ во все горло какую-то глупую пѣсенку; такъ какъ онъ отказывается покинуть свое мѣсто или замолчать, то она отыскиваетъ двоюродную сестру непрошеннаго гостя и, вооружившись пучками крапивы, онѣ обѣ изо всѣхъ силъ берутся его бить. Екатерина называетъ его «прирожденнымъ арлекиномъ», сознается, что «до безумія любитъ» слушать, какъ онъ говоритъ о политикѣ и что никто «никогда не могъ ее такъ разсмѣшить». Она прославляетъ его заслуги въ двухъ комическихъ поэмахъ (Леоніана) и выводитъ его въ комедіи «Беззаботный». Вотъ эпитафія, которую она составила для своего любимаго товарища, забавляясь въ часы досуга и отдохновенія:

Въ назиданіе потомству.

Надпись

для перваго камня фундамента подъ дачу оберъ-шталмейстера Льва Нарышкина:

«Здѣсь живетъ сэръ Левъ Нарышкинъ, обершталмейстеръ. Ни одна горячая лошадь не можетъ на него пожаловаться, потому что онъ никогда не ѣздилъ верхомъ. Въ молодости госпожа Природа обѣщала ему красоту: неизвѣстно, почему она не сдержала своего слова. Когда дѣло дошло до брака, онъ женился на той, о которой онъ менѣе всего думалъ. Онъ любилъ вино, женщинъ и костюмы, но никто его не видѣлъ ни пьянымъ, ни влюбленнымъ, ни хорошо одѣтымъ. Онъ брился самъ изъ боязни, что парикмахеръ его зарѣжетъ. Поэтому, чѣмъ больше были праздники, тѣмъ больше порѣзовъ было у него на лицѣ отъ бритвы. Онъ вездѣ искалъ приключеній и нигдѣ ихъ не находилъ. Его друзья говорили, что онъ былъ раньше очень почтительнымъ, но онъ впослѣдствіи потерялъ терпѣніе. Онъ много танцовалъ и былъ очень ловокъ и легокъ во всѣхъ случаяхъ, когда тучность его тѣла не мѣшала его лѣвой ногѣ слѣдовать за правой. Онъ былъ богатъ и никогда не имѣлъ гроша за душой. Онъ любилъ ходить на базаръ и охотно покупалъ то, что ему не нужно было. Изъ всѣхъ своихъ богатствъ онъ больше всего любилъ эти сто саженей, которыя вы видите передъ собой. Каждый годъ онъ сажалъ здѣсь новыя пустыя бутылки. Сюда вели непроходимыя тропинки, заросшія кустар-

никомъ. Здѣсь были бассейны и ручьи, которые высыхали, когда не было дождя. Быть веселымъ и веселить другихъ былъ его девизъ, игра—его основнымъ элементомъ, а громкій смѣхъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ».

Рядомъ съ Нарышкинымъ баронъ Ванжура, другой членъ интимнаго кружка, отличается способностью спускать свою густую шевелюру до бровей, собирая въ складки кожу лба. За такую удаль онъ былъ названъ капитаномъ веселой компаніи, которую Екатерина собрала вокругъ себя. Она сама умѣетъ двигать правымъ ухомъ, сохраняя полную неподвижность лицевыхъ мускуловъ. Впрочемъ, двадцать лѣтъ спустя, то же самое будетъ дѣлать другая императрица, урожденная великая княгиня, Марія-Луиза въ Тюльери. Не нужно забывать, что и при дворѣ была такая же чудачка Матрена Даниловна Теплицкая, родомъ изъ мелкихъ ярославскихъ купцовъ, женщина съ вульгарными манерами и умомъ. Императрица помѣстила ее во дворцѣ, осыпала бриллiантами и позволила ей называть себя «сестрицей». На вопросъ государыни, почему она такъ поноситъ шведскаго короля, та отвѣтила: «Потому что онъ нѣмецъ, а у насъ послѣ посѣщенія нѣмца все моютъ и чистятъ, даже дверную ручку, до которой онъ дотрогивался рукой».

Да, это Версаль — только безъ десяти вѣковъ монархическихъ традицій и безъ той высокой культуры, которая достигла высшаго расцвѣта и блеска. Это Версаль, скопированный художникомъ, у котораго недоставало фона и красокъ: заимствованная картина на грубомъ полотнѣ, театральная декорація, создающая иллюзію дѣйствительности. Но сходство тутъ есть, и, чтобы прослѣдить его въ деталяхъ, нужно присмотрѣться къ изящному камергеру двора, у котораго какъ-будто застыла ироническая улыбка на устахъ; насмѣшливымъ взоромъ онъ проникаетъ подъ роскошныя украшенія, которыя его окружаютъ, чтобы открыть спрятавшуюся подъ ними нищету, поднимаетъ шелкъ и бархатъ, чтобы обнажить скрытый ими позоръ. Вернувшись къ себѣ, онъ напишетъ своему другу, Воронцову, письмо, гдѣ мельчайшія подробности дня будутъ просѣяны сквозь рѣшетку безжалостной критики и всѣ лица, которыхъ онъ имѣлъ случай наблюдать при дворѣ со вчерашняго дня, будутъ подвергнуты жестокому бичеванію его безконечныхъ сарказмовъ; это будущій подстрекатель московскаго общества, «русскій Сенъ-Симонъ», какъ его называли, Сенъ-Симонъ, болѣе жизнерадо-

стный и болѣе суровый въ то же время, менѣе скептикъ и болѣе ядовитый, который не могъ предъявить окружавшему его міру требованій своего французскаго собрата и былъ, если можно такъ выразиться, неудавшимся геніемъ; передъ нимъ рано открылась перспектива блестящаго будущаго, заранѣе была обезпечена возможность занять мѣсто рядомъ съ наслѣдникомъ престола, но онъ не удвлетворенъ ни великимъ княземъ, со стороны котораго онъ видитъ только однѣ любезности, ни своимъ будущимъ, которое вызываетъ только его улыбку; это критикъ, хулитель, всѣмъ и всегда недовольный, подражатель Сенъ-Симона въ своей блестящей перепискѣ съ лондонскимъ изгнанникомъ, но еще болѣе предтеча, одинъ изъ первыхъ представителей того духовнаго обличія, которое, къ счастію Россіи, сдѣлалось впослѣдствіи достояніемъ только узкаго круга лицъ.

Можно въ короткое время создать великую имперію, но нельзя импровизировать Версаля. Огромная заслуга Екатерины въ томъ, что она окружила такимъ величіемъ и блескомъ учрежденіе, созданное наканунѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поставленное на европейскую ногу. Тѣмъ болѣе, что, создавая весь этотъ блескъ, она должна была итти противъ своей собственной натуры. «Любопытно наблюдать», пишетъ баронъ де-Бретейль еще въ 1763 году, «какъ въ дни пріемовъ императрица прилагаетъ всѣ старанія, чтобы понравиться своимъ подданнымъ. Зная ея характеръ и видя, сколько необыкновенной мягкости и любезности она при этомъ проявляетъ, я могу себѣ представить, какихъ усилій ей это стоитъ и сколько ей нужно сознанія необходимости всего этого». На всей внѣшней обстановкѣ и на дѣлахъ управленія лежитъ извѣстная печать захвата власти при помощи военной силы. Банкеты, на которыхъ она появляется среди своихъ гвардейскихъ офицеровъ, въ военной формѣ и выпиваетъ съ ними традиціонную рюмку водки, напоминаютъ о жестокой борьбѣ, при помощи которой она достигла своего положенія. Вотъ почему вся эта роскошь и великолѣпіе, при помощи которыхъ она старается поставить свою монархическую власть на уровень европейской традиціи, достигаютъ своего апогея во время ея путешествія по дорогѣ въ Тавриду.

III.

Въ противоположность Петру I, который былъ неутомимымъ путешественникомъ, Екатерина не отличается подвижностью.

Она скорѣе домосѣдка; но не только эта наклонность заставляетъ ее избѣгать путешествій: всякое передвиженіе связано для нея съ большимъ рискомъ. Она не успѣла выѣхать въ 1764 г. изъ Петербурга, направляясь въ Ливонію и Эстонію, какъ былъ обнаруженъ заговоръ Мировича, чтобы напомнить ей о неустойчивости ея положенія и о необходимости его охранять. Впослѣдствіи, когда тронъ уже былъ укрѣпленъ и защищенъ отъ всякаго нападенія, присутствіе Павла стало угрозой для ея спокойствія. Покидая свою столицу, она дѣлаетъ распоряженіе, чтобы, въ случаѣ малѣйшаго волненія, ея довѣренные, на которыхъ она можетъ разсчитывать, арестовали наслѣдника и привезли его къ ней. Съ другой стороны, ея путешествія обыкновенно продолжаются довольно много времени. Разстоянія приходилось дѣлать большія, а императрицѣ къ тому же спѣшить не къ лиц .

Путешествіе въ Крымъ—въ Тавриду, какъ ей хочется называть вновь завоеванный край, связывая его съ историческими воспоминаніями для вящшаго престижа, продолжается шесть мѣсяцевъ. Путь тянется на двѣ тысячи верстъ; кромѣ того, приходится еще этотъ путь создать. На дорогѣ изъ Петербурга въ Москву устроены станціи для перемѣны лошадей, хорошіе заѣзжіе дома для отдыха, и путь тамъ можно совершать быстро и съ удобствами. Въ прибалтійскихъ провинціяхъ замки ливонскихъ и эстонскихъ дворянъ поражаютъ императрицу не только радушнымъ гостепріимствомъ своихъ хозяевъ, но и совершенно непривычной для нея роскошью и комфортомъ. Между Петербургомъ и Херсономъ дорога, по крайней мѣрѣ на одну треть, проходитъ по голой пустынѣ.

Выѣхали 18 января 1787 года. Запряженная въ тридцать лошадей карета ея величества заключаетъ въ себѣ кабинетъ, салонъ на восемь человѣкъ, столъ для игры, маленькую библіотеку и всѣ удобства: это почти современный вагонъ-люксъ. Фаворитъ Мамоновъ, неизмѣнная мадемуазель Протасова и неменѣе неизмѣнный Левъ Нарышкинъ помѣщаются вмѣстѣ съ Екатериной, которая, кромѣ того, приглашаетъ къ себѣ въ первый день австрійскаго посланника Кобенцля. На слѣдующій день очередь за Сегюромъ. 14 другихъ каретъ и 124 подводы везутъ остальную свиту. Стоитъ морозъ въ 17 градусовъ. Англійскій посланникъ Фитцъ-Гербертъ также принимаетъ участіе въ путешествіи. Испанскій посолъ Нормандецъ, который напрасно до-



Екатерина II на прогулкѣ.

бивался этой чести, безъ ума отъ досады по этому поводу, по сообщенію Кастера.

Деревянные дворцы, наскоро построенные и меблированные въ намѣченныхъ заранѣе пунктахъ, предназначены для ночлеговъ; на станціяхъ, гдѣ мѣняютъ лошадей, разставлены въ крытыхъ галлереяхъ столы съ освѣжительными напитками. Посуда, которую употребляютъ въ пути, служитъ только на одинъ разъ и становится добычей лакеевъ. Во всемъ большое изобиліе, необыкновенная расточительность, но вмѣстѣ съ этимъ большой безпорядокъ и мало удобства. «Всѣ наши кареты», пишетъ князь де-Линь, «переполнены персиками и апельсинами, наши лакеи опиваются шампанскимъ, а я умираю съ голоду, потому что все перемерзло и отвратительно... Нѣтъ ничего теплаго, кромѣ воды для питья».

Въ Украйнѣ Екатерину ждетъ разочарованіе: Безбородко, на которомъ лежала организація хозяйственной стороны путешествія, приходитъ въ ужасъ отъ чрезмѣрныхъ расходовъ и посылаетъ мѣстному губернатору предупредительный совѣтъ быть экономнѣе. Послѣдній,—который есть не кто иной, какъ знаменитый Румянцевъ;—не изъ тѣхъ, которымъ нужно говорить дважды: онъ сократилъ всѣ расходы до необходимаго минимума и не позаботился объ украшеніи Кіева, святого города, изъ посѣщенія котораго Екатерина хотѣла сдѣлать праздникъ. «Скажите императрицѣ, что мое дѣло брать города, а не наводить на нихъ красоту», отвѣтилъ онъ Мамонову, которому было поручено сдѣлать ему замѣчаніе по этому поводу. Всѣ восторги, о которыхъ императрица мечтала, которыхъ она желала и ждала, начинаются только въ Крыму. Здѣсь Потемкинъ беретъ на себя инсценировку. Одинъ изъ его помощниковъ, Чертковъ, затрудняется понять чудеса, которыя самъ же помогалъ устраивать: «Я былъ въ Тавридѣ съ его высочествомъ... за два мѣсяца до пріѣзда императрицы... и спрашивалъ себя, что она можетъ дать ея величеству. Здѣсь не было ничего! Когда мы пріѣхали сюда съ ея величествомъ, то Богъ вѣсть какія чудеса тутъ появились, и чортъ знаетъ, откуда взялись эти постройки, арміи, населеніе, татары въ богатыхъ костюмахъ, казаки, корабли. Я ходилъ, какъ во снѣ. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ...» Это удивленіе раздѣлялось всѣми современниками, которые также были склонны думать, что такіе преобразованія въ этихъ пустынныхъ степяхъ могли произойти только по щучьему велѣнью. «Какими волшеб-

ствами», спрашиваетъ Ланжеронъ, «можно создавать такія чудеса?» Но онъ самъ же отвѣчаетъ на свой вопросъ: «Нужно сказать, что все это было достигнуто при помощи насилія и страха и повлекло за собой разореніе нѣсколькихъ провинцій. Изъ населенныхъ губерній Малороссіи, гдѣ императрица не должна была проѣзжать, выгнали все населеніе, чтобы размѣстить его по этимъ пустынямъ: тысяча деревень была на извѣстное время лишена жителей, которыхъ перевели вмѣстѣ съ ихъ скотомъ на различныя намѣченныя станціи. Для нихъ на скорую руку построили деревни на холмахъ вблизи Днѣпра. Когда императрица проѣхала, этихъ несчастныхъ малороссовъ погнали снова на ихъ старыя пепелища; многіе умерли во время этихъ перегоновъ... Въ свою бытность генералъ-губернаторомъ этихъ провинцій, тридцать лѣтъ спустя, я могъ убѣдиться въ подлинности всѣхъ этихъ подробностей, которыя мнѣ вначалѣ казались сказочными».

Это свидѣтельство точное, удостовѣренное и убѣдительное.

Въ Кіевѣ садятся на суда, чтобы дальше слѣдовать Днѣпромъ. Этотъ способъ передвиженія вполнѣ отвѣчалъ привычкамъ и вкусамъ Екатерины. Такую прогулку она совершила въ 1767 году по Волгѣ до Костромы въ сопровожденіи иностранныхъ пословъ: вѣнскаго, берлинскаго и копенгагенскаго—французскаго посла тогда не было, но министръ короля имѣлъ тогда на это свои основанія. Тогда для нея самой и для всего экипажа было достаточно десяти галеръ, которыя, какъ описываетъ баронъ Ассебургъ, «всѣ были крытыя, раздѣлены на апартаменты и меблированы; на императорской галерѣ было нѣчто въ родѣ салона, гдѣ государыня обѣдала съ двѣнадцатью гостями безъ всякихъ затрудненій». На этотъ разъ дѣло обстоитъ иначе. Днѣпровская флотилія состоитъ изъ 80 судовъ съ экипажемъ въ 3000 человѣкъ. Акварель Жана Линдсея, художника двора, этой движущейся феерiи, даетъ намъ пестрое изображеніе встрѣчи Екатерины съ Понятовскимъ. Три большихъ барки на парусахъ плывутъ впереди на ровномъ разстояніи другъ отъ друга и съ одинаковыми украшеніями въ красныхъ и золотыхъ краскахъ. На палубахъ устроены павильоны съ большими окнами, надъ павильонами платформы, на которыхъ размѣщены солдаты въ походной формѣ. Первая изъ этихъ галеръ, «Днѣпръ», везетъ императрицу. Рядомъ съ ней идетъ «Бугъ» съ княземъ Потемкинымъ и его двумя племянницами, княгинями Браницкой

и Скавронской. Третья барка, «Десна», служитъ столовой. Дальше слѣдуютъ гуськомъ: «Сновъ» съ графами Безбородко, Ангальтомъ и Левашевымъ, «Сеймъ» съ иностранными послами, среди которыхъ находится также «дипломатическій жокей» князь де-Линь, «Импетъ» съ безумнымъ Львомъ Нарышкинымъ, «Орелъ» съ графомъ Чернышевымъ и его дочерью, «Ежъ» съ другими придворными, секретарями и пр., «Самара» и «Кубань» везутъ кухню и провизію. «Тавель» и «Донъ» образуютъ военный экспортъ. «Золото и шелк»ъ, разсказываетъ графъ Сегюръ, «такъ и сверкаютъ на палубахъ. Каждый изъ гостей находитъ на своей галерѣ комнату и кабинетъ съ роскошной и изящной обстановкой, удобный диванъ, великолѣпную постель изъ тканой тафты и письменный столъ изъ краснаго дерева. На каждой галерѣ своя собственная музыка. Цѣлая флотилія мелкихъ лодокъ и шлюпокъ безпрестанно скользятъ впередъ и съ боковъ эскадры».

Понятовскій издержалъ три милліона на то, чтобы встрѣтить императрицу въ Каневѣ, устроить фейерверкъ въ ея честь, говорить съ ней въ теченіе трехъ четвертей часа и получить отъ Безбородко увѣреніе, что войны съ Турціей еще не предвидится! Ему скоро будетъ стоить меньше свиданіе съ императрицей на берегу Невы, въ Петербургѣ. Но онъ тамъ потеряетъ свою корону, а его родина потеряетъ по его винѣ свою политическую самостоятельность. Участники этого феерическаго путешествія едва обратили вниманіе на эту королевскую интермедію. Геній князя Таврическаго доставляетъ имъ каждый день столько разнообразныхъ развлеченій! «Всѣ остановки устраивались съ такимъ расчетомъ, чтобы избѣжать малѣйшаго утомленія. Флотъ причаливаетъ только у такихъ городовъ и крѣпостей, которые расположены въ живописной мѣстности. Огромныя стада оживляютъ луга, толпы крестьянъ встрѣчаютъ путешественниковъ на берегу; безконечное множество лодокъ, переполненныхъ деревенской молодежью, распѣвающей народныя пѣсни, всегда окружаетъ флотилію». Находясь на «Сеймѣ» рядомъ съ графомъ Сегюромъ, у котораго мы заимствуемъ это описаніе, князь де-Линь будитъ его каждое утро, стуча въ тонкую перегородку, которая отдѣляетъ ихъ кровати, чтобы разсказать ему обо всѣхъ экспромтахъ. Черезъ часъ егерь князя приноситъ молодому дипломату письмо въ шесть страницъ, «смѣсь ума, безумія, политики, галантности, военныхъ анекдотовъ и эпиграммъ». И «неиз-

мѣнно каждый день шла эта переписка между австрійскимъ генераломъ и французскимъ посланникомъ, которые спали рядомъ на одной галерѣ, недалеко отъ сѣверной императрицы, и плыли на «Борисфенѣ» мимо казацкихъ земель въ татарскую страну».

Въ лицѣ этого австрійскаго генерала и французскаго посланника Екатерина везла съ собой Европу, Европу политическую и образованную, культурную и литературную, везла по странѣ казаковъ и татаръ, по фантастической странѣ честолюбивыхъ грезъ; это было высшее вниманіе со стороны всемогущаго фаворита, ласкавшаго гордость честолюбивой любовницы.

Нѣсколько неудачъ прерываютъ на короткій моментъ эти безпрерывные восторги. Очень высоко построенные и обставленные съ чистой декоративной точки зрѣнія суда флотиліи мало приспособлены къ плаванію. Однажды сильное теченіе уноситъ судно Екатерины, бросаетъ его о берегъ и подвергаетъ императрицу серьезной опасности. Она запрещаетъ говорить объ этомъ инцидентѣ, который иностранные дипломаты, оставшіеся съ Нормандецомъ въ Петербургѣ, охотно преувеличиваютъ. Въ Кайданѣ, въ тридцати миляхъ отъ Херсона, высаживаются на берегъ. Въ Херсонѣ встрѣчаютъ Іосифа, который досадуетъ, что далъ себя пригласить безъ большихъ церемоній и принялъ это приглашеніе. Не обнаруживая своего недовольства, онъ мститъ своими злыми отзывами въ бюллетеняхъ, которые онъ посылаетъ фельдмаршалу Ляши и въ которыхъ отказывается раздѣлять восхищеніе своей царственной подруги и ея спутниковъ.

«Безпорядокъ въ этомъ путешествіи царитъ невыразимый. Высадка продолжалась много времени и связана была съ большими затрудненіями. Вещей и людей гораздо больше на судахъ, чѣмъ можетъ быть помѣщено на имѣющихся каретахъ и лошадяхъ. Однимъ приходится уѣзжать впередъ, другіе только позднѣе сумѣютъ двинуться въ путь. У одного князя Потемкина, который помѣшанъ на музыкѣ, сто двадцать музыкантовъ, и бѣдный офицеръ, который страшно пожегъ себѣ руки порохомъ, долженъ былъ четыре дня ждать помощи. Трудно даже себѣ представить, въ какомъ безпорядкѣ совершается сухопутное путешествіе; часть каретъ еще находится на водѣ, — приходится прибѣгать къ мѣстнымъ кибиткамъ для перевозки вещей. Передвигаются по этимъ огромнымъ равнинамъ крайне медленно, и, тѣмъ не менѣе, кареты ломаются, а посуду, матрацы, багажъ бро-

саютъ въ степи, чтобы потомъ испытывать недостатки въ нихъ. Ѣда обильная, но невкусная, холодная, черствая. Наконецъ, кромѣ императрицы, которая очень любезна, иностранцевъ и нѣсколькихъ другихъ человѣкъ, общество которыхъ можно переносить, со всѣми остальными одно наказаніе проводить вмѣстѣ время».

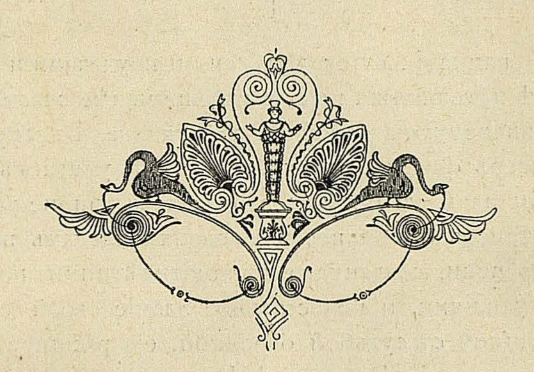
Можно простить августѣйшему путешественнику критику екатерининской кухни: въ день встрѣчи съ государыней онъ едва не остался безъ всякой пищи, такъ какъ повара ея величества заблудились въ дорогѣ или кибитка подъ ними сломалась. Князь Потемкинъ, какъ и всегда, спасъ положеніе, импровизируя изъ себя повара вмѣстѣ съ графомъ Браницкимъ. Вдвоемъ они приготовили обѣдъ, который августѣйшій гость нашелъ отвратительнымъ. Его плохое настроеніе продолжается всю дорогу. То ему не нравится, что его заставляютъ итти по непроходимымъ дорогамъ, чтобы показать ему «козла и козу изъ Ангоры въ Англійскомъ паркѣ», созданномъ Потемкинымъ въ окрестностяхъ Бахчисарая, то онъ замѣчаетъ, что отрядъ бомбардировъ тащили за двѣ тысячи верстъ съ собой, чтобы устроить фейерверкъ въ Карассубазарѣ.

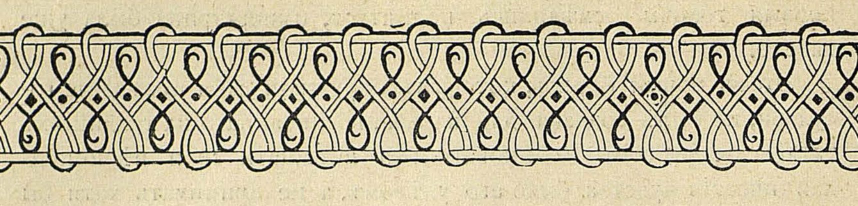
Но Екатерина не видитъ этого или не хочетъ видѣть. Она восторгается безъ всякой задней мысли и безъ оговорокъ чудеснымъ зрѣлищемъ, которое развертывается передъ ея глазами. Она убѣждена, что Крымъ вернетъ ей съ избыткомъ всѣ расходы, которые были сдѣланы на его завоеваніе и посѣщеніе. Только на обратномъ пути этотъ энтузіазмъ ее покидаетъ. Ее удручаютъ извѣстія о плохомъ урожаѣ. Голодъ кажется неизбѣжнымъ, и она совершенно не чувствуетъ себя подготовленной къ нему. Четырехъ милліоновъ рублей, ассигнованныхъ на путевые издержки, оказалось недостаточно. Пришлось истратить еще столько же, но зато удивили всю Европу. Но за такую славу и за такія развлеченія стоило заплатить столько. Россія заплатитъ, какъ и всегда.

Эта бѣдная Россія не была поражена всѣмъ этимъ. Она не была приглашена на это празднество и ничего не видала. Болотовъ разсказываетъ, что въ Тулѣ, гдѣ ожидали императрицу въ полдень, еще съ ранняго утра всѣ улицы были запружены народомъ. Но какъ только показалась карета ея величества, вся толпа упала ницъ и продолжала такъ лежать до тѣхъ поръ, пока весь императорскій кортежъ не проѣхалъ мимо. Когда

первыя головы осмѣлились подняться, императрица была уже далеко.

Этотъ новый блескъ, которымъ окружили себя послѣдніе государи, не былъ созданъ для народа, воспитаннаго на традиціяхъ татарскаго рабства. Повиноваться и выражать свои вѣрноподданническія чувства было его удѣломъ, а не принимать хотя бы малѣйшее участіе въ радостяхъ, за которыя онъ платилъ своимъ потомъ и кровью, не понимая и даже не видя ихъ.





Конецъ царствованія.

I.

Турецкая кампанія съ ея успѣхами и неудачами и начавшаяся вскорѣ послѣ путешествія въ Крымъ еще менѣе счастливая шведская война знаменуютъ собой начало упадка. Въ 1792 году великій режиссеръ феерическихъ спектаклей умираетъ по дорогѣ изъ Молдавіи на краю обрыва; это конецъ эпопеи. Екатеринѣ приходится теперь одной нести на своихъ плечахъ всю тяжесть огромнаго бремени, созданнаго тридцатилѣтними почти всегда успѣшными усиліями, и колоссальное зданіе своей собственной судьбы, связанной съ судьбой огромной, ею расширенной имперіи,—одной рядомъ съ Зубовымъ! И дипломатъ революціи Женэ, котораго она еще терпитъ при своемъ дворѣ, пишетъ Дюмурье: «Такое широкое довѣріе къ человѣку, столь мало освѣдомленному, заставляетъ предположить, что самолюбіе императрицы страдало отъ чрезмѣрной власти, которую захватилъ въ свои руки Потемкинъ; и она, повидимому, теперь хочетъ показать, что она одна управляетъ. Но безжалостная природа разрушаетъ ея планы. Екатерина II замѣтно теряетъ свои силы; она это видитъ сама, и меланхолія начинаетъ овладѣвать ея душой».

Въ интимной перепискѣ государыни проглядываетъ эта меланхолія, медленно проникая, какъ сумерки и холодный туманъ, въ душу, которая такъ долго освѣщалась солнцемъ, лучами молодости и силы. Разрушается физическое здоровье, и вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ моральныя силы. Даже на ея всегда и неизмѣнно ясномъ лицѣ Женэ замѣчаетъ «вѣрные признаки приближающейся водянки и разложенія». Она храбро борется; она хвастается однажды, что прошла пѣшкомъ двѣ или три версты

отъ Зимняго дворца до «Эрмитажа», чтобы показать, какъ она легка и проворна. Она по-своему лѣчится домашними средствами: «Я думаю, что у меня подагра въ желудкѣ», пишетъ она одному изъ своихъ интимныхъ друзей, «я ее выгоняю малагой съ перцемъ, которую я пью каждый день по рюмкѣ».

Но ея имперія также обнаруживаетъ для внимательныхъ наблюдателей явные признаки истощенія и нужды. Въ письмѣ къ графу Воронцову отъ 3 апрѣля 1795 года Безбородко подводитъ итогъ общему положенію, и картина получается крайне мрачная: чтобы встрѣтить турецкую флотилію изъ 25 кораблей, выставленной Портой на Черномъ морѣ, имѣется только девять судовъ, наполовину сгнившихъ: они были построены изъ плохого матеріала; флотъ изъ весельныхъ галеръ, на который разсчитывали, совсѣмъ не существуетъ: Мордвиновъ, которому было поручено это дѣло, думалъ только о томъ, чтобы набить свои карманы. Потемкинъ, который, по крайней мѣрѣ, понималъ людей, весьма мало цѣнилъ его, но новый фаворитъ ему протежируетъ, какъ и Рибасу, который столько же стоитъ. Сухопутная армія выглядитъ лучше, но она дорого стоитъ, потому что ею страшно плохо управляютъ и не на что удовлетворить ея нужды; на возстановленіе флота требуется девять милліоновъ, но не знаютъ, откуда взять эти деньги; дворъ съѣдаетъ три милліона ежегодно и дѣлаетъ на два милліона долговъ; содержаніе одной только графини Браницкой обходится въ двѣсти тысячъ рублей и на графа Николая Салтыкова уходитъ столько же; торговля могла бы принести большіе доходы, если бы ею не завѣдывалъ полусумасшедшій стихоплетъ Державинъ который ее только подрываетъ.

Безбородко принадлежитъ къ числу недовольныхъ, но его свидѣтельство не единичное. Современники почти единодушны въ своемъ мнѣніи о приближающемся страшномъ кризисѣ: политика Екатерины довела всѣ пружины правительственной машины до такого напряженія, которое далеко превышаетъ силу ихъ сопротивленія; во всѣхъ областяхъ средства не могутъ удовлетворить предъявляемыхъ къ нимъ требованій, и Россія не можетъ выдержать той роли, которую ей навязали. Екатерина почти одинока со своимъ неизмѣннымъ оптимизмомъ, и, когда ей самой рисуются иногда грозныя тучи на горизонтѣ и чувствуются легкіе раскаты приближающейся бури, она склонна приписывать эти призраки скорѣе оптическому обману, чѣмъ

измѣнѣ судьбы: это возрастъ, по ея мнѣнію, заставляетъ видѣть вещи въ черномъ цвѣтѣ. И она тотчасъ же старается побороть въ себѣ эти чувства, на которыя она смотритъ, какъ на слабость. Она хочетъ быть веселой. «Я весела и рѣзва, какъ зябликъ», пишетъ она Гримму 15 февраля 1796 года. Она не хочетъ быть больной. «До сихъ поръ я чувствовала себя хорошо», утверждаетъ она въ томъ же письмѣ. Она придумываетъ новыя развлеченія. Она снаряжаетъ экспедицію, чтобы немедленно привести ко двору графа Строганова, который раздѣляетъ общую печаль и заперся на своей дачѣ подъ Петербургомъ. Она приказываетъ напасть на его дачу при пушечныхъ выстрѣлахъ. Принявъ активное участіе въ антиреволюціонной коалиціи, она освѣдомляетъ Гримма о походѣ Суворова тѣмъ веселымъ тономъ, который напоминаетъ ея извѣщеніе о началѣ первой ея кампаніи противъ турокъ: «Говорятъ, что шестьдесятъ тысячъ русскихъ выступили въ походъ, чтобы переправиться черезъ Эльбу и положить конецъ бѣдствіямъ Германіи; говорятъ, что во главѣ ихъ стоитъ маршалъ Суворовъ; говорятъ еще много и увидятъ еще больше; все это мы увидимъ въ волшебномъ фонарѣ. Прощайте, горемыка, ждите рѣшительныхъ ударовъ».

Но прежде, чѣмъ первый ея солдатъ успѣлъ перейти черезъ границу, ей пришлось самой испытать рѣшительный ударъ превратной судьбы, поразившей ее въ первый разъ такъ сильно, что она была оглушена отъ этой неожиданности и крайне смущена. Веселые звуки военной трубы нашли отголосокъ въ ея письмѣ къ «горемыкѣ» отъ 13 августа 1796 года; слѣдующій день для нея праздникъ: графъ Гага и графъ Ваза—будущій шведскій король Густавъ и регентъ королевства за малолѣтствомъ принца, его дядя герцогъ Судерманскій—пріѣзжаютъ въ Петербургъ. Офиціально они пріѣзжаютъ, чтобы объявить о присоединеніи Швеціи къ коалиціи, образовавшейся противъ республиканской Франціи, но въ дѣйствительности ихъ путешествіе связано съ другими обстоятельствами. Уже давно Екатерина лелѣетъ проектъ брака между шведскимъ наслѣднымъ принцемъ и ея внучкой, старшей дочерью Павла, Александрой. Княжна воспитана была на этой мысли.

Однажды, когда она играла на колѣняхъ императрицы, государыня открыла передъ ней альбомъ съ портретами, предложивъ ей выбрать принца, за котораго она хотѣла бы выйти

замужъ. Нисколько, повидимому, не колеблясь, дѣвочка указала пальцемъ на Густава. Теперь наступилъ моментъ осуществить мечту десятилѣтняго ребенка. Молодые люди теперь подросли, ей четырнадцать лѣтъ, а ему семнадцать. Но возникли затрудненія. Регенту казалось, что Екатерина содѣйствовала заговору, организованному Армфельдтомъ противъ его правленія, и онъ мстилъ за это, держась во внѣшнихъ отношеніяхъ политики, враждебной стремленіямъ императрицы, и подготовляя въ то же время бракъ своего племянника съ дочерью герцога Мекленбургъ-Шверинскаго. Въ ноябрѣ 1795 года была объявлена помолвка, и графъ Шверинъ былъ отправленъ въ Петербургъ для оффиціальнаго освѣдомленія объ этомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Стокгольмѣ велись переговоры съ посломъ французской республики Ле-Гокомъ. Но Екатерина не уступала. Она отказалась принять графа Шверина и одно время была, повидимому, готова силою оружія расторгнуть союзъ съ Мекленбургъ-Шверинскимъ дворомъ. Герцогъ Судерманскій долженъ былъ согнуться передъ нависшей опасностью; съ другой стороны, тайный агентъ французской эмиграціи, бывшій секретаръ Калонна, женевецъ Христэнъ, успѣлъ склонить его на сторону антиреволюціонной коалиціи. При содѣйствіи французской актрисы, мадемуазель Гуссъ, любовницы Маркова, пользовавшагося довѣріемъ новаго фаворита императрицы, ему удалось убѣдить самого Зубова пойти на компромиссъ, пріемлемый для обѣихъ сторонъ. Тонкій дипломатъ, баронъ Будбергъ, который уже раньше ѣздилъ въ Германію съ полномочіями по матримоніальному дѣлу, былъ отправленъ изъ Петербурга въ Стокгольмъ съ оффиціозной миссіей. Вскорѣ послѣ этого Ле-Гокъ получилъ прощальную аудіенцію, а регентъ, котораго Екатерина недавно называла «злодѣемъ», увѣрялъ императрицу въ своемъ письмѣ къ ней, что бракъ съ мекленбургской принцессой не состоится до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ у власти, и что онъ отказался отъ союза съ Франціей. Императрица упорно стояла на своемъ и категорически потребовала оффиціальнаго расторженія состоявшейся въ ноябрѣ помолвки и пріѣзда въ Петербургъ князя и его племянника, чтобы просить руки Александры Павловны. Передъ угрозой военной демонстраціи, о которой были притворно отданы распоряженія императрицей, герцогъ Судерманскій уступилъ наполовину: онъ далъ формальное обѣщаніе, что помолвка, вызвавшая такое сильное раздраженіе, никогда никакихъ послѣдствій

не будетъ имѣть, и согласился пріѣхать въ Петербургъ, не беря, впрочемъ, на себя никакихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи въ виду того, что различіе въ религіяхъ создавало до сихъ поръ непреодолимое препятствіе для задуманнаго Екатериной брака. Екатерина еще была сердита: она заявила, что если регентъ и его совѣтники будутъ продолжать говорить о препятствіяхъ, никакого разумнаго основанія за собой неимѣющихъ, то можно будетъ сказать, что они «Богомъ забытые люди». Но она, въ концѣ концовъ, въ свою очередь уступила: когда оба принца будутъ въ Петербургѣ, нетрудно будетъ найти какой-нибудь выходъ изъ положенія.

Они пріѣзжаютъ, и тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ недѣль переговоры не обѣщаютъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Герцогъ Судерманскій не покидаетъ своей позиціи, и ни Зубовъ со своимъ помощникомъ Марковымъ, ни сама Екатерина не могутъ найти никакихъ средствъ, чтобы переубѣдить его. Императрица и слышать не хочетъ о какихъ-нибудь уступкахъ: безъ брака не можетъ быть и рѣчи о соглашеніи, или вести молодую пару подъ вѣнецъ, или начать военныя дѣйствія. Но въ это время происходитъ неожиданное событіе: 4 сентября, послѣ обѣда, при дворѣ, когда всѣ спустились въ садъ, гдѣ было сервировано кофе, Густавъ подходитъ къ императрицѣ и безъ всякихъ предисловій, съ наивностью и пылкостью своихъ семнадцати лѣтъ, заявляетъ ей, что влюбленъ въ княжну Александру, и проситъ ея руки.

Что же произошло? На навозѣ темныхъ интригъ и хитраго политиканства неожиданно расцвѣла идиллія. Молодые люди встрѣтились подъ теплымъ августовскимъ солнцемъ, и подъ шумъ сварливыхъ голосовъ дипломатическихъ агентовъ ихъ сердца говорили на вѣчномъ языкѣ любви и молодости. Съ перваго же дня ихъ знакомства всемогущія чары стали оказывать свое дѣйствіе. Прелестная княжна потеряла наканунѣ любимую собачку и цѣлый день проплакала. Мадамъ Ливенъ приходила въ отчаяніе при видѣ ея красныхъ глазъ. Но теплое солнце кончающагося лѣта скоро высушило эти слезы. Преданная гувернантка даже стала безпокоиться, когда увидѣла, что молоденькая парочка, недолго думая, покинула уютный уголокъ подъ покрывавшей ихъ густой зеленью и беззаботно подставляла свои бѣлокурыя головки подъ палящіе лучи солнца. Но Екатерина, замѣтивъ ея безпокойство, съ улыбкой на устахъ остановила

жестомъ ея движеніе, когда она уже готова была позвать назадъ неосторожныхъ дѣтей. И романъ развивался легко и быстро между четырнадцатилѣтней дѣвочкой и семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Послѣ прогулки наступила очередь для танцевъ. 28 августа былъ балъ у великаго князя, и на слѣдующій день великая княгиня сочла нужнымъ сообщить императрицѣ обо всемъ, что тамъ происходило. Это пишетъ не жена наслѣдника престола, а мать своего ребенка: «Моя дорогая мамаша, я считаю своимъ долгомъ дать вамъ отчетъ о вчерашнемъ вечерѣ, который, повидимому, можетъ служить хорошимъ предзнаменованіемъ, потому что увлеченіе короля Александрой бросалось въ глаза. Онъ почти ни съ кѣмъ не танцовалъ, кромѣ нея. Даже послѣ полуночи, увидѣвъ, что дѣвочка спрашиваетъ у меня, можно ли ей танцовать еще контрдансъ, онъ подошелъ къ регенту и сказалъ ему что-то на ухо. Тотъ добродушно разсмѣялся. Когда я спросила, въ чемъ дѣло, то онъ отвѣтилъ: «Онъ спросилъ у меня, позволено ли молодымъ княжнамъ продолжать танцы, и, получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, сказалъ:—О! въ такомъ случаѣ и мнѣ также еще нужно потанцовать, и тотчасъ же пошелъ приглашать Александру».

Четыре дня спустя послѣ бала въ австрійскомъ посольствѣ, Екатерина сама пишетъ еще болѣе радостное письмо Гримму: «На этомъ балу было очень весело, потому что разнесся слухъ, что на словахъ уже окончательно пришли къ соглашенію. Не знаю, какъ это произошло, отъ радости ли или еще отъ чего-нибудь, но нашъ влюбленный вздумалъ сжать немного руку своей будущей супругѣ во время танца. Та поблѣднѣла, какъ смерть, и тотчасъ же обратилась къ своей гувернанткѣ: «Вообразите, пожалуйста, что онъ дѣлаетъ! Онъ мнѣ сжалъ руку во время танца. Я не знала, что дѣлать».—Что же съ вами было?—Я такъ испугалась, что едва не упала». Послѣ этого бала молодой человѣкъ принялъ свое рѣшеніе и, не желая на этотъ разъ довѣрять свое дѣло регенту, непосредственно обратился къ императрицѣ.

Начиная съ этого момента, они—женихъ и невѣста—и не покидаютъ другъ друга. Они проводятъ цѣлые дни вмѣстѣ на глазахъ растроганной матери, которая продолжаетъ сообщать объ этомъ счастьѣ то бабушкѣ, то отцу, который живетъ въ своемъ мрачномъ уединеніи въ Павловскѣ: «Мой дорогой другъ, я вамъ пишу эти строки, когда наши юные женихъ и невѣста

сидятъ другъ около друга, и все время слышу голосъ жениха Генеральша (мадамъ Ливенъ), Елена и я подтасовываемъ карты. (Sic); Анна сидитъ на стулѣ и играетъ; регентъ и Стедингъ сидятъ съ ними и разсматриваютъ камеи, и я пригласила регента пойти покурить на диванѣ». Дальше слѣдуютъ поцѣлуи для «муженька» и подпись «Маша». Затѣмъ она разсказываетъ бабушкѣ, какъ король плакалъ при мысли о предстоящей разлукѣ въ теченіе восьми долгихъ мѣсяцевъ, въ виду того, что свадьба не можетъ состояться раньше весны. Она его спросила о причинѣ такого замедленія. Почему не сыграть свадьбу теперь же?—«Но дворъ еще не собрался, и апартаменты не готовы...—Что за важность? Дворъ можно очень скоро собрать, а на апартаменты можно и не обращать вниманія, разъ сильно любятъ другъ друга. Вы поженитесь, моя дочь поѣдетъ съ вами, и дѣлу будетъ конецъ.—Но море теперь опасное...» Тутъ Александра вмѣшивается въ разговоръ: «Съ вами я буду себя считать въ безопасности!»—«Положитесь на меня, мосье Густавъ», прибавляетъ мать: «и я переговорю съ императрицей, если вы хотите». Онъ, конечно, согласился и «пришелъ въ такое хорошее настроеніе», заканчиваетъ княгиня, «что все время за ужиномъ только и разговаривалъ съ невѣстой и при всѣхъ былъ очень нѣженъ съ ней». На слѣдующій день новая радость и новая записка къ отцу: «Мой дорогой другъ, да благословенъ будетъ Господь: «помолвка назначена въ понедѣльникъ вечеромъ въ бриллiантовомъ залѣ... будетъ митрополитъ... Затѣмъ... будетъ балъ въ тронной залѣ». Въ понедѣльникъ, 11 сентября, въ 7 часовъ вечера, всѣ, приглашенные присутствовать на церемоніи, собрались въ бриллiантовой залѣ. Пришла невѣста, затѣмъ императрица. Ждутъ только молодого короля. Онъ медлитъ, и государыня начинаетъ проявлять признаки нетерпѣнія; проходитъ четверть часа, затѣмъ еще четверть часа, наконецъ, появляется Марковъ и со смущеннымъ видомъ и дрожащимъ голосомъ шепчетъ нѣсколько слово Екатеринѣ на ухо: «Король не хочетъ притти!» Она дѣлаетъ видъ, какъ-будто хочетъ говорить, широко раскрываетъ ротъ, но звуки замираютъ на ея устахъ; ея лакей Зотовъ бросается къ ней со стаканомъ воды; она проглатываетъ нѣсколько капель, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, поднимаетъ руку и наноситъ Маркову два удара тростью, которой она пользуется съ нѣкоторыхъ поръ во время хотьбы; подбѣгаетъ Безбородко, но она его отталкиваетъ: «Я ему покажу этому со-

пляку!..» раздается ея голосъ; затѣмъ ея слова какъ-будто застрѣваютъ въ горлѣ, она тяжело падаетъ въ кресло.

Что же произошло на этотъ разъ? Случилось то, что фаворитъ и его довѣренный Зубовъ и Марковъ взялись за щекотливое дѣло, не имѣя понятія о тѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ, которыя оно представляло, а Екатерина, въ свою очередь, довѣряла такимъ безразсуднымъ людямъ столь серьезные и столь дорогіе для нея интересы. Въ то время какъ молодые люди обмѣнивались нѣжными клятвами, нужно было выяснить условія проектированнаго брака, и Екатерина потребовала отъ Густава письменнаго обязательства, обезпечивающаго его будущей супругѣ «полную свободу совѣсти и религіи». Король сослался на данное уже имъ ея величеству честное слово въ томъ, что «свобода совѣсти и религіи великой княгини не будетъ стѣснена», и считалъ свою подпись въ данномъ случаѣ излишней. Со своей обычной стремительностью и предубѣжденностью Екатерина слишкомъ поспѣшно составила себѣ мнѣніе объ этомъ молодомъ человѣкѣ, котораго она видѣла въ первый разъ, и нашла въ немъ, какъ это свидѣтельствуютъ ея письма къ Гримму, «много ума и доброты, благоразумія и такта». У него, можетъ быть, и былъ умъ, но очень странный, которому совершенно несвойственны были благоразуміе и тактичность, и его сердечная доброта также подвергалась сомнѣнію. Рѣзко выраженный мистическій фанатизмъ, повидимому, всегда составлялъ основную черту его духовной физіономіи. Женившись впослѣдствіи на баденской принцессѣ, онъ всю брачную ночь читалъ своей женѣ книгу Эсѳири, и, будучи приглашеннымъ въ европейскую коалицію противъ Наполеона, онъ пользовался апокалипсисомъ для объясненія текущихъ событій. Разыгрывая въ данное время съ видимой убѣжденностью, можетъ быть даже искренней, роль страстно влюбленнаго человѣка, онъ старался тайно разставить сѣти молодой, довѣрчивой дѣвушкѣ, заставляя ее съ своей стороны принять на себя словесныя обязательства, значенія которыхъ она не понимала. «Фактъ тотъ», писала Екатерина послѣ катастрофы своему сыну, «что король ссылался на полученное имъ у Александрины обѣщаніе принять лютеранство, и на то, что она дала ему руку на этомъ условіи... Со свойственной ей искренностью и наивностью она мнѣ сказала, что онъ настаивалъ на необходимости причащаться имъ вмѣстѣ въ день коронованія, и что она отвѣтила: «Охотно, если это только можно и если бабушка на это согласна». И по-

слѣ онъ ей нѣсколько разъ объ этомъ говорилъ, а она все отсылала его ко мнѣ. Я спросила у нея, не давала ли она ему руки съ опредѣленнымъ обѣщаніемъ по этому пункту. Она воскликнула съ испугомъ въ голосѣ: «Ни въ коемъ случаѣ!»

Эта двусмысленность создалась благодаря тому, что успокоительныя заявленія Зубова и его сотрудника относительно хода переговоровъ затянули дѣло до дня помолвки. Обѣ стороны разсчитывали на послѣдній моментъ, надѣясь сломить упрямство противника и устроить церемонію помолвки. Но моментъ наступилъ, а обѣ стороны все продолжали стоять передъ раздѣлявшей ихъ стѣной: письменное обязательство, котораго требовала императрица, и мнимыя обѣщанія дочери Павла, на которыя ссылался король, оставались въ прежней силѣ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Зубовъ воображалъ, что Густавъ не осмѣлится нарушить церемонію. Но онъ посмѣлъ это сдѣлать и Екатерина на слѣдующій день утверждала, что ночь съ 11 на 12 іюля 1762 года, когда на карту была поставлена ея собственная судьба и ея жизнь, она меньше перенесла страданій и волненій.

II.

Она скоро приходитъ въ себя и не оставляетъ еще своей затѣи. Спѣшно вызванный новгородскій митрополитъ долженъ былъ проѣхать двѣсти верстъ въ одинъ день, чтобы теперь напрасно ждать церемоніи въ полномъ облаченіи въ теченіе долгихъ часовъ; собравшіеся придворные проскучали до десяти часовъ вечера въ ожиданіи торжественнаго событія и бала: все это небольшія непріятности. Энергичная императрица заставляетъ возобновить переговоры и выражаетъ желаніе, чтобы ея внучка была на другомъ балу, который будетъ данъ въ честь ея именинъ и на который долженъ явиться и Густавъ. Бѣдная княжна проситъ разрѣшенія не явиться на балъ въ виду ея красныхъ глазъ, которые на этотъ разъ не высыхаютъ, но получаетъ записку слѣдующаго содержанія: «Почему вы плачете? Несмотря на недоразумѣнія, ничего не потеряно. Помойте глаза льдомъ и уши также и примите Бестужевскихъ капель. Это я былъ боленъ вчера. Вы разсердились за опазданіе, вотъ и все».

Балъ состоялся, Александра Павловна также явилась, но Густавъ, котораго она тамъ встрѣчаетъ, уже не прежній влюбленный принцъ, а непримиримый лютеранинъ. Наступаетъ окон-

чательный разрывъ. Александра Павловна черезъ два года выходитъ замужъ за австрійскаго эрцгерцога Іосифа, и отъ первыхъ же родовъ умираетъ это хрупкое существо, которому несуждено было наслаждаться счастьемъ. Екатерина побѣждена этимъ испытаніемъ, хотя ничѣмъ не обнаруживаетъ своего настроенія. Это первая неудача, подорвавшая ея престижъ и самоувѣренность, какъ-будто затронула самые источники ея жизни. Въ появившейся кометѣ она видитъ знакъ своего близкаго конца. Ей замѣчаютъ, что раньше она не придавала значенія такимъ предзнаменованіямъ—«Да, раньше!...» отвѣчаетъ она печально. Колики, которыми она обыкновенно страдала послѣ сильныхъ волненій, не прекращаются у нея теперь. На ногахъ открываются раны. Пресловутый авантюристъ, Лямбро-Кацціони, медицинскими совѣтами котораго она воспользовалась теперь, какъ раньше его услугами корсара на Архипелагѣ, рекомендуетъ ей ножныя ванны изъ ледяной морской воды. Это влечетъ за собой приливъ крови къ мозгу и опасность апоплексіи. Однако, въ первыхъ числахъ ноября она себя чувствуетъ лучше. Получивъ извѣстіе, привезенное любекскимъ пароходомъ, объ отступленіи генерала Моро, принужденнаго переправиться назадъ черезъ Рейнъ, она отправляетъ $^{5}/_{16}$ этого мѣсяца Кобенцлю свою знаменитую записку: «Спѣшу извѣстить ваше превосходное превосходительство, что превосходныя войска превосходнаго двора окончательно разбили французовъ». Вечеромъ, въ маломъ «Эрмитажѣ» она очень весела и Левъ Нарышкинъ, переодѣтый мелкимъ торговцемъ, ее очень забавляетъ. Но она уходитъ все-таки раньше обыкновеннаго, заявивъ, что у нея появились колики отъ смѣха. На слѣдующій день она встаетъ въ обычный часъ, разговариваетъ нѣкоторое время съ фаворитомъ, работаетъ со своими секретарями, затѣмъ отсылаетъ послѣдняго изъ нихъ, попросивъ его обождать ея приказаній въ передней. Но ждать приходится необычайно долго, и секретарь начинаетъ безпокоиться. Вѣрный Зотовъ осмѣливается черезъ полчаса проникнуть въ спальню. Но императрицы нѣтъ ни здѣсь, ни въ уборной. Онъ поднимаетъ шумъ, сбѣгаются люди, и ее находятъ наконецъ, въ гардеробной лежащей безъ всякаго движенія, съ отекшимъ лицомъ, съ пѣной у рта и предсмертными хрипами въ горлѣ.

Существуетъ легенда, будто въ этой комнатѣ она поставила тронъ Понятовскаго, привезенный среди другой добычи изъ

несчастной Польши. Вздорная и низкая мысль. Дочь Петра Великаго вспомнила, что на этомъ тронѣ до ея коронованнаго любовника, который и самъ не заслуживалъ такого униженія въ своемъ несчастіи, сидѣли коронованные короли, въ рукахъ которыхъ нѣкоторое время были судьбы Россіи: Баторій, Сигизмундъ Ваза и его сынъ Владиславъ. И вотъ этотъ кусокъ золоченаго дерева, профанированный и загрязненный ею символъ, мстилъ теперь! Смерть застигла здѣсь гордую побѣдительницу, которая должна была кончать свою жизнь въ этой грязной, унизительной обстановкѣ.

Ее перенесли въ спальню и положили на постель, и еще 37 часовъ она была въ агоніи, не приходя уже въ сознаніе. Когда врачи заявили, что надежды больше нѣтъ, то всѣ увидѣли, что Павелъ уже былъ здѣсь. Двадцать курьеровъ были отправлены за нимъ въ Павловскъ друзьями завтрашняго дня. Цѣлый кортежъ встрѣтилъ его у воротъ столицы. Но въ этомъ дворцѣ, который былъ переполненъ приближенными Екатерины и въ которомъ онъ еще наканунѣ никакимъ вліяніемъ не пользовался, когда всѣ мужчины и женщины были охвачены ужасомъ неожиданной катастрофы, какъ-будто для нихъ наступилъ конецъ міра, его присутствіе никѣмъ не было замѣчено. Авторъ любопытныхъ мемуаровъ, Шишковъ, пришедшій въ этотъ день посѣтить по своему обыкновенію фаворита, даетъ въ нѣсколькихъ выразительныхъ чертахъ картину общей растерянности и удрученнаго настроенія при дворѣ. Войдя въ залу для аудіенцій и ничего еще не зная о случившемся, онъ былъ удивленъ, что никого тамъ не нашелъ. Только одинъ Лямбро-Кацціони стоялъ тамъ блѣдный, какъ смерть, неподвижный, съ широко раскрытыми глазами безъ всякаго выраженія. Онъ ничего не отвѣтилъ на его вопросъ и не тронулся съ мѣста, производя впечатлѣніе восковой фигуры. Затѣмъ является туда Николай Зубовъ, братъ фаворита: онъ двигается, какъ автоматъ, и также, повидимому, потерялъ способность говорить. Шишковъ направляется тогда къ выходу. На лѣстницѣ онъ встрѣчаетъ Грибовскаго; онъ хочетъ его спросить, что тутъ произошло, но чувствуетъ, что самъ онѣмѣлъ, горло сдавили спазмы и слова не вылетаютъ изо рта. Его охватываетъ дрожь, хотя онъ и не знаетъ ничего, и его страхъ увеличивается еще больше, когда видитъ, что Грибовскій также дрожитъ и шевелитъ губами, не будучи въ состояніи издать ни одного звука. Они такъ и рас-

ходятся, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ. Наконецъ, Шишковъ выходитъ изъ дворца и пускается бѣжать. Онъ возвращается домой и, весь дрожа отъ лихорадки, ложится въ постель, ничего не узнавъ.

Но Павелъ не теряетъ времени. Между тѣмъ какъ Роджерсонъ, Зотовъ, Перекусихина и Зубовъ хлопочутъ около умирающей, пытаясь облегчить ея страданія и вытирая ей губы, съ которыхъ течетъ кровавая пѣна, онъ занятъ съ Безбородко въ сосѣдней комнатѣ. Онъ роется въ письменномъ столѣ государыни и просматриваетъ бумаги. По общему мнѣнію, существовало завѣщаніе, отрекавшее наслѣдника отъ престола; при немъ же былъ, говорятъ, объяснительный манифестъ, подписанный двумя популярными героями, Румянцевымъ и Суворовымъ. И *правда воли монаршей* Петра Великаго остается въ силѣ, объявляя самодержавную власть монарха единственнымъ регуляторомъ престолонаслѣдія.

Если вѣрить легендѣ, то Павелъ открылъ этотъ старый документъ. Онъ беретъ въ руки конвертъ, завернутый въ черную ленту съ надписью: «Вскрыть послѣ моей смерти въ Совѣтѣ». Не говоря ни слова, онъ посмотрѣлъ на Безбородко. Тотъ, въ свою очередь, молча переводитъ свои глаза на каминъ, гдѣ горитъ огонь, можетъ быть, разведенный еще самой Екатериной наканунѣ утромъ...

Такова легенда. Исторія можетъ къ этому прибавить, что, нѣсколько недѣль спустя, Суворовъ въ суровой опалѣ, а Румянцевъ внезапно умираетъ отъ апоплексическаго удара, когда узнаетъ о смерти великой императрицы и о восшествіи на престолъ ея сына. Среди бумагъ Екатерины сохранился проектъ закона о престолонаслѣдіи, и онъ указываетъ на Павла, какъ на наслѣдника короны. Но это ранній документъ, относящійся, вѣроятно, ко времени Законодательной комиссіи (1767 г.).

Павелъ безпрепятственно восходитъ на престолъ, и за предѣлами двора смерть Екатерины далеко не производитъ того впечатлѣнія, которое такъ краснорѣчиво описано Шишковымъ. Вотъ что пишетъ Ланжеронъ въ своихъ мемуарахъ по этому поводу: «Когда я получилъ офиціальное извѣщеніе... я, согласно приказу, распорядился, чтобы мой полкъ принесъ присягу императору Павлу. Я былъ пораженъ тому равнодушію, съ которымъ солдаты и офицеры встрѣтили эту новость; они не проявляли ни печали, ни сожалѣнія». Несмотря на то, что Ека-

терина одержала свою побѣду, опираясь на военную силу и не смотря на то, что военная среда наложила извѣстный отпечатокъ на ея царствованіе, она по словамъ одного француза, не пользовалась любовью въ арміи, и весь русскій народъ не скоро пришелъ къ сознанію, что вмѣстѣ съ трупомъ великой императрицы онъ похоронилъ славное прошлое, которому долго не суждено было возродиться. Что же касается Европы, то ей некогда было въ это время заниматься петербургскими событіями: въ тотъ самый день, когда императрица испустила свое послѣднее дыханіе, унося съ собой утѣшительный призракъ тріумфа коалиціи надъ революціонными арміями, другой генералъ, соотечественникъ Моро, перешелъ Аркольскій мостъ въ ураганѣ энтузіазма,—который возвѣщалъ Аустерлицъ.

III.

Россія медлила съ выраженіемъ своей признательности, даже съ постановкой памятника, достойнаго современной Семирамиды. При жизни Екатерина протестовала противъ такой формы почитанія. «Я не хочу памятника», писала она Гримму 20 сентября 1783 года, «и какъ онъ ни божественъ (Рейфенштейнъ) въ мечтѣ, я не завидую его удовольствію, но моего согласія на постановку не будетъ. Площади Петербурга загромождены». Она отбивала охоту проектировать статуи, но всегда очень терпимо относилась къ карикатурамъ; она всегда первая смѣялась при ихъ появленіи, иногда нѣсколько искусственнымъ смѣхомъ, какъ, напр., въ этомъ письмѣ къ «горемыкѣ»: «Въ Голландіи сдѣлали медаль, на которой изображены императрица, королева и русская императрица сидящими въ каретѣ, а прусскій король кучеромъ на облучкѣ. Но вопросъ, куда онѣ ѣдутъ, онѣ отвѣчаютъ: куда кучеру угодно будетъ насъ вести. Я нашла это очень смѣшнымъ; здѣсь недостаетъ только правды, чтобы карикатура была пикантной, или музыки французской комической оперы, чтобы шутка вышла совсѣмъ плоской». Иногда она сердилась и приказывала сжигать рисунки, которые по своей дерзости и неприличію, какъ она справедливо думала, переходили всякую мѣру. Ихъ сохранилось очень много въ коллекціяхъ современныхъ гравюръ; большинство ихъ не заслуживаетъ описанія, какъ, напр., «Обѣдъ Екатерины», смыслъ кото-

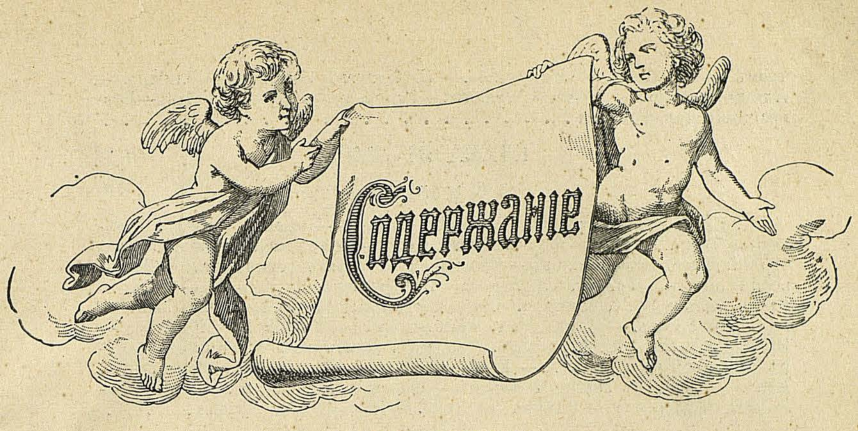
рой, по преданію, приблизительно такой: «Если ты такъ любишь людей, то ѣшь ихъ мясо и пей ихъ самую чистую кровь»; или также другой рисунокъ, изображающій императрицу, упирающейся одной ногой въ Варшаву, другой—въ Константинополь, и покрывающей своими огромными юбками всѣхъ вѣнценосцевъ Европы, въ томъ числѣ и папу. Но она была увѣрена, безъ сомнѣнія, что послѣ ея смерти найдется Фальконэ, можетъ быть, даже русскій Фальконэ, который сдѣлаетъ для нея то, что она сдѣлала для Петра Великаго. Взявшись рисовать ея портретъ, Лампи помѣстилъ въ глубинѣ полотна бюстъ великаго царя и сдѣлалъ надпись: «Она завершила то, что онъ началъ».

Фальконэ явился не скоро. Первыми оказались бѣдные нѣмецкіе колонисты Саратовской губерніи, которые на скромномъ пьедесталѣ изъ гранита поставили изображеніе императрицы въ благодарность за благодѣянія, оказанныя ею ихъ предкамъ. Признательность прямыхъ наслѣдниковъ той славы, которая заполняла Европу въ теченіе четверти столѣтія, нашла свое выраженіе только въ 1883 году въ болѣе роскошномъ, но менѣе удачномъ памятникѣ. Онъ поставленъ посреди большого сквера, примыкающаго къ императорской библіотекѣ, Аничкову дворцу и Александринскому театру. Эта работа Микешина мало радуетъ взоръ. Изображенная въ моментъ движенія со скипетромъ императрица производитъ впечатлѣніе идущей въ процессіи со свѣчой въ рукѣ. Нижняя часть памятника изъ бронзы представляетъ подражаніе памятнику Фридриха II въ Берлинѣ и какъ бы составляетъ другую работу. Тутъ представлены главныя фигуры изъ среды приближенныхъ императрицы: Потемкинъ, попирающій ногой турецкую чалму, чесменскій побѣдитель Орловъ и кагульскій герой Румянцевъ, и княгиня Дашкова, и Бецкій, и Державинъ... Но бронза измѣнила мысли артиста, и его фигуры вышли неудачными: завоеватель Крыма скорѣе напоминаетъ больного, чѣмъ тріумфатора, а дикій Орловъ производитъ впечатлѣніе кающагося грѣшника. Общимъ своимъ видомъ памятникъ напоминаетъ колокольчики, которые въ теченіе долгаго времени можно было видѣть на всѣхъ столахъ, съ ручками, изображавшими Наполеона со скрещенными на груди руками.

Бронза и мраморъ оказались несостоятельными по отношенію къ памяти Екатерины. Типографская краска оказалась на большой высотѣ: единственнымъ достойнымъ ея памятникомъ

являются до настоящаго времени посвященные ей труды русскаго Императорскаго Историческаго Общества. Но это только собраніе матеріаловъ. «Счастливъ будетъ писатель, который черезъ сто лѣтъ дастъ исторію Екатерины II», сказалъ Вольтеръ. Я не претендовалъ на это счастье: я только старался открыть этотъ путь и увѣренъ, что самъ шелъ имъ.





ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ближайшіе сотрудники

I.

Орловы.

II.

Потемкинъ.

III.

Зубовы.


2011109767